Половцов
П. А.

Дни затме-
ния.

Париж.

ИМЛ—Библиотека
II 2
П 747

ДНИ ЗАТМЕНІЯ

(Записки Главнокомандующаго Войсками
Петроградскаго Военнаго Округа
генерала П. А. ПОЛОВЦОВА
въ 1917 году)

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНІЕ“ — „LA RENAISSANCE“
2, rue de Sèze, Paris (9).

ИЗДАНІЯ „ВОЗРОЖДЕНІЯ“

Ив. Шмелевъ.—Солнце мертвыхъ . . . . . въ 1 томѣ

Евг. Чириковъ.—Мой романъ . . . . . въ 1 томѣ

В. Новиковъ.—Фашизмъ . . . . . въ 1 томѣ

Ив. Шмелевъ.—Человѣкъ изъ ресторана . . . . въ 1 томѣ

Ген. П. А. Половцовъ.—Дни затменія . . . . . въ 1 томѣ

Илья Сургучевъ.—Эмигрантскіе разсказы . . . . въ 1 томѣ

Бор. Суворинъ.—Фазанъ . . . . . въ 1 томѣ

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

ÉDITIONS

LA RENAISSANCE

(*Vozrojdenie*)

2, Rue de Sèze, 2.—Paris IX.

Tél. Richelieu 94-98, 94-99.

ЦР
П747

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

(013
28) 1799/36 с 1.

1087458
с 90
2294

Copyright by Vozrojdenie.

Tous droits réservés.

Перепечатка воспрещается.

2012

ЦР
П 747

ДНИ ЗАТМЕНІЯ

(Записки Главнокомандующаго Войсками
Петроградскаго Военнаго Округа
генерала П. А. ПОЛОВЦОВА
въ 1917 году)

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНІЕ“ — „LA RENAISSANCE“
2, rue de Sèze, Paris (9).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ обнародыванію своихъ воспоминаній объ революціи, я прошу читателя не искать въ нихъ ни связнаго хронологическаго описанія событій, ни какихъ либо опредѣленныхъ политическихъ или соціологическихъ выводовъ. Записки были мною составлены въ 1918 году, по отдѣльнымъ замѣткамъ и сохранившимся документамъ. . . Онѣ представляютъ собой сборникъ личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ только что пережитаго прошлаго. Этотъ характеръ я за ними и оставилъ, тщательно избѣгая вносить какія бы то ни было существенныя измѣненія, или добавленія, которыя, однако, иногда сами собой напрашиваются, когда оглядываешься на прошлое послѣ промежутка времени въ 10 лѣтъ. . . Кое какія подробности я выпустилъ. Онѣ касались лицъ смертью своею запечатлѣвшихъ служеніе Родинѣ, а если кто нибудь изъ живыхъ почувствуетъ себя задѣтымъ, пускай онъ вспомнитъ совершенныя ошибки и не обижается на того, кто въ этихъ ошибкахъ подмѣчалъ смѣшную сторону.

Мнѣ могутъ поставить въ упрекъ слишкомъ, повидимому, легкомысленное отношеніе къ такому трагическому явленію, какъ русская революція, но, во-первыхъ, повторяю, я не претендую на роль вдумчиваго лѣтописца, а затѣмъ, мнѣ кажется, что событія 1917 года явились лишь завершительнымъ

актомъ 300-лѣтняго періода Русской исторіи. Настоящая Революція (съ большой буквы), бытовая и психологическая, въ нѣдрахъ Русскаго народа началась послѣ этихъ событій, продолжается и по сіе время, и неизвѣстно къ чему еще приведетъ, а въ 1917 году не могли не казаться смѣшными потуги къ какому то планомѣрному созиданію со стороны тѣхъ, что разрушилъ старое. Они не могли понять, что въ Россіи у нихъ не было достаточно крѣпкихъ корней, чтобы внѣдрить свою идеологію въ массы и заставить эти массы пойти въ направленіи иномъ, чѣмъ линія наименьшаго сопротивленія. Многіе изъ дѣятелей того времени теперь покаялись и, слава Богу, свои ошибки сознали. Да послужитъ ихъ опытъ урокомъ для тѣхъ, кто въ будущемъ будетъ вынесенъ волной историческихъ событій на роль народныхъ руководителей, и, хотя рѣдко чужой опытъ идетъ на пользу, будемъ надѣяться на то, что въ грядущей Россіи найдутся люди болѣе чутко улавливающіе пульсъ историческихъ событій, ихъ направленіе и теченіе.

П. Половцовъ.

ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1917 года Кавказская Туземная конная дивизія, въ коей я занималъ тогда должность начальника штаба дивизіи, стояла на отдыхѣ въ Бессарабіи послѣ тяжелой боевой службы на Румынскомъ фронтѣ осенью 1916 года. Такъ какъ эта дивизія, извѣстная въ публикѣ подъ названіемъ «дикой», играла нѣкоторую роль въ событіяхъ революціонной эпохи и такъ какъ моя личная жизнь была съ ней довольно тѣсно связана, я позволю себѣ дать нѣкоторыя краткія свѣдѣнія о томъ, что представляла изъ себя эта интересная воинская часть.

Въ самомъ началѣ войны на Кавказѣ были сформированы конные полки изъ добровольцевъ тѣхъ мусульманскихъ племенъ, которыя въ мирное время были освобождены отъ воинской повинности. Полковъ этихъ было шесть:Кабардинскій, 2-ой Дагестанскій, Татарскій, Чеченскій и Ингушскій, они были сведены въ дивизію и начальникомъ этой дивизіи былъ назначенъ братъ Государя, Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Цѣль этого формированія была не только боевая, но и политическая, чтобы показать неразрывную связь Кавказа съ Россіей привлеченіемъ въ общерусское дѣло Кавказскихъ народностей, а назначеніе Великаго Князя начальникомъ дивизіи являлось особой милостью Царя къ этимъ народно-

стямъ; нѣкоторую роль играло и чисто утилитарное соображеніе: удалить съ Кавказа на время войны наиболѣе безпокойные элементы, особенно мусульманскіе, среди которыхъ могла бы имѣть успѣхъ опасная туркофильская пропаганда, или просто чрезмѣрно развиваться природные разбойничьи инстинкты.

Офицерскій и унтеръ-офицерскій составы были почти сплошь русскіе.

Мнѣ пришлось сформировать Татарскій полкъ изъ Елисаветопольскихъ и Бакинскихъ татаръ, командовать сначала ими, потомъ 2-ой бригадой, а въ 1916 году, послѣ сдачи Великимъ Княземъ дивизіи Генералу Князю Багратіону, я былъ назначенъ начальникомъ штаба дивизіи. Дивизія два года дралась на Галиційскомъ фронтѣ съ большой доблестью, нѣсколько блестящихъ конныхъ атакъ заслужили ей репутацію серьезной боевой части, а послѣ удачныхъ дѣйствій на румынскомъ фронтѣ при чрезвычайно трудной обстановкѣ, у Князя Багратіона явилась мысль увеличить составъ дивизіи и развернуть ее въ корпусъ, благо на Кавказѣ подходящихъ элементовъ было еще много, да и на фронтѣ было еще нѣсколько мусульманскихъ частей, которыя можно было намъ придать (1-ый Дагестанскій, Осетинскій, Крымскій-Татарскій и Туркменскій). *).

Какъ только мы встали на отдыхъ въ Бессарабіи, Князь Багратіонъ поѣхалъ въ Ставку, чтобы выяснить, какъ на это посмотритъ начальство, и вернулся въ восторгѣ. Оказалось, что Государь этой мысли сочувствуетъ и приказалъ представить соотвѣтственныя соображенія. Я моментально засѣлъ писать докладъ и составилъ такую краснорѣчи-

*) Эта идея была впослѣдствіи осуществлена Корниловымъ, когда онъ пошелъ на Петроградъ въ 1917 году.

вую поэму, что всякій, ее прочитавшій, долженъ былъ убѣдиться въ насущной необходимости для спасенія отечества немедленно развернуть Туземную дивизію въ корпусъ. Докладъ отправили въ Ставку, а на Кавказъ полетѣли радостныя письма, предупреждавшія о предстоящемъ въ скоромъ времени дополнительномъ наборѣ туземныхъ добровольцевъ. Прошелъ мѣсяцъ безъ отвѣта. Тогда Князь Багратіонъ попросилъ меня поѣхать въ Ставку поторопить разрѣшеніе этого вопроса съ тѣмъ, чтобы предварительно заѣхать въ Петроградъ, явиться къ Великому Князю Михаилу Александровичу, только что назначенному Генералъ-Инспекторомъ Кавалеріи и заручиться его одобреніемъ

Пріѣхавъ въ Петроградъ, испрашиваю аудіенцію у Великаго Князя. Онъ меня принимаетъ въ понедѣльникъ, 20 февраля, на Галерной въ Управленіи его дѣлами. Сначала бесѣдуемъ о дивизіи, о командованіи которой Великій Князь всегда вспоминаетъ съ горячимъ чувствомъ симпатіи. Онъ меня разспрашиваетъ про послѣднія боевыя дѣла, про судьбу отдѣльныхъ командировъ и офицеровъ и т.д. Затѣмъ я докладываю планъ расширенія ея въ корпусъ, и говорю, что завтра ѣду въ Ставку и хотѣлъ бы предварительно знать его взглядъ на этотъ вопросъ. Онъ мнѣ отвѣчаетъ, что вполнѣ моему плану сочувствуетъ и что если его запросятъ, то онъ, конечно, всячески насъ поддержитъ. Послѣ разговора выхожу, очарованный, какъ всегда, сердечностью и теплой простотой, неизмѣнно вѣявшей отъ Великаго Князя.

Въ среду пріѣзжаю въ Могилевъ, отправляюсь къ Генералъ-Квартирмейстерскую часть, гдѣ сначала бесѣдую со всякими пріятелями и товарищами по Генеральному Штабу, а затѣмъ добираюсь до Генерала Лукомскаго. Онъ меня встрѣчаетъ

весьма радушно, но говоритъ, что весь вопросъ о Туземной дивизіи находится у Дежурнаго Генерала, т. е. Кондзеровскаго, и рекомендуетъ не питать особенно радужныхъ надеждъ на благопріятный исходъ дѣла.

Отправляюсь въ Дежурство, гдѣ разговоръ съ Генераломъ Кондзеровскимъ сразу принимаетъ оборотъ непріятный. Оказывается, было совѣщаніе Главнокомандующихъ фронтами, на которомъ рѣшили сокращать кавалерію въ виду трудности ея прокормленія, и Кондзеровскій заканчиваетъ словами: «Если сокращаютъ «настоящую» кавалерію, то какъ же вы хотите, чтобъ мы увеличили вашу «дикую» дивизію»?

Съ гордостью заявляю, что мало есть «настоящихъ» кавалерійскихъ дивизій, которыя могутъ похвастаться 18-ью конными атаками за годъ, но удаляюсь съ поджатымъ хвостомъ.

Обидно, что Князь Багратіонъ разгласилъ, что самъ Государь одобрилъ планъ формированія корпуса. Теперь получится разочарованіе и недовольство и въ дивизіи, и на Кавказѣ. Вредно для Царскаго авторитета.

Завтракаю въ штабной столовой за столомъ военныхъ агентовъ. Послѣ завтрака дѣлаю визитъ иностраннымъ агентамъ, а затѣмъ, для очистки совѣсти, дѣлаю послѣднюю попытку спасти дѣло Туземнаго корпуса и отправляюсь къ помощнику Начальника Штаба Генералу Клембовскому, считавшемуся главнымъ врагомъ кавалеріи. Встрѣчаетъ онъ меня весьма любезно, но говоритъ, что вопросъ окончательно рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, а затѣмъ дѣлаетъ энергичную контръ-атаку, порицая меня за то, что я въ это дѣло втягиваю Великаго Князя Михаила Александровича, стара-

ясь воздѣйствовать на штабъ Высочайшей протекціей.

Отвѣчаю, что Его Высочество интересуется этимъ дѣломъ не какъ Великій Князь, а какъ бывшій начальникъ дивизіи и Генералъ Инспекторъ Кавалеріи. Совершенно ясно, что всѣ мои карты биты и дѣло окончательно провалено.

Выхожу на дворъ, гдѣ встрѣчаю своего друга Флигель-адьютанта Графа Замойскаго, и съ нимъ иду къ Командиру Конвоя; оба стараются меня утѣшить и уговариваютъ меня не уѣзжать завтра, утверждая, что, навѣрное, Государь пожелаетъ меня видѣть. Ясно, что лица Свиты не любятъ, чтобы люди уѣзжали изъ Ставки недовольными, и теперь будутъ приняты мѣры, чтобы меня успокоить и огладить.

Передъ обѣдомъ заѣзжаю съ визитомъ къ Генералу Иванову, бывшему Главнокомандующему Ю.-З. фронтомъ, нынѣ состоящему при Его Величествѣ. Я служилъ у него въ штабѣ въ Японскую войну и очень люблю его. Вспоминаемъ минувшіе дни, Ляоянъ — Шахе — Мукденъ, попиваемъ чай съ сухариками. Старикъ жалуется, что не у дѣла, что много видитъ мерзости, но ничему помочь не можетъ.

Отправляюсь обѣдать къ Замойскому. Во время обѣда слушаю разные разсказы о жизни въ Ставкѣ. Очевидно между Царской Свитой и профессіональнымъ штабомъ существуетъ конкуренція, да она и неизбѣжна, но каково бѣдному Алексѣеву работать при этихъ условіяхъ.

Одинъ изъ разсказовъ особенно меня заинтересовалъ. Оказывается, что послѣ сокращеній, произведенныхъ въ регулярной кавалеріи, гдѣ въ каждомъ полку изъ шести эскадроновъ, два были превращены въ пѣхоту, то же самое хотѣли сдѣлать

въ казачьихъ полкахъ. Въ кавалеріи эти мѣры породили, само собой, большое неудовольствіе, но у казаковъ, гдѣ лошадь являлась собственностью всадника, могли получиться крайне нежелательныя послѣдствія, а съ казаками ссориться, въ особенности при тревожномъ положеніи внутри страны, казалось неразумнымъ. Если кавалерію трудно было довольствовать на фронтѣ, слѣдовало ее отвести на зиму въ тылъ и сохранить для ея настоящей работы, т. е. преслѣдованія разбитаго врага. Всѣ считали, что лѣтомъ 1917 года разгромъ нѣмцевъ долженъ наконецъ произойти, и тогда большія кавалерійскія массы оказали бы неоцѣнимыя услуги.

Однако, проектъ о сокращеніи въ казачьихъ частяхъ въ Ставкѣ былъ уже разработанъ, но тутъ произошелъ оригинальный инцидентъ. Одинъ изъ досужихъ Флигель-адъютантовъ, большой сторонникъ кавалеріи, увидалъ въ Генералъ-Квартирмейстерскомъ отдѣленіи перехваченную нѣмецкую радіо-телеграмму знаменитаго фонъ Шметтова, поздравлявшаго своихъ коллегъ съ сокращеніемъ русской кавалеріи, какъ доказательствомъ того, что русскіе отказались отъ надежды на побѣдоносный исходъ войны. Эта телеграмма была окольными путями доведена до свѣдѣнія Государя, и приказъ о сокращеніи казачьей конницы никогда не былъ подписанъ.

Съ особымъ удовольствіемъ слушаю этотъ анекдотъ и съ трудомъ воздерживаюсь отъ искушенія въ пріятельскомъ кругу сознаться въ томъ, что эта телеграмма была пущена въ темную ночь на румынскомъ фронтѣ, но совсѣмъ не фонъ Шметтовымъ, а мною. Она была сейчасъ же подхвачена главной Берлинской станціей и повторена ею по всѣмъ фронтамъ.

Фонъ Шметтовъ, вѣроятно, сильно удивился за

утреннимъ кофе, но подлинности своей подписи никогда не опровергъ, а моя провокація удалась блестяще. Особенныхъ угрызеній совѣсти не чувствую, вспоминая имена другихъ «великихъ провокаторовъ» изъ исторіи Генеральнаго Штаба, о подвигахъ коихъ намъ въ Академіи говорили при закрытыхъ дверяхъ и только тѣмъ офицерамъ, которые были уже выпущены въ Генеральный штабъ. Вѣроятно, на томъ свѣтѣ остался доволенъ мною Прусскій майоръ Врайтенфельсъ, столь хитро и удачно втянувшій все свое начальство въ побѣдоносное сраженіе 6-го августа 1870 года при Вертѣ.

Во время обѣда приходитъ записка съ приглашеніемъ меня на Высочайшій завтракъ на слѣдующій день. Отправляюсь спать въ вагонъ. Въ четвергъ утромъ штабной шоферъ, ненамѣнная дружба коего куплена мною за 25 рублей, пріѣзжаетъ за мной на вокзалъ и везетъ меня въ штабъ. Въ ожиданіи Царскаго выхода, бесѣдую со старыми знакомыми, съ англійскимъ генераломъ, попадавшимся мнѣ въ Манджуріи, съ протопресвитеромъ военнаго духовенства Шавельскимъ, тоже старымъ соратникомъ, нѣжно кидающимся мнѣ на шею, съ министромъ Двора Графомъ Фредериксомъ, съ Воейковымъ и другими.

Выходитъ Государь. Онъ въ формѣ своего 6-го пластунскаго баталіона. Черкеска сидитъ на немъ хорошо, а между тѣмъ съ элегантностью носить этотъ костюмъ не всякому дано.

Пьемъ великолѣпную водку, причемъ замѣчаю, что Государь пьетъ очень мало.

Разсаживаемся. Алексѣева нѣтъ; характерно, что онъ предпочитаетъ питаться въ штабной столовой. Рядомъ съ Государемъ справа старшій изъ иностранцевъ, а слѣва Ивановъ. Я оказываюсь рядомъ съ румынскимъ генераломъ. Приходится

ему говорить пріятныя вещи о его странѣ, когда я столько наводилъ критики на ихъ порядки, которые были дѣйствительно крайне неудовлетворительными, когда они вступили въ войну.

Напротивъ меня сидитъ отецъ Шавельскій. Заговариваю съ нимъ, стараясь поддержать своего дивизіоннаго священника Поспѣлова, норовящаго получить одновременно и Владиміра на шею и медаль за «храбрость», но вмѣсто того получившаго лишь синодское благословеніе. Шавельскій приходитъ въ негодованіе и проситъ меня объяснить Поспѣлову, что лучшее украшеніе пастыря это — смиреніе, а не кресты и медали. Подмѣчаю, судя по взгляду, что Ивановъ разговариваетъ съ Государемъ обо мнѣ.

Послѣ завтрака всѣ переходятъ въ сосѣднюю залу, гдѣ меня ставятъ между окнами у стѣны, вдоль которой выстраиваютъ тѣхъ, съ кѣмъ Государь будетъ бесѣдовать. Тутъ меня подхватываетъ Ивановъ и торопливо шепчетъ: «За завтракомъ мы съ Государемъ говорили о томъ, какой вы молодецъ, а только, если вы теперь будете съ нимъ бесѣдовать слишкомъ... опредѣленно, буду дергать васъ за фалды». Государь кончаетъ разговоръ съ Шавельскимъ и подходитъ ко мнѣ.

Тѣ же свѣтлые, голубые глаза, та же свѣтлая очаровательная улыбка.

Я рапортую по положенію: «такой-то (должность, чинъ и фамилія) имѣетъ счастье представиться Вашему Императорскому Величеству».

Государь улыбаясь говоритъ, что во время завтрака наблюдалъ мою дружелюбную бесѣду съ румыномъ, отвѣчаю, что поневолѣ пришлось, но что воевать у нихъ непріятно.

Царь смѣется, а сзади Ивановъ дергаетъ меня за черкеску. Разговоръ переходитъ на дивизію,

вкратцѣ докладываю о современномъ ея положеніи. Государь говоритъ: «Да, хорошо работаютъ кавказцы, даже здѣсь духъ захватываетъ, читая донесенія про ихъ атаки». Очень хотѣлось увеличить дивизію, но совѣщаніе Главнокомандующихъ фронтами, наоборотъ, нашло необходимымъ сократить кавалерію. На это я скромно заявляю: «А жалко, Ваше Величество, горцы такой чудный боевой матеріалъ», — сзади чувствуется очень настойчивое потягиваніе черкески. Разговоръ кончается пожеланіями здоровья, успѣха, и просьбой передать Царскій привѣтъ кавказцамъ.

Царь переходитъ дальше по линіи, потомъ удаляется въ сопровожденіи Воейкова. Мнѣ рекомендуютъ подождать пока Воейковъ не выйдетъ отъ Государя и поговорить съ нимъ. Вскорѣ появляется Воейковъ.

Онъ жалуется на то, что въ Россіи всюду растетъ крамола, я ему выкладываю нѣкоторыя свои впечатлѣнія о Ставкѣ и кончаю словами: «пока у васъ дѣла ведутся такъ, не жалуйтесь, что въ Россіи крамола. Крамола у васъ здѣсь».

Захожу въ Отдѣлъ Военныхъ Сообщеній, гдѣ нахожу двухъ товарищей по Академіи; они мнѣ устраиваютъ отдѣленіе въ поѣздѣ на завтрашній день, а затѣмъ долго разсказываютъ про ужасающее положеніе желѣзныхъ дорогъ. Если повѣрить этимъ пессимистамъ, вся желѣзнодорожная сѣть должна придти въ ближайшее будущее въ полную негодность. Вотъ такіе разговоры не должны были бы допускаться въ Ставкѣ даже въ товарищескомъ кругу.

На слѣдующій день уѣзжаю. Поѣздъ отходитъ съ большимъ опозданіемъ, а въ Петроградъ приходитъ не въ субботу днемъ, а въ 5 часовъ утра, въ воскресенье, 26-го февраля, оказавшееся первымъ днемъ революціи.

РЕВОЛЮЦІЯ.

Картина начала революціи была описана неоднократно и повторять это описаніе я не стану. Нахожу очень томительнымъ сидѣть дома въ бездѣйствіи, когда безпорядочныя толпы солдатъ бродятъ по улицамъ, творя всякія безобразія. Пробираюсь къ своему пріятелю Ярмонкину на Моховую, испытавъ пулеметный огонь на Казанской площади. У Ярмонкина узнаю новости о томъ, что формируется какой то комитетъ въ Государственной Думѣ для водворенія порядка и что Энгельгардтъ назначенъ комендантомъ города. Поздно вечеромъ Ярмонкинъ мнѣ телефонируетъ подробности организаціи Думскаго комитета и сообщаетъ, что онъ по телефону передалъ Энгельгардту о моемъ прибытіи въ Петроградъ и думаетъ, что меня, вѣроятно, вызовутъ, такъ какъ Энгельгардтъ собираетъ въ Думѣ людей, могущихъ содѣйствовать возстановленію нормальной жизни.

На слѣдующій день умпротворенія что то не видать. Днемъ испытываю пулеметный огонь около Исаакіевскаго собора, а вечеромъ пріѣзжаетъ за мной автомобиль изъ Думы съ двумя студентами, приглашающими меня туда прибыть по просьбѣ Энгельгардта. Итакъ, окунаюсь въ революцію.

Столпотвореніе въ Тавридѣ не поддается описанію. Мои провожатые ведутъ меня по всякимъ закоулкамъ во второй этажъ, (кажется, бывшая

квартира Остенъ-Сакена). Здѣсь помѣщается «военная комиссія». Изъ кого она состоитъ, довольно неопредѣленно. Гучковъ — предсѣдатель, изъ Генеральнаго Штаба здѣсь болтаются Тумановъ, Якубовичъ, Туганъ-Барановскій, Гильбихъ. Меня просятъ подождать. Сажусь на диванъ, гдѣ ко мнѣ присоединяется флигель-адьютантъ графъ Кутайсовъ, успѣвшій спороть свои вензеля. Наблюдаю. Кавардакъ невѣроятный: всѣ бѣгаютъ, всѣ распоряжаются, но толка не вижу. Вдругъ волненіе, — открывается дверь, появляется Гучковъ, съ нимъ Пальчинскій и Потаповъ, послѣдній бросается ко мнѣ съ возгласомъ: «какъ разъ тебя-то намъ и нужно». Недоумѣваю, почему. Онъ меня представляетъ Гучкову, а Пальчинскій сразу вспоминаетъ, что мы были вмѣстѣ въ Горномъ Институтѣ, и что онъ отъ меня принялъ должность казначея студенческой кассы. Садимся вчетверомъ за столъ и начинаемъ дѣйствовать.

Гучкова, сильно уставшаго, теребятъ направо и налѣво. Дѣло ведетъ Пальчинскій (удивительно свѣтлая голова), а сумасшедшій Потаповъ все путаетъ и сосредотачивается, главнымъ образомъ, на политикѣ, бѣгая все время на собраніе солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ.

Пока сдѣлано слѣдующее: захваченъ телеграфъ и безпроволочный, всѣ броневые автомобили работаютъ на Думу, возстановляя порядокъ въ разныхъ углахъ; назначены районные коменданты, изъ полковъ, приславшихъ депутаціи въ Думу и зарегистрированныхъ въ Комиссіи. Дѣлаются наряды. Этимъ дѣломъ вѣдаетъ горный инженеръ Паршинъ и очень даже хорошо, принимая во вниманіе общую сумятицу.

Съ телеграфа приносятъ массу телеграммъ. Государь съ Государыней обмѣниваются свѣдѣніями

и вопросами, почти исключительно касающимися здоровья дѣтей. Губернаторы и жандармское начальство проявляютъ большую растерянность и полную неосвѣдомленность о положеніи дѣлъ въ столицѣ.

Очень внимательно слѣдятъ за передвиженіями Царя, но приказано ничѣмъ не стѣснять эти передвиженія, особенно, если Государь пожелаетъ ѣхать въ Петроградъ или въ Царское. Даже на этотъ случай послали въ Лугу возстановить испорченный тамъ путь.

Много возни въ комиссіи съ депутаціями отъ разныхъ частей съ выраженіями вѣрноподданничества революціи. Въ нѣкоторыхъ старое начальство удержалось, въ другихъ разбѣжалось или перестрѣляно, въ нѣкоторыхъ арестовано и нужно уговорить выпустить. Почти вездѣ нужно назначать вр. и. д. Особенно хорошъ для бесѣдъ съ депутаціями Пальчинскій, успокаивающій страсти посредствомъ юмора. Одна кровожадная депутація хотѣла получить санкцію на разстрѣлъ своихъ офицеровъ, но Пальчинскій имъ быстро доказалъ, что если у нихъ въ деревнѣ есть жены, съ которыми они не живутъ, то желаютъ ли они ихъ смерти? Депутація ушла со смѣхомъ, согласившись, что «Богъ съ ними». Несносны всякіе паникеры, влетающіе въ комнату съ сенсаціонными извѣстіями.

Идетъ борьба съ послѣдними Протопоповскими пулеметами; особенно сильное сраженіе у завода Санъ-Галли, гдѣ послѣ найдены у пулемета убитые юнкера Николаевскаго училища. Я прошу разслѣдовать. Оказывается, толпа разграбила цейхгаузъ училища, и нѣкоторые хулиганы нарядились въ юнкерскіе мундиры. Все таки училище очень не популярно.

Доказываю Пильчинскому, что нужно организо-

вать нѣчто вродѣ штаба. Беремъ листъ бумаги, набрасываемъ отдѣлы и кому чѣмъ вѣдать. Не хватаетъ офицеровъ, а добровольно приблудшіе студенты ужасно путаютъ. Иду на телефонъ, вызываю Академическаго правителя дѣлъ, полковника Андогскаго, прошу его разбудить и прислать 20 офицеровъ.

Особенно памятно появленіе во второмъ часу ночи депутаціи отъ Конвоя, Дворцовой полиціи, безъ коронъ на погонахъ, и отъ перваго желѣзнодорожнаго Его Величества полка. Всѣ съ огромными красными бантами. Гучковъ благодаритъ и проситъ меня выдать имъ благодарственные листы отъ Государственной Думы съ предписаніемъ ихъ начальству продолжать оберегать «лицъ и имущество, находящихся подъ ихъ охраной». Справляюсь у депутаціи объ именахъ начальства. Съ казаками легкая заминка. Ихъ въ Царскомъ 2 сотни, другія 2 и штабъ — въ Ставкѣ, и нѣкій хитрый терскій урядникъ мнѣ объясняетъ, что старшій изъ сотенныхъ командировъ — кавказскій туземецъ, а младшій — природный казакъ (вѣчная конвойная исторія), и что ихъ депутація уже заходила къ депутату Караулову, чтобы узнать, кому повиноваться. Коротко заявляю, что въ ихъ дрязги намъ входить не приходится, и что бумага будетъ выдана на имя старшаго.

За неимѣніемъ печати, взяли у Остенъ-Сакена его печать, и скрѣпляемъ бумаги печатью Коменданта Государственной Думы. Послѣ ухода казаковъ вспоминаемъ доблесть Швейцарской Гвардіи.

Изъ числа грустныхъ зрѣлищъ, произведшихъ большое впечатлѣніе, нужно отмѣтить появленіе Гвардейскаго Экипажа съ красными тряпками, подъ предводительствомъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича. Нужно замѣтить, что въ Думѣ ясно

обозначилось два теченія: одни хотѣли сохранить идею какой то закономѣрной перемѣны власти съ сохраненіемъ легитимной монархіи, другіе хотѣли провозглашать немедленно низложеніе Династіи. Появленіе Великаго Князя подъ краснымъ флагомъ было понято какъ отказъ Императорской Фамиліи отъ борьбы за свои прерогативы и какъ признаніе факта революціи. Защитники монархіи пріуныли. А недѣлю спустя это впечатлѣніе было еще усилено появленіемъ въ печати интервью съ Великимъ Княземъ Кирилломъ Владиміровичемъ, начинавшееся словами: «мой дворникъ и я мы одинако видѣли, что со старымъ правительствомъ Россія потеряетъ все», и кончавшееся заявленіемъ, что Великій Князь доволенъ быть свободнымъ гражданиномъ и что надъ его дворцомъ развѣвается красный флагъ. А про разговоры, якобы имѣвшіе мѣсто между Великимъ Княземъ и Родзянко, по Думѣ ходили цѣлыя легенды.

Прошла моя первая ночь въ Думѣ. Питаніе поддерживали какія то сестры милосердія, открывшія питательный пунктъ и приносившія намъ чай и бутерброды.

Днемъ работа налаживается при помощи офицеровъ изъ Академіи: появляются столы, стулья, организуются отдѣленія. Народъ къ намъ валитъ валомъ. Много депутацій; помню одну изъ Старой Руссы: какой то поручикъ съ нѣсколькими солдатами разсказываетъ, какъ великолѣпно у нихъ прошла революція: онъ взялъ власть въ свои руки; арестовалъ всѣ власти, и установилъ полный порядокъ. Спрашиваю, что ему надо?. — Хочетъ назначеніе на должность сатрапа Старой Руссы. По системѣ Гучкова, благодарю его за проявленіе гражданскаго долга и утверждаю его временно въ должности начальника гарнизона, пока не появится

другая депутація, которая будетъ доказывать, что сей поручикъ подлецъ, мерзавецъ и контръ-революціонеръ.

Любопытно появленіе разныхъ генералъ-адъютантовъ со споротыми вензелями и красными бантами. Приходитъ начальникъ Академіи, и спрашиваетъ меня, долго ли будутъ задержаны его офицеры, такъ какъ тогда ему придется соотвѣтственно удлинить потомъ время занятій. Вѣжливо отвѣчаю, что во время революціи трудно сказать, но постараемся отпустить ихъ скоро. Когда же онъ мнѣ жалуется, что у него отобрали автомобиль, не выдерживаю и заявляю: «Ваше Превосходительство, благодарите Бога, что сохранили голову на плечахъ».

Такъ какъ набралось много телеграммъ, которыя никто не можетъ расшифровать, предлагаю Пальчинскому поѣхать въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба ихъ разобрать; беру отъ него предписаніе Военной Комиссіи, достаю автомобиль (шоффёръ юнкеръ Горгиджановъ) и ѣду. Старый другъ, чернобородый швейцаръ, пережившій 6 начальниковъ Генеральнаго Штаба и собирающійся пережить революцію, встрѣчаетъ меня съ восторгомъ. Иду наверхъ въ шифровальное отдѣленіе, гдѣ предъявляю свои документы; сейчасъ же всѣ шкапы раскрываются и начинается работа. Телеграммы больше губернаторскія и жандармскія, нѣкоторыя интересны.

Закончивъ дѣло и оставивъ свою шашку на сохраненіе въ одномъ изъ несгораемыхъ шкаповъ, но сохранивъ на себѣ револьверъ и кинжалъ, выхожу на площадь. Автомобиль пропалъ. Какъ потомъ оказалось, юнкера Горгиджанова во время ожиданія меня, вдругъ осѣнила блестящая идея: арестовать Риттиха и, подцѣпивъ какого-то прія-

теля, онъ полетѣлъ ловить Министра Земледѣлія, а про меня позабылъ.

Стою на площади, негодуя. Вдругъ вижу, отъ Исаакія мчится автомобиль съ красными флагами и солдатами на подножкахъ. Преграждаю дорогу, останавливаю и прошу меня довезти до Думы; внутри пассажиръ въ формѣ военнаго врача, быстро соглашается. Влѣзаю и сообщаю доктору, кто я, а онъ, оказывается, — вновь назначенный Градоначальникъ, профессоръ Юреневъ (и это наслѣдникъ Грессера, Валя, Клейгельса). Онъ мнѣ жалуется, что въ его распоряженіи нѣтъ никакой вооруженной силы. Обѣщаюсь попросить Паршина дать ему нѣсколько ротъ.

Въ Думѣ двѣ темы разговоровъ: движеніе Иванова съ Георгіевскимъ баталіономъ изъ Ставки и дѣятельность Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ.

Походъ Иванова особеннаго волненія не вызываетъ, ибо теперь съ однимъ баталіономъ ничего не подѣлаешь, да по имѣющимся свѣдѣніямъ и настроеніе-то въ этомъ баталіонѣ не ахти какое воинственное.

Зато Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ становится непріятнымъ для насъ учрежденіемъ. Этихъ господъ въ первый день было 200-300, а теперь вдесятеро больше. Изъ ихъ среды выдѣленъ небольшой совѣтъ...

Когда мы ихъ спросили, кто ихъ выбралъ, они заявили, что «мы сами себя выбрали». Антагонизмъ къ Комитету Государственной Думы и къ намъ очень силенъ; прислали къ намъ соглядатаевъ, которыхъ мы дипломатически приняли въ свое лоно.

Утромъ 1-го марта кто-то началъ говорить, что сегодня знаменательный день, что, быть можетъ,

его будутъ праздновать, какъ французы — день взятія Бастиліи. Пальчинскій ехидно замѣтилъ, что день взятія Бастиліи былъ избранъ, какъ праздникъ, много лѣтъ спустя, и что, можетъ быть, мы сейчасъ сами сидимъ въ Бастиліи. И, дѣйствительно, было довольно паршиво, когда на перронѣ Государственной Думы ораторы призывали толпу уничтожить буржуевъ, спрѣчь насъ. Наконецъ, было достигнуто какое-то соглашеніе «постольку поскольку», и наступило нѣкоторое успокоеніе.

Говорятъ, будто у солдатъ-рабочихъ царило такое обалдѣніе, что на голосованіи вопроса о монархіи и республикѣ, 210 изъ 230 солдатскихъ депутатовъ голосовали за Монархію, и что вожаки рѣшили подождать, пока почва не будетъ лучше подготовлена для борьбы. Если такой случай и былъ, то это просто доказываетъ, что у нихъ сумятица была хуже нашей.

Приходитъ въ комиссію какой-то молодой военный врачъ и заявляетъ, что у него есть вѣрныя свѣдѣнія о наличности пулеметовъ гдѣ-то въ Сенатѣ или Синодѣ, также контръ-революціонной типографіи гдѣ-то на Галерной. По его мнѣнію, слѣдуетъ Кексгольмцамъ поручить обыскать всѣ дома въ этомъ районѣ. Воображаю, что Кексгольмцы натворили бы у буржуевъ на Англійской набережной. Поэтому предлагаю доктору поѣхать со мной, взявъ юнкера Горгиджанова понятымъ. Беремъ предписаніе и ѣдемъ. Сначала осматриваемъ Синодъ до чердаковъ включительно, къ великому смущенію смотрителя и сторожей. Ничего не находимъ. Переходимъ въ Сенатъ; послѣ самаго зданія переходимъ въ типографію, гдѣ оказывается послѣдній отпечатанный документъ — это манифестъ о роспускѣ Думы; затѣмъ въ Архивъ. Внушаю Кексгольмскому караульному начальнику особенно тщательно обе-

регать Архивъ. Идемъ на Галерную, гдѣ осматриваемъ типографію близъ Синода. Хозяинъ въ ужасѣ, но ничего не оказывается интереснаго, кромѣ сводки, приготовленной изъ всѣхъ свѣдѣній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, доказывающей, что вся Германія черезъ нѣсколько дней помретъ съ голода. Возвращаемся въ Думу. Составляемъ протоколъ обысковъ и сдаемъ въ Комиссію. Инцидентъ исчерпанъ.

Изъ эпизодовъ этихъ дней особенно врѣзалось въ памяти, какъ однажды ночью прибѣжала какая то личность ко мнѣ, сообщивъ, что Родзянко ожидаетъ съ минуты на минуту очень важную шифрованную телеграмму, а такъ какъ я спеціалистъ по шифровальнымъ дѣламъ, то меня просятъ не отлучаться. Черезъ нѣкоторое время требуютъ меня внизъ, въ помѣщеніе Комитета. Родзянко меня спрашиваетъ, могу ли я расшифровать телеграмму. Отвѣчаю, что шифры въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба, что я могу слетать туда съ телеграммой и быстро вернуться. Родзянко говоритъ: «Я поѣду съ Вами; подождите», и уходитъ въ другую комнату. Хватаю телефонъ, вызываю Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, прошу дежурнаго офицера разбудить и достать шифровальщиковъ, объяснивъ въ чемъ дѣло. Жду, наблюдаю калейдоскопъ; знакомлюсь съ Карауловымъ. Наконецъ, около 3-хъ часовъ ночи выходитъ Родзянко съ незнакомой личностью. Вылѣзаемъ на боковой подъѣздъ, съ трудомъ отыскиваемъ автомобиль Родзянко и ѣдемъ.

Изъ разговоровъ по дорогѣ помню, что Родзянко сообщаетъ, что по его приказанію убранъ изъ Екатерининскаго зала портретъ Царя, чтобы его не испакостили. Подъѣзжаемъ къ подъѣзду Начальника Генеральнаго Штаба. Дежурный офицеръ за-

былъ предупредить швейцара. Достаю дворника; залѣзаю во дворъ и, послѣ нѣкотораго барабаненія по окну его спальни, бужу чернобородаго швейцара. Онъ открываетъ и я тащу Роздянко по всѣмъ закоулкамъ въ шифровальное отдѣленіе. Тутъ всѣ на мѣстахъ. Беремъ ключъ Военнаго Министерства; ничего не выходитъ, а между тѣмъ телеграмма штабная, и ясно, что никакой другой ключъ пробовать не стоитъ. Всѣ въ недоумѣніи. Меня вдругъ осѣняетъ мысль: рекомендую попробовать предыдущій номеръ того же ключа. Шифровальщики ехидно замѣчаютъ: «Но вѣдь этотъ номеръ отмѣненъ въ сентябрѣ». — «Знаю, но я помню, что на фронтѣ обалдѣлые старшіе адьютанты иногда жарили еще этимъ ключемъ въ январѣ». Выкапываютъ старый, отмѣненный въ сентябрѣ ключъ и, снисходя къ моему безумію, начинаютъ разбирать. Сразу выходитъ слово «Государь». Я торжествую. Роздянко засыпаетъ на стулѣ, перетаскиваю его на диванъ, покрываю какой-то шинелью и обѣщаю разбудить, когда телеграмма будетъ разобрана. Черезъ полчаса текстъ готовъ. Насколько помню: «Государь согласенъ отречься въ пользу Михаила Александровича съ назначеніемъ Николая Николаевича Главнокомандующимъ. Манифестъ заготовляется».

Бужу Родзянко. Онъ, прочтя телеграмму, заявляетъ: «Это непріемлемо», а затѣмъ спрашиваетъ, гдѣ прямой проводъ со Ставкой и Сѣвернымъ фронтомъ; говорю, что въ другомъ концѣ зданія, въ Главномъ Штабѣ. Родзянко сначала подходитъ къ телефону поговорить съ «коллегами», а я внушаю шифровальщикамъ необходимость держать языкъ за зубами. Затѣмъ шествуемъ на прямой проводъ. Пять часовъ утра. Родзянко требуетъ Ставку и Сѣверный фронтъ. Гдѣ-то заминка, кто-то не хо-

четъ соединять. Родзянко кричитъ: «Скажите имъ, что я Предсѣдатель Государственной Думы и что я имъ покажу, — подъ арестъ посажу». Наконецъ разговоръ налаживается, у меня слипаются глаза. Ухожу въ сосѣднюю комнату, гдѣ нахожу чай и черный хлѣбъ съ масломъ, а затѣмъ засыпаю на стулѣ. Просыпаюсь. Разговоръ конченъ; выходимъ, садимся въ автомобиль и ѣдемъ обратно въ Думу. 8 часовъ 20 минутъ утра.

Иду въ Военную Комиссію. Черезъ нѣкоторое время появляется Потаповъ и сообщаетъ мнѣ, что Родзянко поѣхалъ къ Михаилу Александровичу уговаривать его тоже отречься. Вдругъ кто-то влетаетъ съ извѣстіемъ, что Гучковъ арестованъ толпой на Варшавскомъ вокзалѣ. Бросаюсь къ Паршину, который сейчасъ же по телефону вызываетъ Измайловскія казармы и посылаетъ двѣ роты бѣгомъ спасать Военнаго Министра. Оказывается, Гучковъ вернувшись съ манифестомъ отреченія, прочелъ его толпѣ на вокзалѣ; получился неожиданный эффектъ, — рѣшили, что онъ контръ-революціонеръ, ибо послѣ одного Царя, посадилъ другого, и вмѣсто восторга получилось негодованіе.

Днемъ забѣгаю домой, а часа въ четыре направляюсь въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба съ шифрованными телеграммами. Вижу у подъѣзда Главнаго Штаба автомобиль, спрашиваю, чей. Оказывается, Энгельгардта. Швейцаръ сообщаетъ, что онъ на прямомъ проводѣ. Иду туда. Энгельгардтъ кончаетъ разговоръ со Ставкой. Прошу его подвезти меня въ Думу, если онъ ѣдетъ туда. На это Энгельгардтъ мнѣ заявляетъ: «Гучковъ не будетъ больше Военнымъ Министромъ, — (вѣроятно, послѣ инцидента съ манифестомъ), — завтра я буду Военнымъ Министромъ. Сейчасъ я по этому поводу говорилъ съ Алексѣевымъ.

Плюньте на Военную Комиссію и приходите ко мнѣ завтра днемъ». Здорово. Иду домой, высыпаюсь, но на слѣдующій день оказывается, Гучковъ все еще Министръ. Забавная вещь политика.

Захожу въ Главный Штабъ къ Туманову, узнаю, что Гучковъ обосновывается въ домѣ Военнаго Министра на Мойкѣ, въ такъ называемомъ «Довминѣ», что образуется комиссія подъ предсѣдательствомъ Поливанова для реорганизаціи арміи, что я назначенъ въ ея составъ и что первое засѣданіе завтра въ 8 часовъ вечера въ домѣ Министра.

ПОЛИВАНОВСКАЯ КОМИССІЯ. — МЛАДОТУРКИ. — ГУЧКОВЪ. —

Входя въ Довминъ невольно вспоминаю давно прошедшія времена, когда мнѣ здѣсь приходилось бывать при Куропаткинѣ. Помню въ этихъ залахъ раутъ для Бухарскаго Эмира, восторгавшагося игрой балалаечниковъ Конной Гвардіи. Помню, какъ я, однажды, по окончаніи Академіи, пилъ тутъ чай у супруги Министра и какъ Александра Михайловна меня привѣтствовала словами: «Кончилъ первымъ, поздравляю. Ну, теперь Вы патентованный геній». Комиссія собирается въ кабинетѣ Военнаго Министра. Пальчинскій заявляетъ, что революція кончена, ибо выѣхали извозчики. Они — самый вѣрный политическій барометръ во всѣхъ странахъ. Разсаживаемся, — на одномъ концѣ стола Гучковъ, Поливановъ, Мышлаевскій и генералитетъ (Михневичъ, Аверьяновъ, Архангельскій и проч.). На другомъ — подъ предводительствомъ Пальчинскаго, младотурки Генеральнаго Штаба — (Якубовичъ, Тумановъ, Энгельгардтъ, Гильдбихъ, Туганъ-Барановскій). Наименованіе «младотурки» еще передъ войной примѣнялось къ нѣкоторымъ молодымъ офицерамъ Генеральнаго Штаба, слишкомъ ретиво проповѣдовавшимъ о необходимости всякихъ реформъ. Теперь оно снова всплыло, и шутливо примѣнялось въ компаніи Ге-

неральнаго Штаба, объединившейся во время революціи въ Государственной Думѣ.

Сразу опредѣляется враждебное настроеніе между генеральскимъ и штабъ-офицерскимъ концомъ стола. Начинается съ того, что Гучковъ вручаетъ предсѣдательство Поливанову, который обращается къ намъ съ рѣчью о цѣляхъ комиссіи. Поднимается Энгельгардтъ и заявляетъ, что никакія реформы не возможны, пока не будутъ смѣнены нѣкоторые начальники; въ рукахъ у него приказы Сахарова, доставленные мною съ Румынскаго фронта. Я поддерживаю Энгельгардта, Мышлаевскій ехидно замѣчаетъ: «Иначе говоря, Вы хотите замѣнить засѣдавшую въ этихъ же стѣнахъ высшую аттестаціонную комиссію». Страсти разгораются. Поливановъ округляетъ, заявивъ, что, хотя этотъ вопросъ, по его мнѣнію, не входитъ въ задачи Комиссіи, однако, онъ будетъ принимать всякія заявленія о подобныхъ дѣлахъ и докладывать ихъ Военному Министру. Соглашаемся.

Встаетъ Пальчинскій и говоритъ, что самый важный вопросъ: — это приказъ номеръ 1-ый Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Зло сдѣлано. Идти противъ теченія невозможно; нужно канализировать. Начинаются безконечныя пренія о титулованіи, и «ты» и «вы», дисциплинарной власти и, особенно, объ отданіи чести и о взаимномъ привѣтствованіи. Гучковъ уходитъ. Пальчинскій набрасываетъ черновикъ приказа, гдѣ каждый параграфъ заканчивается словами «отмѣняется». Послѣ новыхъ преній и незначительныхъ измѣненій, проектъ принимается. Часъ поздній, но Пальчинскій берется заставить Гучкова подписать приказъ сейчасъ же, съ тѣмъ, чтобы онъ утромъ былъ уже отпечатанъ.

Послѣдующія засѣданія Комиссіи переносятся

въ готическую столовую, и Комиссія все разростается и разростается. Къ генеральскому концу прибавляются всякіе судебные чины и господа изъ Главнаго Штаба и Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. Михневича уволили. Архангельскій временно за него и патетически старается сохранить законность и порядокъ среди всеобщаго хаоса. Первоначально писаря его забаллотировали и хотѣли сами избрать Начальника Главнаго Штаба, но Гучковъ ихъ сократилъ.

Забавное пріобрѣтеніе въ Комиссію — генералъ Рубецъ-Масальскій (онъ временно командовалъ войсками до пріѣзда Корнилова), говорящій высокопарныя рѣчи о «демократическихъ началахъ», и притащившій въ Комиссію проектъ Государственнаго Герба въ видѣ Двуглаваго Орла, имѣющаго вмѣсто короны ленту съ надписью: «Свобода, Равенство, Братство», а въ когтяхъ — сломанный пополамъ скипетръ!!!

Ряды младотурокъ тоже расширяются, — прибавляются Балабинъ, Верховскій, Лебедевъ. У насъ происходитъ свое маленькое объединеніе. Одинъ разъ собираемся у Якубовича въ Главномъ Штабѣ, другой — въ Русскомъ Инвалидѣ у Лебедева, для выработки новыхъ основаній этой газеты. Пальчинскій хочетъ изъ насъ сформировать политическую группу.

Поливановское сборище понемногу превращается въ бюрократическую комиссію. Выдѣляется подкомиссія для выработки различныхъ уставовъ и положеній. Однимъ изъ первыхъ проходитъ «положеніе о войсковыхъ комитетахъ». На фронтѣ насъ ругаютъ за чрезмѣрный либерализмъ, а въ Совѣтѣ — за чрезмѣрный консерватизмъ. Никому не угодишь! Иногда атмосфера оживляется инцидентами. Разъ Мышлаевскій ехидно вцѣпляется въ меня по

какому то вопросу и начинаетъ: «Мы слышали отъ генерала Половцова» и т. д. Возражаю по существу, а затѣмъ говорю: «Я сейчасъ по ошибкѣ былъ названъ генераломъ; это мнѣ напоминаетъ, что какъ разъ сегодня я получилъ телеграмму наштаюза о замѣнѣ моего производста за боевыя отличія «Высочайшимъ благоволеніемъ»». Можетъ быть, дежурный генералъ мнѣ сможетъ объяснить, чѣмъ онъ теперь мнѣ замѣнитъ эту награду»? — Смѣхъ. Архангельскій разводитъ руками.

Разъ Пальчинскій устраиваетъ скандалъ: Гучковъ принесъ длинную телеграмму Алексѣева о постепенномъ развалѣ фронта, съ намекомъ на вредъ нашихъ приказовъ. Пальчинскій проситъ слова первымъ и заявляетъ: «Эта телеграмма доказываетъ одно, что Алексѣевъ не годится въ Главнокомандующіе».

Но больше всѣхъ ругается Якубовичъ. По его наущенію, приглашаются къ намъ представители Совѣта. Для ихъ вразумленія привлекаемъ англійскаго военнаго агента Нокса, который читаетъ имъ выдержки изъ англійскаго дисциплинарнаго устава. Но на нихъ это не дѣйствуетъ; они, снисходительно улыбаясь, смотрятъ на этого отсталаго представителя буржуазнаго строя. Когда къ двумъ партіямъ, генеральской и полковничьей, прибавляется солдатская, Поливановская Комиссія окончательно превращается въ бездѣльную говорильню. Безусловно, коллегіальныя учрежденія могутъ только тогда производить какія нибудь реформы, когда надъ ними есть рука умнаго человѣка съ сильной волей, для котораго разглагольствованія коллегіи могутъ служить умственной пищей. Но такихъ людей въ революціи не видать.

Во время второго засѣданія комиссіи, Пальчинскій о чемъ-то шепчется въ углу съ Гучковымъ,

послѣ чего Гучковъ вызываетъ меня въ залу и проситъ остаться при немъ. Благодарю за честь, но говорю, что у меня есть мое штатное мѣсто на фронтѣ, которое покидать я не намѣренъ. Рѣшаемъ, что я останусь при немъ, примѣрно, мѣсяцъ, пока не уменьшится щекотливая переписка, вызванная обстоятельствами «текущаго момента», и пока Гучковъ не войдетъ въ колею и не ознакомится съ личнымъ составомъ. Узнаю, что Пальчинскій доказывалъ ему, что всякій крупный дѣятель долженъ имѣть около себя тѣсно сплоченную группу помощниковъ, что для него такая группа создалась изъ младотурковъ военной комиссіи, что все величіе Витте явилось слѣдствіемъ такой системы и т. д. Но, несомнѣнно, Гучковъ боится чрезмѣрнаго преобладанія младотуковъ, хотя лично ко мнѣ, повидимому, питаетъ симпатіи.

Со слѣдующаго дня беру въ руки всю экстраординарную переписку. Устраиваюсь съ секретаремъ, чтобы, за исключеніемъ частной переписки Министра и тѣхъ вещей, которыя, очевидно, должны препровождаться въ какое нибудь изъ Управленій, все остальное направлялось ко мнѣ.

Разряды, на которые распадается моя переписка, слѣдующіе. Во-первыхъ, масса привѣтственныхъ и вѣрноподданническихъ телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи, на которыя отвѣчаю, не докладывая. Во-вторыхъ, о смѣненіи старыхъ властей, военныхъ губернаторовъ, начальниковъ гарнизоновъ, комендантовъ, воинскихъ начальниковъ, съ просьбой всякихъ новорожденныхъ комитетовъ объ утвержденіи ихъ ставленниковъ. Переписку о мелкихъ сошкахъ отправляю въ Главный Штабъ, объяснивъ Архангельскому теорію Гучкова — либо временно утверждать, либо направлять начальникамъ Военныхъ Округовъ. Что же касается этихъ послѣднихъ

и вообще крупныхъ лицъ, навожу краткую справку и заготовляю къ докладу отвѣтъ, утверждая ставленника. Въ большинствѣ случаевъ на этомъ дѣло кончается, но бываетъ, что черезъ три дня приходитъ телеграмма другого комитета, доказывающая, что ставленникъ номеръ 1-ый никуда не годится, а ихъ ставленникъ, номеръ 2-ой, гораздо лучше. Тогда приходится либо произвести взаимную оцѣнку ставленниковъ, либо взаимную оцѣнку комитетовъ, что довольно трудно, скажемъ, для Якутска, или Семипалатинска, когда никого тамъ не знаешь и нельзя найти въ Питерѣ свѣдующее лицо. Приходится либо оставлять дѣло безъ послѣдствій, что мнѣ вообще больше нравится- (чего ставленникъ номеръ 2-ой зѣвалъ и, кромѣ того, комитетъ номеръ 1-ый не будетъ скандалить), либо мѣнять ставленниковъ. Зато совсѣмъ просто, когда комитетъ номеръ 1-ый, самъ разочаровавшись въ своемъ ставленникѣ, проситъ его смѣнить.

Нѣкоторые изъ вновь назначенныхъ начальниковъ чудятъ невѣроятно и много причиняютъ безпокойствъ. Особенно отличается въ Москвѣ Грузиновъ, доходящій до того, что по собственной иниціативѣ формируетъ новыя части (даже одну «своего имени») и отправляетъ ихъ на фронтъ, приводя весь Главный Штабъ и Главное Управленіе Генеральнаго Штаба въ неописуемую тоску.

Другой родъ переписки — это объ арестахъ. Ужасно ретива публика арестовывать сторонниковъ стараго режима и, отчасти, измѣнниковъ и нѣмецкихъ шпіоновъ. Тутъ приходится по тону телеграммы угадывать температуру страстей и просить либо объ освобожденіи, либо о «препровожденіи» въ Петроградъ. Шпіонскія дѣла передаю въ Главное Военно-Судное Управленіе генералу Апушкину. Очень много анонимныхъ писемъ, среди коихъ попадаются интересныя.

Самое щекотливое — это кляузничаніе войсковыхъ комитетовъ съ обвиненіемъ начальства въ контръ-революціонности. Оставлять совсѣмъ безъ вниманія нельзя, сами попадемъ въ контръ-революціонеры, а вышибать хорошихъ начальниковъ изъ-за скверныхъ комитетовъ — нельзя. Къ счастью, очень часто политическія обвиненія комитетовъ совпадаютъ съ отрицательными боевыми качествами; тогда Гучковъ беретъ дѣло въ свои руки для разбора въ Ставкѣ.

На первомъ же докладѣ Гучковъ мнѣ говоритъ: «А знаете ли, кого я вызвалъ въ Петроградъ? Хагондокова и Крымова. Хагондокову я поручу всѣ казачьи дѣла, а насчетъ Крымова я еще не рѣшилъ. Такъ что всѣ телеграммы о недоразумѣніяхъ у казаковъ откладывайте и передайте Хагондокову, когда онъ пріѣдетъ». Выражаю полный восторгъ. Оба старые пріятели и основательные люди.

Переписки много. Нахожу скучнымъ сидѣть цѣлый день, а телеграммы иногда бываютъ такія, что отвѣтъ нуженъ немедленно. Поэтому хочу взять себѣ въ помощь еще какого нибудь младотурка. Совѣтуюсь съ Якубовичемъ и Тумановымъ. Рѣшаемъ на Туганъ-Барановскомъ, но онъ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба, и мы предвидимъ противодѣйствіе со стороны Аверьянова, послѣ Поливановской Комиссіи возненавидѣвшаго всѣхъ младотурокъ. Заручаюсь благословеніемъ Гучкова, пообѣщавъ «дипломатически» устроить съ его начальствомъ, и отправляюсь къ Аверьянову.

Приходится выдержать страшную бурю: Аверьяновъ съ крикомъ возмущается на всю нынѣ создавшуюся систему назначеній и доходитъ до того, что, топая ногами, заявляетъ: «Какъ же Вы не понимаете, что самое Ваше присутствіе въ моемъ кабинетѣ по такому дѣлу — для меня оскорбленіе.

Но, все равно, очевидно, будетъ по Вашему, поэтому берите Туганъ-Барановскаго». Благодарю и ухожу, а на слѣдующій день Аверьяновъ, встрѣтивъ меня у Гучкова на лѣстницѣ, подходитъ ко мнѣ и старается замазать инцидентъ.

Приходитъ телеграмма за подписью команды связи Туземной Дивизіи съ обвиненіемъ Багратіона и всего начальства въ приверженности къ старому режиму. Докладываю, но прошу Гучкова оставить дѣло мнѣ, и посылаю частную телеграмму Багратіону съ предупрежденіемъ.

Однажды адьютантъ Гучкова, Капнистъ, ловитъ меня и сообщаетъ: «Завтра ѣдемъ на фронтъ. Министръ проситъ Васъ ѣхать съ нимъ». Ладно. На Варшавскомъ вокзалѣ вечеромъ 11-го марта прицѣпленъ къ поѣзду вагонъ Военнаго Министра. Въ вагонѣ помѣщаются Гучковъ съ женой, два адьютанта, Капнистъ и Любомировъ, да я, фельдъегерь и писарь съ машинкой. Отплываемъ. Въ салонѣ портреты Царя и Царицы. Приходится не безъ труда ихъ вывинтить изъ стѣны. . .

Оказывается, Гучковъ ѣдетъ прямо въ Ригу къ своему старому другу Радко-Дмитріеву. Спрашиваю, не будетъ ли остановки въ Псковѣ, у Рузскаго. Оказывается — нѣтъ. Жалко. Не совсѣмъ по моему удобно ѣхать въ Штабъ Арміи, минуя Штабъ фронта. Навѣрно будутъ обиды, но Гучковъ хочетъ начать снизу и остановиться въ Псковѣ на обратномъ пути.

На всякій случай встаю въ 7 часовъ утра, когда подъѣзжаемъ къ Пскову. Весь вагонъ спитъ. Хорошо сдѣлалъ. — Комендантъ, согласно полученному приказанію, предупредилъ штабъ о нашемъ прибытіи, и черезъ нѣсколько минутъ появляется Генералъ Квартирмейстеръ Болдыревъ. Объясняю ему планы Гучкова; онъ ихъ сообщаетъ по теле-

фону въ штабъ, а затѣмъ рѣшаетъ, что ему лучше ѣхать съ нами. Забираю его въ нашъ вагонъ. Угощаю чаемъ. Бесѣдуемъ. Свѣтлая голова.

Приходитъ Гучковъ, Болдыревъ разсказываетъ про политику и стратегію: внутреннее состояніе въ Ригѣ ничего-себѣ, ибо Радко, искушенный въ политическихъ переворотахъ на свой родинѣ, приноравливается. Въ Двинскѣ плохо (бѣдный Драгомировъ), а у Литвинова спокойно, ибо его армія въ такихъ болотахъ, что до нихъ революція не дошла. Что касается стратегіи, то приготовляется ударъ у Двинска, согласно общему плану съ союзниками, но какъ онъ выйдетъ — неизвѣстно, при усиливающейся разрухѣ въ арміи.

День проходитъ въ бесѣдѣ съ лицами, появляющимися изъ вагона 2-го класса, къ намъ прицѣпленнаго, куда, между прочимъ, я засунулъ милѣйшаго Вильтона, корреспондента *Times*'а, съ которомъ у насъ отличныя отношенія.

На всѣхъ вокзалахъ почетные караулы и толпы народа. Гучковъ всюду выходитъ и говоритъ рѣчи, а на перегонахъ жена его укладываетъ въ компрессы: — повидимому, сердце у него сдаетъ. Еще бы.

Съ наступленіемъ темноты достигаемъ Риги. — На вокзалѣ толпы народа. Почетный караулъ — отъ Финляндскаго Драгунскаго полка, на штандартѣ красный бантъ. Трубачи играютъ Марсельезу. Встрѣчаетъ Радко-Дмитріевъ. Рѣчи. «Ура». Забираемся въ автомобили. Ѣдемъ къ Радко ужинать; по улицамъ посты конныхъ Драгунъ. Всѣ волнуются, ибо есть свѣдѣнія о готовящемся покушеніи на Гучкова.

За ужиномъ собирается больше 20 человѣкъ. Встрѣчаю знакомыхъ — Раевскаго, Меликова, товарищей по Генеральному Штабу. Всѣхъ увеселяютъ члены Думы, Ефремовъ и, особенно, хохолъ

(фамиліи не помню), разсказывающій про свои похожденія на фронтѣ, (всюду посланы члены Думы попарно, вразумлять воинство). Оба очень горды медалями за храбрость, пожалованными Радко-Дмитріевымъ. Гучковъ тоже въ ударѣ: разсказываетъ потрясающіе анекдоты про сумасшествіе Протопопова.

Хозяинъ произноситъ краткій, но прочувствованный тостъ въ честь Гучкова. Сей послѣдній отвѣчаетъ. Послѣ ужина ведемъ бесѣду съ членами Думы, высказывающими всякія пожеланія изъ фронтовыхъ впечатлѣній: о солдатскомъ жалованіи, о Георгіевскихъ крестахъ и т. д. Я все записываю для внесенія въ Поливановскую Комиссію. Спимъ въ вагонѣ. Доказываю Гучкову необходимость повидать двухъ другихъ командующихъ арміями, а то обидятся. Соглашается. Посылаемъ телеграммы, приглашая въ Псковъ для свиданія на обратномъ пути.

Утромъ ѣдемъ опять къ Радко. Совѣщаніе со штабомъ сначала о стратегіи, причемъ Радко оптимистиченъ относительно своего фронта, если моряки не подведутъ на морскомъ флангѣ, но мраченъ относительно тыла (путей сообщеній и укрѣпленій).

Переходимъ на политику. Радко вызвалъ представителей изъ всѣхъ полковъ и устроилъ себѣ парламентъ, засѣдающій въ театрѣ. Это совѣщаніе вполнѣ благонадежно, и Радко съ нимъ хорошо справляется. Одно изъ крупныхъ недоразумѣній получилось съ упраздненіемъ жандармовъ, на коихъ обрушился гнѣвъ народный. Ослабла борьба со шпіонствомъ, ибо армейскій комитетъ старается здорово, но неумѣло. Меня все время предупреждаютъ объ опасности для Гучкова. Кромѣ того боятся отставленнаго начальника штаба Бѣляева. Гово-

рятъ, онъ ненормаленъ и можетъ что-нибудь выкинуть. Послѣ завтрака ѣдемъ осматривать какой-то миноносецъ, а потомъ я возвращаюсь въ вагонъ, а Гучковъ носится по какимъ то комитетамъ. Передаю Вильтону прокламаціи, направленныя противъ Англіи и распространяемыя по фронту. Кромѣ того, сообщаю о негодованіи противъ него въ Юрьевѣ изъ за того, что въ одной изъ корреспонденцій онъ раздѣлалъ тамошнихъ евреевъ.

Возвращается Гучковъ и принимаетъ въ вагонѣ вскія депутаціи. Появляется Бѣляевъ и проситъ аудіенціи. Докладываю, но предупреждаю, прося быть осторожнымъ. Во время пріема остаюсь съ Капнистомъ около двери съ револьверами наготовѣ, но все проходитъ благополучно. Прощаемся и передъ вечеромъ отбываемъ.

Утромъ Псковъ. Встрѣча и атмосфера совсѣмъ другія. На вокзалѣ одинъ только начальникъ штаба, Даниловъ. Ѣдемъ къ Рузскому. Литвиновъ и Драгомировъ пріѣхали. Чувствуется опредѣленная враждебность къ Гучкову. Вскорѣ подаютъ завтракъ, а послѣ завтрака совѣщаніе. Я хочу улизнуть, считая, что мнѣ не мѣсто съ такими крупными чинами, но Гучковъ категорически требуетъ, чтобы я шелъ съ нимъ. Усаживаемся. Рузскій, Драгомировъ, Литвиновъ, Даниловъ, Болдыревъ, Гучковъ и я за его стуломъ съ соотвѣтственнымъ смиреніемъ. Вижу, что Драгомировъ на меня несомѣнно золъ за сообщничество съ Гучковымъ.

Начинается съ стратегическаго доклада. Картина та же, что у Радко, но немного менѣе оптимистическая, т. е. на фронтѣ, если исключить внутреннюю политику, то воевать можно, но въ тылу мерзость невѣроятная. Меня особенно веселитъ линія окоповъ на Псковскомъ озерѣ, вдоль самаго берега, съ водою въ тылу. Когда Гучковъ спраши-

ваетъ, что сдѣлано для исправленія всѣхъ многочисленныхъ недочетовъ, указанныхъ присутствующими, Рузскій разводитъ руками и говоритъ, что «писали въ Ставку». Гучковъ, повидимому, кипитъ негодованіемъ на его пассивность.

Переходимъ къ вопросу о внутренеей политикѣ. Сейчасъ же всѣ генералы набрасываются на Гучкова, требуя мѣръ противъ комитета и развала. Онъ отбивается, говоря, что до нихъ революція по настоящему не дошла, что идти противъ теченія ни къ чему, что въ Питерѣ мы власти не имѣемъ, что мы должны канализировать, балансировать и т. д., что онъ меня привезъ, какъ живого свидѣтеля подтвердить имъ трудность положенія, что если удастся удержаться и укрѣпиться, то тогда можно будетъ понемножку навести опрядокъ, но сейчасъ никакихъ крутыхъ мѣръ провести нельзя.

Генералы въ тоскѣ, а Литвиновъ вдругъ выпаливаетъ: «а если меня выгонятъ, какую я получу пенсію?». У Гучкова духъ захватываетъ отъ неожиданности. Закрываемъ засѣданіе.

Драгомировъ говоритъ мнѣ: «Грустно видѣть своего бывшаго начальника штаба въ роли революціонера». Выходимъ на лѣстницу. Гучковъ воздѣваетъ руки горѣ и восклицаетъ: «Неужели всѣ генералы въ арміи такія ж...?». Говорю, что есть и хуже, но за Драгомірова стою горой. Ѣду на вокзалъ. Захожу въ вагонъ къ Драгомірову и говорю ему, что не могу примириться съ его презрѣніемъ ко мнѣ. Разсказываю ему Питерскія подноготныя, почему я вмѣшался въ это дѣло, доказываю, что идти противъ теченія невозможно, но что, конечно, можно плюнуть на все и отойти въ сторону. Разстаемся отчасти примиренными, но не совсѣмъ.

Иду къ Гучкову. Уже темнѣетъ. Пріѣзжаетъ начальникъ школъ прапорщиковъ и уговариваетъ

Гучкова посѣтить юнкеровъ. Обходимъ четыре барака, въ каждомъ изъ коихъ Гучковъ говоритъ краткую патріотическую рѣчь. Молодежь энтузіастична и очень хорошо настроена. Ѣдемъ обратно на вокзалъ. По дорогѣ Гучковъ объясняетъ мнѣ, что все наше несчастье заключается въ томъ, что революція сдѣлана чернью, а не интеллигенціей и поэтому теперь, естественно, интеллигенція не можетъ взять власть въ руки, ибо не она управляла силами, совершившими переворотъ; такъ сказать, опоздала. Революція, къ сожалѣнію, произошла на двѣ недѣли слишкомъ рано. Существовалъ заговоръ. Предполагалось уговорить Царя поочередно приводить Гвардейскіе Кавалерійскіе полки въ столицу на отдыхъ и для поддержанія порядка, а затѣмъ выманить Царя изъ Ставки и, при помощи Кавалергардовъ, совершить дворцовый переворотъ, добившись отреченія въ пользу Цесаревича и Регентства. Все это должно было произойти въ серединѣ марта.

Возвращаемся въ вагонъ и уѣзжаемъ безъ всякой церемоніи. Утромъ прибываемъ въ Петроградъ.

Опять погружаюсь въ скандальную хронику революціи. Кромѣ Туганъ-Барановскаго, прикомандировалъ къ себѣ еще Масленникова, и переписка у меня налаживается великолѣпно. Стараюсь все больше и больше разгонять по Главнымъ Управленіямъ.

Ожидая очереди для доклада въ пріемной, кого только не встрѣчаешь.

Какъ-то встрѣчаю въ пріемной Шавельскаго. Кидаемся другъ другу въ объятія. Я его начинаю дразнить, говоря, что мы его подозрѣваемъ въ приверженности къ старому режиму. Онъ кипятится и разсказываетъ, что, наоборотъ, онъ послѣднее вре-

мя былъ въ немилости изъ-за того, что нѣсколько разъ рѣшался говорить Царю правду.

Наконецъ, пріѣзжаетъ Крымовъ и сразу на меня набрасывается со свойственнымъ ему ругательнымъ краснорѣчіемъ: «Какъ тебѣ не стыдно, вы всѣ тутъ мямли, нюни распустили, первая солдатская депутація, которая ко мнѣ придетъ, я ее нагайкой встрѣчу». — «Недолго же ты тогда просуществуешь», — отвѣчаю я, не подозрѣвая, что окажусь такимъ пророкомъ. Иду къ Гучкову съ бумажками и говорю, что Крымовъ тутъ. Гучковъ спрашиваетъ: «Ну, какъ онъ?». Передаю разговоръ. Гучковъ улыбается. Послѣ своего пріема Крымовъ опять кидается на меня: «А ты Гучкову на меня наклеузничалъ». — «Для твоего же блага». А черезъ нѣсколько дней приходитъ телеграмма, что 3-ій Конный Корпусъ, которымъ онъ временно командуетъ вслѣдствіе того, что Келлеръ при первыхъ звукахъ революціи подалъ въ отставку, демонстрируетъ съ красными флагами по Кишиневу и скандалитъ невѣроятно. Крымовъ немедленно уѣзжаетъ обратно.

Гучковъ хочетъ для наведенія порядка привлечь на свою сторону евреевъ и для этой цѣли приглашаетъ одного виднаго еврея, но, оказывается, еврейская молодежь вырвалась совершенно изъ рукъ старыхъ благоразумныхъ евреевъ и съ ней ничего не подѣлаешь. Печально.

У Корнилова дѣло что то не ладится, съ войсками у него недоразумѣнія, онъ ссорится съ Совѣтомъ, приказанія его не исполняются. На дняхъ въ Финляндскомъ полку у него съ автомобиля сняли Георгіевскій флажокъ и водрузили красный. Балабинъ у него за начальника штаба, но у нихъ не клеится, и Балабинъ хочетъ уходить, а младотурки намѣреваются меня всунуть, но Корниловъ счи-

таетъ меня за авантюриста, къ штабной работѣ не пригоднаго. Слава Богу!

Поливановская Комиссія продолжаетъ собираться два раза въ недѣлю и заниматься словоизверженіемъ. Мышлаевскій уѣхалъ въ Казань, командовать войсками. Однажды во время засѣданія Пальчинскій говоритъ мнѣ, Энгельгардту, Якубовичу и Туманову, что сегодня ночью онъ хочетъ повезти насъ всѣхъ въ нѣкое мѣсто, — но куда — тайна. Соглашаемся. Засѣданіе кончается скоро. Послѣ полуночи забираемся въ автомобиль Пальчинскаго и ѣдемъ. Онъ привозитъ насъ въ Министерство Юстиціи, какъ оказывается, на свиданіе съ Керенскимъ. Интересно. Ждемъ около получаса, а затѣмъ проходимъ въ кабинетъ, гдѣ сидитъ Керенскій со своимъ адьютантомъ. Пальчинскій говоритъ, что привезъ нашу компанію, согласно просьбы Керенскаго, для вразумленія его по военнымъ вопросамъ, о которыхъ приходится Правительству имѣть сужденіе.

Первый вопросъ, который намъ Керенскій ставитъ: — «Годится ли Алексѣевъ въ Главнокомандующіе»? Энгельгардтъ за него. Я говорю, что хотя онъ не великій полководецъ для дѣйствія на психику массъ, но большой работникъ, знаетъ всю технику, что къ нему всѣ привыкли, что онъ глубоко честенъ и порядоченъ. Вообще, младотурки, какъ будто, за Алексѣева, особенно, когда начинаемъ разбирать кандидатовъ. Тутъ сразу все вниманіе сосредотачивается на Брусиловѣ. Конечно, уменъ, хитеръ, какъ муха, но ужъ очень ненадеженъ, какъ человѣкъ. Вообще, нѣтъ въ немъ такихъ качествъ, которыя бы ставили его очевидно выше Алексѣева, а потому не стоитъ мѣнять; таково, въ общемъ, настроеніе младотурокъ. Но у Керенскаго что-то на умѣ. Неужели Брусиловъ съ

нимъ снюхался? Способенъ. Тогда создается комбинація Керенскаго съ Брусиловымъ противъ Гучкова съ Алексѣевымъ. Посмотримъ.

Керенскій затѣмъ спрашиваетъ, можетъ ли съ успѣхомъ Гучковъ совмѣщать должность Военнаго и Морского Министра? Отвѣчать приходится мнѣ. Говорю, что по моему мнѣнію, невозможно: слишкомъ много работы... Разговоръ переходитъ на членовъ Царской фамилія. Керенскій до поразительности ничего не знаетъ про нихъ и подозрѣваетъ въ контръ-революціонности самыхъ безобидныхъ. Даемъ ему подробныя оцѣнки. Керенскій въ восторгѣ отъ Великаго Князя Михаила Александровича, его корректности и благородства.

Не помню, почему и кѣмъ было упомянуто имя Митрополита Шептицкаго. Вспоминаю всѣ свѣдѣнія Львовскаго Консульства, и даю подробное описаніе его антирусской дѣятельности; также нѣкоторые факты изъ его біографіи. Керенскій пораженъ и восклицаетъ: «А я и не зналъ и всегда считалъ его невинной жертвой стараго режима». Удивительна неосвѣдомленность новыхъ министровъ.

Бесѣда кончается около 3-хъ часовъ ночи. Забираемся опять въ автомобиль Пальчинскаго. Онъ развозитъ насъ по домамъ и по дорогѣ объясняетъ намъ цѣль сегодняшняго собесѣдованія. По его мнѣнію, Керенскій единственный сильный человѣкъ, котораго выдвинула революція, и мы должны его всячески поддерживать и просвѣщать. У меня получается впечатлѣніе, что Пальчинскій предвидитъ поглощеніе Гучкова Керенскимъ.

Я считаю, что мое положеніе не совсѣмъ корректно: нельзя сидѣть у Гучкова за пазухой, а по ночамъ бѣгать на конфиденціальныя свиданія съ другими Министрами. Поэтому утромъ на докладѣ разсказываю Гучкову въ двухъ словахъ о проис-

шествіи. Онъ улыбается и говоритъ, что если Керенскій желаетъ ближе знать военныя дѣла, то онъ, Гучковъ, противъ этого ничего не имѣетъ. Чѣмъ больше онъ будетъ знать, тѣмъ это будетъ для него полезнѣе. (не безъ ехидства).

Гучковъ собирается ѣхать въ Ставку и проситъ меня ѣхать съ нимъ, но я доказываю, что сіе не желательно, ибо мое присутствіе всюду около него создаетъ некрасивое впечатлѣніе, что я его любимчикъ (уже теперь всѣ ко мнѣ лѣзутъ за протекціями), мнѣ очень трудно доказывать, что я ни при чемъ. Кромѣ того, достаточно извелись генералы Сѣвернаго Фронта на мое постоянное присутствіе на совѣщаніяхъ. Въ Ставкѣ будетъ хуже. Послѣ нѣкотораго колебанія, Гучковъ соглашается. Я его начиняю нѣкоторыми свѣдѣніями о Ставкѣ. Гучковъ уѣзжаетъ. За него остается Маниковскій. Организація такова: у Министра два помощника: Новицкій по дѣламъ Главнаго Штаба и Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, и Маниковскій — по всѣмъ довольствующимъ Учрежденіямъ. Послѣдній, какъ старшій, замѣняетъ его въ случаѣ отсутствія. — Замѣчательно симпатичный и толковый человѣкъ. Мои бумажки подписываетъ безпрекословно, такъ какъ у меня уже выработаны трафареты на всѣ случаи жизни. Разъ Маниковскій за мной посылаетъ, чтобы я ему помогъ разобраться съ англійской военной миссіей. Онъ ни слова не знаетъ по англійски и мало по французски, а когда дѣло доходитъ до техники всякихъ поставокъ, то запутывается окончательно. Исполняю роль переводчика, къ удовольствію обѣихъ сторонъ.

Новицкій занимается сочиненіемъ проектовъ реформъ въ Главномъ Штабѣ и Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба, особенно по части сокращенія переписки, доказывая, что вопросы, рѣшае-

мые въ низшихъ инстанціяхъ, не должны имѣть слѣда въ высшей. — Напримѣръ, Главный Штабъ не долженъ хранить слѣдовъ прохожденія службы офицеровъ. Дѣло должно кончаться въ полку и дивизіи. Прекрасно. Но, если Главный Штабъ не будетъ провѣрять, какая поднимется оргія жульничества съ производствами, наградами и цензами.

Возвращается Гучковъ. Оказывается, среди строевого генералитета предстоитъ жестокая чистка. Гучковъ показываетъ мнѣ свою «мерзавку», съ заключеніями которой, оказывается, Алексѣевъ вполнѣ согласенъ. Система мерзавки слѣдующая: выписаны фамиліи всѣхъ корпусныхъ командировъ и начальниковъ дивизій, съ 6-ю графами, причемъ первыя пять заполняются оцѣнками, данными различными Гучковскими собесѣдниками, пользующимися его довѣріемъ, а въ послѣдней графѣ дѣлается общій выводъ по большинству голосовъ. Оцѣнокъ три: «достоинъ выдвиженія», «можетъ остаться», «подлежитъ изгнанію». Просматриваю тѣхъ, кого знаю, т. е. кавалерійское начальство, пѣхотное на Галиційскомъ и Румынскомъ фронтахъ и ищу случайно извѣстныхъ мнѣ по службѣ въ другихъ мѣстахъ. Въ общемъ, картина получается довольно вѣрная. Прошу Гучкова исправить одну явную для меня ошибку. Крыловъ въ 1-мъ разрядѣ, Бѣлковичъ — во 2-мъ. Говорю, что наоборотъ. Вижу, что у Багратіона отмѣтки скверныя. Гучковъ меня спрашиваетъ: «А когда вы будете произведены въ генералы»? Говорю, что по Георгіевскому статуту, — уже 15 февраля выслужилъ срокъ. Гучковъ говоритъ: «Потолкуйте съ Архангельскимъ, нельзя ли это устроить». Затѣмъ Гучковъ показываетъ мнѣ интереснѣйшую папку, съ которой онъ ѣдетъ въ засѣданіе Временнаго Правительства. Ожидая вопроса о смѣнѣ Главнокомандующаго,

Гучковъ запросилъ всѣхъ Командующихъ Арміями и Фронтами ихъ мнѣніе. Кромѣ одного отрицательнаго и одного воздержавшагося, всѣ, конечно, стоятъ за Алексѣева. До крайности забавны редакціи телеграммъ, показывающія характерныя особенности писавшихъ. Этимъ непобѣдимымъ козыремъ Гучковъ раздавилъ комбинацію Керенскій — Брусиловъ. Ловко.

Заѣзжаю къ Архангельскому потолковать о генеральствѣ. Онъ говоритъ, что, если я, какъ временно состоящій при Министрѣ, подамъ ему рапортъ и съ его резолюціей доставлю въ Главный Штабъ, то послѣ этого будутъ запрошены Начальникъ Дивизіи, Штабъ фронта и Ставка, а послѣ ихъ согласія сойчасъ же отданъ приказъ. Словомъ, въ недѣлю - дней 10 будетъ сдѣлано. На слѣдующій день подаю Гучкову рапортъ и объясняю, въ чемъ дѣло, а онъ меня вдругъ спрашиваетъ: «Не хотите ли принять 9-ю Кавалерійскую Дивизію»? Отвѣчаю, что благодаренъ за честь, но что не хочу покидать туземцевъ. Если, судя по мерзавкѣ, Багратіонъ будетъ смѣненъ, то естественнѣй мнѣ получить свою же дивизію, гдѣ я знаю всѣхъ, гдѣ командиры полковъ пріятели, а если Багратіонъ останется, то я вполнѣ доволенъ остаться при немъ начальникомъ штаба. Гучковъ говоритъ: «Хорошо, я поѣду на Юго-Западный фронтъ и поговорю съ Брусиловымъ». Уже на Сѣверномъ и Западномъ фронтахъ чистка идетъ: вышибаютъ болѣе 100 генераловъ.

Гучковъ 27-го марта ѣдетъ вторично въ Ставку. На этотъ разъ ѣду съ нимъ.

Путешествуемъ съ крупной свитой генераловъ: Новицкій, Шварцъ, новый начальникъ главнаго инженернаго управленія и т. д. Въ вагонѣ Любоміровъ приходитъ ко мнѣ въ отдѣленіе. Говоритъ, что Гучковъ получилъ какія-то кляузы на туземную

дивизію и, до рѣшенія вопроса о Багратіонѣ, хочетъ смѣнить двухъ бригадныхъ командировъ. Спрашиваетъ кандидатовъ на ихъ мѣсто. Я называю Командира Чеченскаго полка Принца Фазуллу-Мирза и Командира Татарскаго полка Князя Бековича-Черкасскаго. Онъ сочиняетъ соотвѣтственную телеграмму. Навѣрно въ дивизіи подумаютъ, что это я все подстроилъ. Я заявляю Гучкову, что въ Ставкѣ я буду отъ него держаться подальше, и по пріѣздѣ въ Могилевъ немедленно отдѣляюсь, погрузившись въ атмосферу Замойскаго, военныхъ агентовъ, также — товарищей Генеральнаго Штаба.

Замойскій во время революціи проявилъ необычайную доблесть. Пріѣхавъ одновременно со мной 26-го въ Петроградъ и увидавъ положеніе вещей, онъ поѣхалъ немедленно въ Царское Село и заявилъ, что, какъ флигель-адьютантъ, онъ считаетъ своимъ долгомъ предоставить себя въ распоряженіе Императрицы. Мало кто изъ свиты поступилъ такъ благородно. Всѣ первые тревожные дни онъ не покидалъ Александровскаго дворца, и много пережилъ интереснаго. Когда же было обнародовано отреченіе Государя, онъ попросилъ прощальной аудіенціи у Императрицы и доложилъ, что онъ свой долгъ по отношенію къ Государю исполнилъ до конца, а теперь, разъ Царь отрекся, онъ, какъ полякъ, обязанъ свою дальнѣйшую службу отдать исключительно Польшѣ. Послѣ этого Замойскій вернулся въ Ставку, гдѣ занялъ прежнее положеніе безсмѣннаго ходатая по польскимъ дѣламъ. Теперь главное его занятіе — это формированіе польскихъ легіоновъ, и нужно ему отдать справедливость, что онъ этимъ дѣломъ занимается очень энергично.

Узнаю подземныя теченія въ Ставкѣ. Оказывается, есть генеральская компанія, непремѣнно желающая избавиться отъ Лукомскаго съ тѣмъ,

чтобы ему дать командную должность на фронтѣ... Объ этомъ было еще извѣстно въ Питерѣ, и Гучковъ всячески предупрежденъ на эту комбинацію не соглашаться.

Иностранные военные агенты чрезвычайно мрачны, въ особенности итальянецъ Марсенго, утверждающій, что русская армія перестаетъ существовать и окончательный развалъ несомнѣнно очень близокъ.

Послѣ ужина бесѣдую съ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ. Затѣмъ встрѣчаю Базили, дипломатическаго чиновника при Ставкѣ, который проситъ меня воздѣйствовать на Гучкова, чтобы Лукомскій не покидалъ Могилева. Совѣтую ему поговорить съ Гучковымъ, находя, что чѣмъ больше ему будутъ это твердить съ разныхъ сторонъ, тѣмъ будетъ лучше.

Утромъ Гучковъ уѣзжаетъ въ Минскъ, въ Штабъ Западнаго Фронта, а я возвращаюсь въ Петроградъ.

Хочу ѣхать на фронтъ. Младотурки протестуютъ. Я доказываю, что здѣсь мнѣ дѣлать нечего, ибо «скандальная» переписка теперь сокращена до минимума и можетъ почти цѣликомъ разгоняться секретаремъ по соотвѣтствующимъ инстанціямъ. Кромѣ того, очень тянетъ въ дивизію; повидимому, тамъ не благополучно. Поэтому, по возвращеніи Гучкова, прошу его меня отпустить. Соглашается и прибавляетъ: «А Вашъ князь Багратіонъ мнѣ надоѣлъ: вотъ, посмотрите, сколько опять появилось кляузъ». И онъ протягиваетъ мнѣ бумаги, — очевидно, прошедшія черезъ Совѣтъ, и переданныя ему оттуда. Непріятна телеграмма Кіевскаго Совѣта, обвиняющая почти все начальство дивизіи въ приверженности старому режиму, и двѣ бумажки,

за подписью полковыхъ командировъ Старосельскаго и Мерчуле, соотвѣтственно заявляющихъ, что Кабардинцы и Ингуши всегда останутся вѣрны присягѣ своей Государю Императору. Скверно. Возражаю, что вѣдь есть телеграмма Багратіона, что вся дивизія присягнула Временному Правительству, что тутъ какое то недоразумѣніе, и прошу разрѣшенія лично разслѣдовать и донести. Получаю согласіе.

Гучковъ поручаетъ мнѣ устроить для него обѣдъ у Кюба и собрать тѣхъ, кто работалъ въ Военной Комиссіи Государственной Думы, такъ какъ онъ хочетъ ихъ поблагодарить. Собирается насъ дюжина. Обѣдъ проходитъ весело. Гучковъ благодаритъ за помощь и говоритъ, что собралъ компанію также и для того, чтобы попрощаться съ первымъ членомъ нашей братіи, покидающимъ столицу, т. е. со мною, который былъ не только хорошимъ работникомъ, но и принесъ много пользы, поддерживая духъ публики, даже въ самыя тяжелыя минуты, неисчерпаемымъ юморомъ. Я благодарю и желаю успѣха, а Пальчинскій, наговоривъ Гучкову комплиментовъ, довольно настойчиво намекаетъ на то, что ему слѣдовало бы опираться на тѣхъ, кто пришелъ ему безкорыстно помогать въ первыя же минуты революціи. Дружеская бесѣда съ воспоминаніями о всякихъ подробностяхъ и анекдотахъ революціи продолжается довольно долго.

Получаю извѣщеніе Архангельскаго о производствѣ въ генералы. Заѣзжаю къ нему поблагодарить. Онъ въ тоскѣ. Не знаетъ, куда его, въ концѣ концовъ, назначатъ.

Иду къ Гучкову прощаться. Онъ очень сердеченъ и любезенъ, и предлагаетъ ѣхать съ нимъ на Юго-Западный фронтъ, но я уклоняюсь. Вечеромъ

провожаю его на вокзалъ, а 6-го апрѣля покидаю Питеръ. Младотурки провожаютъ, утвердительно заявляя, что мнѣ навѣрно придется скоро вернуться. Посмотримъ.

МѢСЯЦЪ ВЪ ДИВИЗІИ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, нахожу нѣсколькихъ офицеровъ изъ дивизіи и узнаю подноготныя. Оказывается, въ штабѣ писарь Копысовъ и заурядъ-чиновникъ Даниловъ разводятъ страшную смуту. Пулеметчики изъ моряковъ тоже скандалятъ, а въ полкахъ, въ общемъ, благополучно; комитеты копаются въ хозяйственныхъ дѣлахъ и многіе сотенные командиры чувствуютъ себя скверно.

Командиръ 4-ой Татарской сотни Колюбакинъ завелъ дружбу съ Кіевскимъ солдатскимъ Совѣтомъ, даетъ мнѣ полезныя свѣдѣнія про главныхъ руководителей, и на слѣдующее утро везетъ меня къ нимъ. Главный запѣвало — симпатичный вольноопредѣляющійся изъ евреевъ, Брандманъ, отъ котораго, между прочимъ, я получилъ впослѣдствіи, послѣ моего назначенія въ Петроградъ, замѣчательно милое привѣтственное письмо.

Усаживаюсь съ нимъ и его подручными и доказываю имъ всю абсурдность ихъ обвиненій Туземной дивизіи въ контръ-революціонности. Что же касается выработаннаго Совѣтомъ списка лицъ, подлежащихъ немедленному изгнанію, то по поводу многихъ вполнѣ соглашаюсь, но не изъ-за соображеній политическихъ, а изъ-за боевыхъ и, главнымъ образомъ, хозяйственныхъ. Относительно нѣкоторыхъ лицъ категорически не соглашаюсь и вполнѣ доказательно привожу всѣ доводы неосно-

вательности возведенныхъ на нихъ обвиненій. Спрашиваю, откуда получены свѣдѣнія. — Подъ секретомъ мнѣ сообщаютъ фамиліи информаторовъ — двухъ вольноопредѣляющихся, а также вожаковъ комитета команды связи. Доказываю случайность и ненадежность такой информаціи. Прошу впредь слушать только делегатовъ, прибывающихъ съ удостовѣреніями, а добровольныхъ доносчиковъ гнать въ шею. Что же касается перемѣнъ въ личномъ составѣ, то берусь обо всемъ «доложить Багратіону», сохранивъ въ тайнѣ фамиліи информаторовъ.

Прошу выпустить арестованнаго по доносу одного изъ вольноопредѣляющихся подполковника Дагестанскаго полка Микашевидзе, зная, что его единственный грѣхъ — строгость. Но мнѣ возражаютъ, что это неудобно дѣлать безъ ходатайства полкового комитета. Чувствуется, что, вѣроятно, въ Совѣтѣ есть партія большевиковъ, которыхъ сами вожаки побаиваются. Разстаемся въ полной дружбѣ.

Интересную картину представляетъ собой столовая гостиницы Континенталь, гдѣ собирается все офицерство, особенно, находящихся неподалеку Гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, вызванныхъ для поддержанія порядка на желѣзныхъ дорогахъ. Много изгнанниковъ. Много вышибленныхъ генераловъ. За однимъ столомъ Арсеньевъ, Кантакузенъ и др. Арсеньевъ послѣ того, какъ я отказался отъ Конной Гвардіи, выдвинулъ Старосельскаго, а на Кирасиръ Его Величества (нынѣ Подольцевъ) — Бековича, добился отъ Брусилова соотвѣтственнаго прикава, не спрашивая согласія заинтересованныхъ лицъ. Теперь Арсеньевъ спрашиваетъ, гдѣ они. — Сообщаю, что оба въ отпуску, и врядъ ли, особенно Бековичъ, будутъ довольны своими на-

значеніями. Арсеньевъ говоритъ: «Вѣдь все-таки карьера командира Гвардейскаго полка лучше, чѣмъ командира Туземнаго, подлежащаго послѣ войны расформированію». Отвѣчаю, съ улыбкой, что еще вопросъ, кто будетъ раньше расформированъ, — Гвардія ли, или національныя кавказскія войска.

Дивизію застаю на отдыхѣ въ Бессарабіи. Штабъ въ Котюжанахъ, въ имѣніи Цѣниныхъ. Хорошій домъ. Прекрасная кухня. Багратіонъ ко мнѣ относится подозрительно. Разсказываю совершенно откровенно всю мою исторію, и откуда идутъ всѣ «навѣты» на него, но, повидимому, подозрительность его не разсѣивается, и онъ думаетъ, что я подъ него подкопался. На слѣдующій день Багратіонъ собираетъ всѣхъ бригадныхъ и полковыхъ командировъ, и я опять съ полной откровенностью и подробностями излагаю всѣ впечатлѣнія петроградскія и кіевскія.

Главное, что нужно поскорѣе устроить, — это полковые и дивизіонный комитеты. Здѣсь царитъ хаосъ, ибо въ дивизіи все осложняется національнымъ вопросомъ. Вырабатываю схему съ пропорціональнымъ представительствомъ Русскихъ и Туземцевъ. Много у меня возни со штабнымъ комитетомъ моихъ командъ. Среди писарей, телефонистовъ и пулеметчиковъ много крайнихъ элементовъ.

Сначала мнѣ представляютъ требованія о смѣщеніи чуть ли не всѣхъ офицеровъ, но дипломатически и постепенно успокаиваю всѣ страсти и почти всѣхъ сохраняю на мѣстахъ, только 2-3-мя приходится пожертвовать. Часто офицеры виноваты, раздражая публику разными безтактностями, за которыя ругаю нещадно, но и противной сторонѣ не даю спуска и протестую противъ краснаго флага съ надписью «да здравствуетъ демократическая республика», воздвигнутаго около штаба заурядъ

чиновникомъ Даниловымъ. Объясняю сему революціонеру, подкапывающемуся подъ старшаго адьютанта съ надеждой сѣсть на его мѣсто, что, можетъ быть, такая надпись оскорбляетъ мои чувства, что, можетъ быть, я кадетъ или крайній анархистъ, что неизвѣстно каково будетъ рѣшеніе Учредительнаго Собранія, и что, наконецъ, политическія убѣжденія мѣняются и неизвѣстно, каковы будутъ наши черезъ годъ. Съ трудомъ удерживаюсь отъ того, чтобы не напомнить ему, какъ онъ самъ рыдалъ отъ умиленія, получивъ серебряный портсигаръ изъ рукъ Великаго Князя Михаила Александровича.

Самый кляузникъ — старшій писарь Копысовъ. Это онъ, оказывается, выкралъ бумажки Старосельскаго и Мерчуле, написанныя въ первыя же минуты по полученіи извѣстія о революціи и не имѣвшія никакихъ послѣдствій.

По поводу всѣхъ кляузъ произвожу тщательное дознаніе и составляю подробный рапортъ Военному Министру, съ указаніемъ всей неосновательности обвиненій начальствующихъ лицъ дивизіи въ контръ-революціонности и приверженности старому режиму.

Забавно, что штабные всѣ считаютъ, что я съ Гучковымъ давно въ дружбѣ и былъ имъ предупрежденъ заранѣе о революціи, почему и поѣхалъ своевременно въ Петроградъ. Источникомъ этой легенды послужила, оказывается, телеграмма, полученная мною тогда отъ брата съ извѣстіемъ о смерти управляющаго и просьбой пріѣхать. Подпись «Саша», по мнѣнію штабныхъ мудрецовъ, несомнѣнно скрывала Александра Ивановича. Ничего не имѣю противъ того, чтобы меня считали умнѣе, чѣмъ я есть.

Полковые комитеты, наконецъ, налаживаются. Раза два я ихъ собираю, разъясняю ихъ задачи.

Потомъ изъ полковыхъ представителей организуется дивизіонное совѣщаніе. Предсѣдателемъ избирается Черкесскій командиръ Султанъ Крымъ-Гирей, я предоставляю имъ обсуждать всякіе вопросы о дивизіонной милиціи, о пулеметчикахъ и т. д.

Приходится удѣлять порядочно вниманія родному Татарскому полку и заботиться о своемъ любимомъ дѣтищѣ. Сначала происходитъ нѣкоторое недоразумѣніе съ кадровыми. Во всѣхъ полкахъ честолюбцы изъ всадниковъ, жаждущіе унтеръ-офицерскаго жалованія, подкапываются подъ русскихъ кадровыхъ. У татаръ сравнительно благополучно, но все таки кадровые какъ то огуломъ заявили, что хотятъ уйти. Ѣду въ полкъ. Собираю публику и, выслушавъ, какъ русскихъ, такъ и туземцевъ, доказываю имъ пустяшность всѣхъ ихъ кляузъ. Напоминаю исторію полка, — все, что пережили вмѣстѣ. Кончается умиленіемъ, примиреніемъ и клятвами вѣчной дружбы.

Съ сотенными комитетами не такъ просто. Всѣ они начинаютъ копаться въ прошлыхъ хозяйственныхъ операціяхъ и, естественно, получаются недоразумѣнія при легкомысленномъ смѣшеніи казеннаго аванса съ собственнымъ кошелькомъ, къ которому вообще столь склонны эскадронные и сотенные командиры на Руси, особливо по отношенію къ фуражному авансу въ военное время въ завоеванной странѣ, гдѣ «благодарное населеніе» часто даромъ кормитъ не только лошадей, но и людей. Хотя въ этомъ отношеніи жители Манджуріи были несравненно «благодарнѣе» галичанъ изъ за высокихъ тогдашнихъ справочныхъ цѣнъ, тѣмъ не менѣе мнѣ приходится пару довольно крупныхъ недоразумѣній покрыть изъ своего кармана. Зато моя 4-ая сотня борчалинскихъ татаръ отличилась и постановила, что ихъ сотенный командиръ Колюба-

кинъ былъ такимъ молодцомъ въ бою, что они не желаютъ заниматься контролемъ его хозяйственныхъ операцій. Въ концѣ концовъ, всѣ вопросы улаживаются, и Татарскій полкъ выходитъ изъ горнила революціи въ полномъ порядкѣ.

Въ другихъ полкахъ иногда не столь благополучно. У Ингушей, напримѣръ, оказался однажды утромъ разграбленъ денежный ящикъ и убитъ часовой. Пропало больше 40.000. Больше всего недоразумѣній во вновь прибывшей къ намъ Осетинской пѣшей бригадѣ. Эти молодцы еще на Кавказѣ при формированіи наскандалили, — вышибли своего бригаднаго, Чековани, со всѣмъ штабомъ и пріѣхали на фронтъ подъ предводительствомъ выбраннаго полковника Такоева (одного изъ баталіонныхъ). Вопросъ осложняется интригами нѣкоего полковника Баева, желающаго получить бригаду. Одинъ день приходитъ ко мнѣ депутація, съ просьбой изгнать его изъ расположенія дивизіи, а на слѣдующій — онъ самъ заявляетъ, что Осетины единогласно ему выразили желаніе имѣть его командиромъ и что онъ ѣдетъ въ Каменецъ хлопотать. Но, кромѣ этого, Осетины невѣроятно грабятъ, ставя грабежъ помѣщиковъ, какъ пунктъ политической платформы, и вооруженной силой содѣйствуютъ крестьянамъ побѣждать лѣсную стражу при вырубкѣ помѣщичьихъ лѣсовъ.

Легкій скандалъ происходитъ у Чеченцевъ, когда подвыпившіе офицеры потребовали, чтобы трубачи сыграли «Боже Царя храни». Тѣ отказались. Командиръ покончилъ дѣло весьма дипломатично, посадивъ подъ арестъ кого слѣдуетъ, а я принимаю мѣры, чтобы дѣло не дошло до Кіевскаго Совѣта, а то раздуютъ. Однако же кляузы не прекращаются и однажды прикатываетъ изъ штаба фронта Генералъ Веретенниковъ, послѣ коллективной петиціи

всего нашего начальства просившаго Брусилова разслѣдовать всѣ обвиненія и разъ навсегда насъ оградить отъ клеветы.

Веретенниковъ допрашиваетъ всѣхъ и обѣляетъ насъ совершенно, но врядъ ли дознаніе, произведенное «генераломъ», воздѣйствуетъ на солдатскіе комитеты. Лишній разъ убѣждаюсь, что люди, не пережившіе революціи въ Петроградѣ, не могутъ оцѣнить положенія, и рѣчи Веретенникова и Багратіона, обращаемыя къ дивизіонному совѣщанію, далеко не соотвѣтствуютъ настроенію публики.

Все какъ будто успокаивается, но вдругъ приходитъ телеграмма съ отрѣшеніемъ Багратіона и приказаніемъ сдать дивизію старшему. Багратіонъ сейчасъ же летитъ въ Каменецъ къ Брусилову и возвращается оттуда съ извѣстіемъ, что отрѣшеніе состоялось по телеграммѣ Гучкова. Всевѣдующіе телефонисты доводятъ до моего свѣдѣнія, что якобы Гучковъ приказалъ мнѣ принять дивизію, но что Брусиловъ эту часть телеграммы скрылъ. Возможно, ибо изъ шифрованныхъ телеграммъ, хотя и сильно перевранныхъ, получаемыхъ отъ младотурокъ, улавливаю, что Гучковъ, можетъ быть, уйдетъ. Вѣроятно, Брусиловъ выжидаетъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ ухода Гучкова, спасти Багратіона. Багратіонъ остается жить въ Котюжанахъ, хотя Брусиловъ ему предложилъ убѣжище въ Каменцѣ, какъ и очень многимъ другимъ отрѣшеннымъ генераламъ. Онъ пишетъ оправдательные рапорты, добивается отъ дивизіоннаго совѣщанія постановленія о томъ, что они его обожаютъ и т. д.

Въ смыслѣ дѣла, создалась обстановка неудобная: отрѣшенный Багратіонъ живетъ въ расположеніи дивизіи съ надеждой на реставрацію, а Гагаринъ, принявшій командованіе, только подписываетъ текущую переписку, но отъ рѣшенія прин-

ципіальныхъ вопросовъ уклоняется, не зная, кто же будетъ командовать дивизіей — онъ, я или Багратіонъ. Въ это время появляется съ Кавказа Рагозинъ, и я его сейчасъ же отправлю въ Петроградъ и Ставку выяснить положеніе. Тѣмъ временемъ Багратіонъ начинаетъ серію прощаній. Сначала приглашаются «желающіе» на плацъ передъ фольваркомъ. Конечно, собирается вся дивизія въ конномъ строю. Происходитъ скандалъ: во время объѣзда пулеметный отрядъ не отвѣчаетъ на привѣтствіе. Багратіонъ въ ярости отправляетъ ихъ домой. Эти господа всегда остаются самымъ безпокойнымъ элементомъ. Хотя я и добился возвращенія во флотъ всѣхъ моряковъ, но они до конца остаются источникомъ всякихъ недоразумѣній. Туземцы гораздо сдержаннѣй и тактичнѣй.

Другое недоразумѣніе съ прощальнымъ обѣдомъ въ штабѣ. Узнаю отъ Максимовича, что штабные комитеты хотятъ протестовать противъ того, чтобы офицеры чествовали такого извѣстнаго контръреволюціонера, какъ Багратіонъ, а въ крайнемъ случаѣ хотятъ устроить дебошъ, — ворваться въ столовую и арестовать Багратіона. Прошу имъ передать, что ихъ не касается, кого офицеры угощаютъ въ своей столовой и что, если произойдетъ скандалъ, я вызову ближайшій Туземный полкъ и никто изъ русскихъ штабныхъ не останется въ живыхъ. Тѣмъ не менѣе, во время обѣда чувствую себя на иголкахъ, а Максимовичъ каждыя пять минутъ выбѣгаетъ успокаивать страсти, ибо Даниловъ и другіе агитаторы продолжаютъ призывать къ возстанію. Кончается все благополучно.

Получаю телеграмму отъ Рагозина, что Гучковъ ушелъ, а затѣмъ пріѣзжаетъ и самъ Рагозинъ со многими интересными свѣдѣніями. Оказывается, младотурки всячески протестовали противъ моего

назначенія на должность Начальника дивизіи, ибо они хотятъ, во что бы то ни стало, меня посадить въ Петроградъ на мѣсто Корнилова, который окончательно поссорился съ «демократіей». Съ уходомъ Гучкова и воцареніемъ въ Довминѣ *) Керенскаго, младотурки пошли въ гору, и мой вызовъ въ столицу несомненъ. Экій хитрецъ Пальчинскій. Тѣмъ не менѣе рѣшаю на его частныя приглашенія пріѣхать, хотя и настойчивыя, не обращать вниманія. Я воинскій чинъ, а не политическій интриганъ. Въ Ставкѣ Рагозинъ засталъ Брусилова, и съ несомнѣнностью выяснилъ, что сей послѣдній уже давно противъ меня подработанъ Багратіономъ.

Наконецъ, приходитъ, шедшая 5 дней, телеграмма за подписью Керенскаго, съ категорическимъ приказаніемъ прибыть. Укладываю чемоданы и прощаюсь, — особенно трогательно съ татарами. Полкъ приходитъ въ конномъ строю. Я произвожу имъ короткое, но горячее ученіе, а затѣмъ произношу маленькую рѣчь, повторяя имъ то, что сказалъ при сдачѣ полка въ январѣ прошлаго года, т. е. что, куда бы меня судьба не возносила, и гдѣ бы мой умъ ни работалъ, мое сердце останется съ ними.

Даже прощаніе со штабными «демократами» выходитъ совсѣмъ сердечно, и они мнѣ подносятъ адресъ, въ коемъ доказывается, что я необычайный молодецъ по всѣмъ статьямъ. Остаюсь еще на одинъ день, чтобы участвовать на большомъ фестивалѣ, устроенномъ нашимъ санитарнымъ отрядомъ.

А на слѣдующій день въ поѣздъ. Даю прощальный и дружескій совѣтъ Багратіону: «Если останешься командовать дивизіей, никогда не бери начальникомъ штаба Готовскаго, онъ подведетъ» (ка-

*) Домъ Военнаго Министра.

кой я пророкъ). Несмотря на дальность до вокзала, много народа провожаетъ.

Пріѣзжаю въ Кіевъ и узнаю, что Керенскій только что проѣхалъ въ Каменецъ, но сегодня ночью выѣзжаетъ оттуда въ Одессу. Рѣшаю его повидать раньше, чѣмъ ѣхать въ Петроградъ. Вечеромъ качу въ Жмеринку, гдѣ рано утромъ ловлю поѣздъ Военнаго Министра. Всѣ спятъ. Бужу Генеральнаго Штаба полковника Барановскаго, бо-фрера Керенскаго, при немъ состоящаго, объясняю ему въ чемъ дѣло, и иду въ вагонъ-ресторанъ пить чай.

Стиль путешествія не похожъ на Гучковскій: нѣсколько вагоновъ, свита изъ всякихъ хулигановъ, конвой изъ Преображенцевъ и моряковъ, а не изъ юнкеровъ, — очевидная поза на демократичность.

Появляется Керенскій, за нимъ Щербачевъ. Послѣ чая, Керенскій уводитъ меня въ салонъ и говоритъ мнѣ, что онъ вызвалъ меня потому, что «когда онъ уѣзжалъ изъ Петрограда, я былъ единственнымъ кандидатомъ на должность Главнокомандующаго войсками округа, единодушно выдвигаемаго всѣми». (Значитъ, я не его кандидатъ, или уже Брусиловъ успѣлъ въ Каменцѣ про меня напѣть).

Говорю, что это назначеніе совсѣмъ мнѣ не улыбается, что я предпочитаю службу на фронтѣ, но что при развалѣ арміи, врядъ ли какая нибудь порядочная война теперь возможна, а потому — пускай онъ со мной дѣлаетъ, что находитъ болѣе полезнымъ. Керенскій протестуетъ, что война не кончена, что наступленіе будетъ, да еще какое! — Дай то Богъ, но мнѣ кажется, что присяжный повѣренный не можетъ понять духа арміи въ смыслѣ ея боеспособности. Рѣшаемъ въ концѣ концовъ на томъ, что я поѣду въ Петроградъ, куда Керенскій пріѣдетъ черезъ нѣсколько дней, и тогда вопросъ

о моемъ назначеніи покончимъ въ томъ или иномъ смыслѣ. Послѣ этого я спрашиваю, какъ же будетъ съ Туземной дивизіей? Керенскій отвѣчаетъ: «рѣшили оставить Багратіона. Ужъ очень за него проситъ Брусиловъ, надо же что нибудь для него сдѣлать». Теперь все понятно. Пріѣзжаемъ въ Одессу. Толпы народа, почетный караулъ, рѣчи, «ура». Керенскій отбываетъ, осыпанный цвѣтами, а я нахожу въ комендантѣ вокзала стараго манджурскаго соратника, бывшаго адьютанта у Генерала Болотова. Онъ меня угощаетъ прекраснымъ завтракомъ съ изобиліемъ спиртныхъ напитковъ и устраиваетъ отдѣленіе въ первомъ поѣздѣ, отходящемъ въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ уже всѣ знаютъ о моемъ назначеніи. Очень забавны физіономіи гвардейскихъ генераловъ, готовыхъ скорѣй примириться съ отреченіемъ Царя, чѣмъ съ назначеніемъ Генералъ-маіора на мѣсто Петроградскаго Главнокомандующаго. Успокаиваю тѣмъ, что ничего еще не рѣшено. Благодаря стараніямъ бывшаго улана Ея Величества Ржевусскаго, завѣдующаго передвиженіемъ войскъ, устраиваюсь очень удобно для путешествія, и 18-го мая пріѣзжаю въ Петроградъ. Выскочившій изъ вагона раньше другихъ Рагозинъ, бѣжитъ назадъ и сообщаетъ, что меня ожидаетъ почетный караулъ отъ Семеновскаго полка. Что за притча? Думать некогда. Выхожу. На правомъ флангѣ помощникъ Главнокомандующаго, поручикъ Кузьминъ, бывшій президентъ Красноярской республики въ 1905 году и начальникъ штаба Балабинъ. Принимаю караулъ, вступая этимъ de facto въ командованіе войсками.

КОМАНДОВАНІЕ ВОЙСКАМИ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Пропустивъ почетный караулъ церемоніальнымъ маршемъ на площади около вокзала, сажусь въ автомобиль съ Кузьминымъ, а Балабина прошу ѣхать въ Штабъ и ждать меня тамъ. Ѣду въ Довминъ. По дорогѣ сразу ставлю ребромъ Кузьмину вопросъ о взаимномъ довѣріи, и его отвѣтъ меня удовлетворяетъ, хотя несомнѣнно онъ ко мнѣ приставленъ, какъ соглядатай, ибо въ мою политическую благонадежность, конечно, никто изъ соціалъ революціонеровъ не вѣритъ, а съ назначеніемъ Керенскаго, они, естественно, пріобрѣли первенствующее значеніе.

Въ Довминѣ атмосфера измѣнилась. Младотурки воцарились всюду. Якубовичъ и Тумановъ — помощниками Военнаго Министра. Туганъ-Барановскій — начальникомъ Канцеляріи Военнаго Министерства. Аверьяновъ, конечно, удаляется, и на его мѣсто назначается Романовскій. Архангельскій, — конечно, Начальникомъ Главнаго Штаба, Пальчинскій же назначенъ товарищемъ Министра Торговли и Промышленности и работаетъ во всю. Такимъ образомъ, чрезмѣрнаго консерватизма боятся нечего, но зато большевизмъ пускаетъ сильные корни въ Совѣтѣ и пропаганда на нѣмецкія деньги идетъ во всю.

Когда я прошу выяснить свое положеніе, находя, что мой послѣдній разговоръ съ Керенскимъ ос-

тавилъ во мнѣ впечатлѣніе, что вопросъ о моемъ назначеніи не рѣшенъ, а тутъ Кузьминъ встрѣчаетъ меня съ почетнымъ карауломъ, — Якубовичъ заявляетъ, что это все ерунда, что вопросъ рѣшенъ давно и что Временное Правительство сегодня или завтра подпишетъ декретъ о моемъ назначеніи. Жребій брошенъ. Но, оказывается, Керенскій противъ моего назначенія долго упирался. Навѣрно, Брусиловъ ему напѣлъ про мое интриганство и честолюбіе.

При моемъ выходѣ изъ кабинета Якубовича меня на лѣстницѣ ловятъ газетные корреспонденты и хотятъ интервьюировать. Говорю, что только что пріѣхалъ и никакихъ программъ не имѣю. Одинъ изъ нихъ все-таки ставитъ вопросъ, что я намѣренъ дѣлать съ Кронштадтомъ? Отвѣчаю шуткой, — что, насколько мнѣ извѣстно, Кронштадтъ теперь самостоятельная республика, вполнѣ самоопредѣлившаяся, и что завоевывать ее я не намѣренъ, такъ какъ я врагъ аннексій и контрибуцій.

Изъ Довмина ѣду въ Штабъ. Въ сопровожденіи Балабина обхожу всѣ отдѣленія. Замѣчаю, что всѣ портреты Высочайшихъ Особъ убраны, кромѣ Петра Великаго и Екатерины II, увѣшанныхъ красными лентами, но почему то помилованныхъ соціалъ-революціонерами... Знакомлюсь съ личнымъ составомъ и разграничиваю работу: Кузьмину, согласно его желанія, предоставляется все хозяйство. Онъ собирается заняться улучшеніемъ быта интендантскихъ рабочихъ, но, вѣроятно, никогда не слыхалъ о томъ, какъ порождаются начеты Государственнаго Контроля. Однако, насколько я могъ замѣтить, этотъ вопросъ никогда не омрачаетъ жизни революціонныхъ дѣятелей и они въ обращеніи съ «народными» деньгами проявляютъ расточительность, о которой не посмѣлъ бы мечтать даже самый легкомысленный дѣятель стараго режима.

Балабина я прошу разгонять какъ можно больше переписки, докладывая мнѣ лишь самое необходимое, и обѣщаюсь никогда не ругать его за чрезмѣрное проявленіе инициативы. Себѣ оставляю непосредственное общеніе съ войсками и высшую политику, но такъ какъ я никогда въ жизни внутренней политикой и различными политическими теченіями не интересовался, то прошу Рагозина для моего собственнаго просвѣщенія немедленно выяснить разницу между соціалъ-революціонерами и соціалъ-демократами, такъ какъ мнѣ, очевидно, придется имѣть дѣло и съ тѣми и съ другими. Рагозинъ черезъ 10 минутъ возвращается въ мой кабинетъ и докладываетъ, что лозунгъ соціалъ-революціонеровъ это — «Земля и Воля», а соціалъ-демократовъ — «Пролетаріи всѣхъ странъ объединяйтесь». Благодарю за быстро выполненное порученіе и рѣшаю пока этими свѣдѣніями ограничиться.

Для начала ѣду въ Совѣтъ. Тамъ какъ разъ засѣдаетъ солдатская секція. Прошу слова. Говорю о томъ, какъ я понимаю роль демократическаго главнокомандующаго и кончаю тѣмъ, что прошу ихъ поскорѣй рѣшить вопросъ о солдатскомъ совѣщаніи при мнѣ, дабы я всегда могъ знать настроеніе въ войскахъ и этимъ руководствоваться. Мою рѣчь покрываютъ апплодисментами. Но нѣкоторые вожаки, какъ я потомъ узнаю, не совсѣмъ довольны: они нарочно тянутъ вопросъ, боясь, что Главнокомандующій, самостоятельно опирающійся на солдатскую массу, выйдетъ изъ-подъ ихъ опеки. То-то. Карты раскрываются очень скоро.

Первый вопросъ, который мнѣ приходится расхлебывать, — это недоразумѣніе, явившееся послѣдствіемъ приказа Кузьмина, изданнаго до моего пріѣзда, о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ для строевыхъ солдатъ, считая занятія за работу. Но

казарма не фабрика, а толкованіе такого приказа породило цѣлую серію неразрѣшенныхъ вопросовъ. Поэтому Кузьминъ собираетъ въ Штабъ всѣхъ начальствующихъ лицъ и представителей баталіонныхъ комитетовъ для выясненія подробностей приказа. Знакомлюсь съ начальниками, присматриваюсь къ комитетчикамъ. Во время преній физіономіи комитетовъ опредѣляются довольно ясно. Лучше другихъ, повидимому, комитеты стрѣлковыхъ баталіоновъ въ Царскомъ Селѣ.

Во время обсужденія приказа выясняется, что нѣкоторыя части поняли его въ смыслѣ необходимости 8-ми часовъ строевыхъ занятій, и ужаснулись, другія включили «словесность», но и то получилось много, третьи прибавили «просвѣтительныя лекціи», получилось довольно сносно, зато четвертыя поняли весьма либерально, т. е., что солдатъ долженъ находиться въ казармахъ 8 часовъ, считая обѣдъ и послѣобѣденный отдыхъ, а потомъ онъ свободный гражданинъ. Когда же кавалерія спрашиваетъ, какъ насчетъ чистки, уборки, водопоя и проч., становится очевиднымъ, что Кузьминъ, сочиняя приказъ, многое о чемъ не подумалъ. Соглашаемся считать приказъ не какъ подлежащій неуклонному исполненію, а какъ пожеланіе, приводимое въ исполненіе сообразно особенностямъ службы.

Вообще, занятія усложняются вѣчнымъ вопросомъ о караульной службѣ. Въ Петроградѣ и окрестностяхъ на довольствіи около 300 тысячъ (половина — всякія нестроевыя и техническія войска) 16 Гвардейскихъ запасныхъ баталіоновъ (по 5-7 тыс. каждый), изъ нихъ 12½ въ Петроградѣ, и 4 запасныхъ пѣхотныхъ полка (по списку, въ среднемъ, 15 тыс. каждый), изъ нихъ 2 въ Петроградѣ. Казалось бы, такое количество вполнѣ обез-

печиваетъ караульную службу въ столицѣ. Ежедневный нарядъ по окончаніи революціи былъ чуть ли не 20 тысячъ, теперь сокращенъ до 7, и по моему можетъ быть еще сокращенъ до 5 тысячъ. Но все-таки при огромномъ количествѣ нестроевыхъ въ каждомъ баталіонѣ, занимающихся въ мастерскихъ изготовленіемъ всякаго добра для дѣйствующаго полка и при значительныхъ внутреннихъ нарядахъ выходитъ, что люди въ караулъ ходятъ часто, а на занятія ходятъ рѣдко.

Обсужденіе Кузьминскаго приказа съ представителями баталіонныхъ комитетовъ оказывается вызвало волненіе въ Совѣтѣ, считающимъ обсужденіе всякаго вопроса своею монополіей. Поэтому ѣдемъ въ Совѣтъ узнать, въ чемъ дѣло. Кузьминъ принимаетъ извинительный тонъ, говоря, что цѣль сборища была лишь «разъясненіе приказа», а я говорю, что если бы при мнѣ было солдатское совѣщаніе, то такихъ недоразумѣній не было бы, а теперь у меня нѣтъ другого способа для разъясненія вопросовъ, какъ собирать представителей баталіонныхъ комитетовъ. Совѣтъ меня проситъ въ этихъ случаяхъ ихъ предупреждать, чтобы они могли присылать своихъ представителей. Охотно соглашаюсь.

По поводу солдатскаго совѣщанія при мнѣ — одинъ изъ еврейскихъ докторовъ не выдерживаетъ и прямо мнѣ говоритъ: «Съ солдатскимъ совѣщаніемъ при Васъ, Вы всю власть у насъ отнимете». Говорю, что когда они меня узнаютъ поближе, то убѣдятся, что я имъ не врагъ, пока они будутъ стремиться къ установленію порядка въ войскахъ.

Вскорѣ послѣ этого предупреждаю Совѣтъ и собираю въ Тавридѣ представителей баталіонныхъ комитетовъ для измѣненія уставовъ. Выкидываемъ всѣ ненужные теперь параграфы, послѣ чего издаю соотвѣтственный приказъ касательно измѣненій въ

Гарнизонномъ уставѣ. На этомъ собраніи осаживаю нѣкоего юношу, пытающагося доказать, что Военный Министръ не нуждается въ почетныхъ караулахъ, ибо онъ уже почтенъ довѣріемъ народнымъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда мнѣ приходится впервые примѣнить вооруженную силу для водворенія порядка. Какая то шайка анархистовъ съ невѣроятнымъ нахальствомъ среди бѣла дня захватила редакцію газеты «Русская Воля» на Ивановской, поставила часовыхъ у выходовъ, пулеметъ во дворѣ, и начала печатать свои прокламаціи. Вызываю Семеновцевъ и ѣду на поле брани. Затыкаю густыми цѣпями улицу съ обѣихъ сторонъ дома, устанавливаю наблюденіе за крышами и возможными выходами, забираюсь въ квартиру какихъ то очень милыхъ людей, имѣющихъ телефонъ, при помощи котораго связываюсь съ внѣшнимъ міромъ.

При старомъ режимѣ существовали опредѣленныя правила содѣйствія войскъ гражданскимъ властямъ, теперь же неизвѣстно взаимное отношеніе лицъ, собравшихся на мѣстѣ происшествія, т. е. меня, товарища прокурора, всякихъ комиссаровъ, а также представителей Совѣта, взявшихъ на себя роль посредниковъ между осажденными и осаждающими. Пока идутъ переговоры, вызываю двѣ сотни казаковъ для поддержки Семеновцевъ, а также для патрулированія сосѣднихъ улицъ, ввиду полученія свѣдѣній о томъ, будто осажденные ожидаютъ какую то поддержку извнѣ. Забавно положеніе квартирантовъ верхнихъ этажей надъ редакціей, которыхъ анархисты крѣпко законопатили. Они бросаютъ намъ изъ оконъ записки, поощряя къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и увѣряя, что настроеніе анархистовъ пониженное, а эти господа выбрасываютъ свои свѣже-отпечатанныя прокламаціи и торгуются объ условіяхъ сдачи, о которой сначала

не хотѣли и слышать. Теперь они хотятъ свободнаго выхода съ оружіемъ, потомъ съѣзжаютъ на личную свободу со сдачей оружія, но прокуроръ, получивъ инструкцію отъ Министра Юстиціи Переверзева, требуетъ ареста всей компаніи. Комедія, по моему, чрезмѣрно затягивается. Поэтому заявляю предсѣдателю Совѣта Министровъ Князю Львову, вызвавшему меня къ телефону, что если черезъ полъ часа не получу согласія Министра Юстиціи на штурмъ, то уведу войска домой, ибо считаю недостойнымъ держать благородное воинство подъ ружьемъ цѣлый день изъ-за пачки хулигановъ.

Получаю благословеніе Львова, также Переверзева и предъявляю свой ультиматумъ господамъ посредникамъ. Черезъ полъ часа у меня просятъ отсрочки еще на четверть часа, говоря, что безусловная сдача несомнѣнна. Посылаю за грузовиками для вывоза анархистовъ. Черезъ четверть часа сдаются и выходятъ безъ оружія на улицу десятка два всякихъ оборванцевъ. Начинается новая комедія. Куда ихъ везти? Всѣ боятся ихъ принять изъ за опасенія контръ-атаки со стороны сообщниковъ.

Каждая тюрьма придумываетъ отговорки. Предлагаютъ мнѣ ихъ принять въ Петропавловскую крѣпость. Категорически отказываюсь, — слишкомъ большая честь. Наконецъ сторговались на пересыльной тюрьмѣ, чтобы въ случаѣ контръ-атаки казаки изъ своихъ казармъ могли поддержать тюремный караулъ. Забранное оружіе и пулеметъ жалую Семеновцамъ какъ трофеи, благодарю роты за службу, сажусь въ автомобиль и отъѣзжаю. Публика, запрудившая всѣ сосѣднія улицы, устраиваетъ мнѣ бѣшеную овацію, какъ будто я взялъ Берлинъ. Запуганный обыватель жаждетъ порядка и радуется посрамленію хулигановъ. Какія то лич-

ности вскакиваютъ на подножку автомобиля и жмутъ мнѣ руки, дѣвицы въ окнахъ машутъ платочками и бросаютъ цвѣты. Словомъ — тріумфъ на Ивановской улицѣ, а на слѣдующій день пишу приказъ. Благодарю Семеновцевъ и казаковъ за выдержку при арестѣ хулигановъ, «покусившихся на «Русскую Волю».

Такъ закончилась эта комедія, еще разъ показавшая слабость и растерянность властей. Хулигановъ черезъ нѣсколько дней выпустили къ великому негодованію казаковъ, а ихъ самихъ въ совѣтскихъ кругахъ обвиняли въ контръ-революціи за то, что нѣсколько анархистовъ, пытавшихся во время переѣзда соскочить съ грузовиковъ, получили нагайкой по физіономіи. — Не демократично.

Мой нормальный день обыкновенно распредѣляется такъ: утромъ, послѣ краткаго доклада Разгозина о томъ, что въ газетахъ, ѣду въ какой нибудь полкъ, гдѣ гуляю по казармамъ и разговариваю съ публикой, передъ завтракомъ — докладъ Балабина, отъ 2-хъ до 4-хъ пріемъ (кто только не появляется), послѣ этого до обѣда посѣщеніе Довмина или Совѣта, иногда какого нибудь съѣзда или союза, вечеромъ либо какое нибудь засѣданіе въ Штабѣ, либо приглашеніе въ засѣданіе Временнаго Правительства, либо экстренный разговоръ съ Балабинымъ, который работаетъ, какъ волъ, въ Штабѣ до позднихъ часовъ. Примѣрно разъ въ недѣлю младотурецкое ядро (Якубовичъ, Тумановъ, Валабинъ, Гильбихъ) собирается вечеромъ у Пальчинскаго, и только рѣдкіе вечера предоставляются заслуженному отдыху.

При посѣщеніи полковъ физіономіи частей обрисовываются весьма опредѣленно. Лучше другихъ Семеновцы, Преображенцы, вообще 1-ая дивизія. Зато во 2-ой плохо. Особенно мерзко въ Грена-

дерскомъ полку, также въ Московскомъ, находящимся подъ вліяніемъ окружающей ихъ рабочей среды, а въ Павловскомъ есть нѣкая 4-ая рота, способная отравить существованіе самаго добросердечнаго начальства. Вообще замѣтно, что въ каждомъ запасномъ баталіонѣ есть одна рота, являющаяся источникомъ всякихъ непріятностей, — обыкновенно, рота эвакуированныхъ. Всегда въ этой ротѣ сплошь большевики, при этомъ обладающіе капиталами, позволяющими имъ ставить по 100 рублей на карту. Думаю, что это работа Берлинскаго Генеральнаго Штаба, и работа весьма планомѣрная. Предположеніе подтверждается въ цензурѣ письмами солдатъ своимъ родственникамъ въ деревню, описывающими прелести столичной жизни, гдѣ при умѣніи можно, ничего не дѣлая, зарабатывать до 10 рублей въ день, а по нѣкоторымъ днямъ (вѣроятно, манифестаціоннымъ) — до 30.

Въ 3-ей дивизіи неровно, у Кексгольмцевъ плохо, въ другихъ полкахъ сравнительно недурно, и ихъ въ смыслѣ порядочности можно расположить по той же скалѣ, по которой мы ихъ оцѣнивали въ былые дни въ Варшавѣ.

Вообще, интересно наблюдать, какъ характерныя особенности Гвардейскихъ полковъ передались въ ихъ запасные баталіоны. Про армейскіе запасные полки говорить нечего: тамъ сплошная мерзость. Есть одинъ пріятный уголокъ — это 1-ый Донской Казачій. У казаковъ хорошія рожи, а въ собраніи, за бутылкой вина ,подъ звуки трубачей, забываешь гнусный развалъ христолюбиваго воинства. Зато стоящій рядомъ 4-ый Донской подработанъ большевиками, а въ комитетѣ верховодятъ два такихъ гуся, за которыхъ «тихій» Донъ долженъ былъ бы покраснѣть.

Казаки меня просятъ никогда ихъ не вызывать, если не вызваны другія войска, и никогда не примѣнять ихъ безъ пѣхоты, чтобы избѣжать нареканій въ контръ-революціонности. Уже теперь среди рабочихъ идетъ усиленная пропаганда противъ казаковъ и политичные станичники чувствуютъ себя неловко. Охотно соглашаюсь и обѣщаюсь не ставить ихъ въ фальшивое положеніе. Характерная подробность. Донскіе полки — единственныя двѣ части въ Петроградѣ, присягавшія Временному Правительству, другія отказались, такъ какъ текстъ присяги не былъ одобренъ Совѣтомъ. Помню, въ свое время, при обсужденіи этого вопроса, Гучковъ призналъ его неважнымъ, иронически замѣтивъ: «Революція показала намъ цѣну присяги». Но казакамъ Войсковой Кругъ на Дону предписалъ присягнуть.

Другой пріятный уголокъ — это Павловскъ: тамъ запасная Гвардейская Конная Артиллерія, запасная сотня Гвардейскаго Своднаго Казачьяго полка и формирующіяся артиллерійскія части. Особенно хорошо у Гвардейскихъ Конныхъ артиллеристовъ. Дисциплина и порядокъ большой. Произвелъ разъ конный смотръ всей компаніи, причемъ на церемоніальномъ маршѣ получился курьезъ. Полковымъ маршемъ Сводно Казачьяго полка оказался «Славься, Ты славься». Порекомендовалъ имъ изобрѣсти что нибудь другое изъ опасенія попасть въ контръ-революціонеры.

Въ Царскомъ Селѣ тоже большой порядокъ. При первомъ посѣщеніи провѣряю караулъ и посты во дворцѣ. Испытываю непріятное чувство, проходя по залѣ, гдѣ представлялся Царю по окончаніи Академіи. Посѣщаю мѣстный Совѣтъ, состоящій, въ общемъ, изъ довольно умѣренной публики, обѣщаюсь исполнить кое какія пожеланія, напри-

мѣръ, — объ уничтоженіи караула у дома Великаго Князя Бориса Владиміровича. Великій Князь послѣ революціи былъ вывезенъ изъ Ставки по просьбѣ Алексѣева и водворенъ подъ караулъ въ Царскомъ.

Совѣтъ кромѣ того проситъ отвести имъ Дворецъ Великаго Князя Владиміра Александровича подъ клубъ и читальню. Говорю, что сіе внѣ моей власти, но что скажу Переверзеву, такъ какъ вопросъ о правахъ на дворецъ, насколько помню, юридически сложенъ и уже возникалъ послѣ смерти Великаго Князя Владиміра Александровича.

Вернувшись въ Петроградъ, спрашиваю Керенскаго, какія имѣются основанія для содержанія Великаго Князя Бориса Владиміровича подъ карауломъ. Онъ мнѣ ихъ перечисляетъ, но я доказываю, что если эти причины могли имѣть значеніе въ началѣ революціи, то теперь онѣ никакого основанія уже имѣть не могутъ и что я, для облегченія караульной службы, прошу разрѣшенія караулъ снять, взявши съ Великаго Князя подписку о невыѣздѣ изъ Царскаго безъ разрѣшенія коменданта, а такъ какъ солдаты, воспользовавшись отсутствіемъ караула, могутъ разграбить великокняжескіе погреба и напившись наскандалить, желательно спиртные напитки перевезти въ другое мѣсто, по указанію коменданта. Керенскій мнѣ на это говоритъ: «А Вы Великаго Князя съ его гражданской женой посадите въ Александровскій дворецъ подъ одинъ караулъ съ Государемъ». Категорически противъ такой комбинаціи протестую и, въ концѣ концовъ, Керенскій соглашается сдѣлать по моему.

Говоря про загородныя мѣста, долженъ сказать, что хуже другихъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ второй пулеметный полкъ скандалитъ невѣроятно. Они

и во время революціи причинили много безпокойства, придя въ Петроградъ со всѣми своими пулеметами и обосновавшись въ Народномъ Домѣ, откуда ихъ выдворить было очень трудно, ибо столичная жизнь имъ пришлась по душѣ. Теперь они терроризируютъ своими безчинствами всю Ораніенбаумскую округу. Очень на нихъ жалуется Великій Князь Николай Михайловичъ, у котораго они его имѣніе Михайловку разоряютъ систематически, но помочь ему ничѣмъ не могу, такъ же, какъ и въ просьбѣ его освободить отъ военной службы двухъ его старыхъ слугъ.

Въ Гатчинѣ сравнительно тихо. Тамъ расположены юнкерскія школы, произведшія на меня при осмотрѣ очень хорошее впечатлѣніе, затѣмъ авіаціонная школа съ очень большимъ личнымъ составомъ, авіаціонная рота и масса вновь формируемыхъ артиллерійскихъ частей. Одно непріятно: — очевидная непріязнь солдатскаго элемента къ юнкерамъ, являющимся оплотомъ порядка.

Замѣчательную я разъ получилъ жалобу отъ гатчинскихъ жителей на солдатскія безчинства, гдѣ, между прочимъ, указывалось, что въ дворцовыхъ прудахъ были знаменитые карпы, носившіе кольца съ датами 18-го столѣтія и пріученные по звуку колокольчика всплывать на поверхность воды для полученія пищи. Послѣ революціи солдаты немедленно позвонили въ колокольчикъ, довѣрчивые современники Великой Екатерины всплыли и... попали въ уху. Вотъ какъ демократія поглощаетъ старый режимъ. Про избіеніе солдатами дичи въ Царской Охотѣ и звѣринцѣ даже говорить противно.

Помню при посѣщеніи Гатчины забавный анекдотъ. Наканунѣ происходила какая то манифестація, и въ одной изъ артиллерійскихъ казармъ въ

разныхъ углахъ валялись плакаты. Замѣтивъ одинъ съ надписью: «да здравствуетъ Интернаціоналъ», я спросилъ близъ стоявшаго солдатика, что эти слова значатъ, онъ смутился и заявилъ, что не знаетъ, но что «депутатъ», бравый унтеръ изъ батарейнаго комитета, можетъ объяснить, а сей послѣдній дѣйствительно быстро объяснилъ, что интернаціоналъ значитъ интересы націи. Я удовлетворился, вспомнивъ, что еще солдаты декабристы думали, что Конституція — жена Константина Павловича. Традицію солдатской изобрѣтательности нужно уважать.

Въ Гатчинѣ однажды явился ко мнѣ одинъ изъ приближенныхъ Великаго Князя Михаила Александровича съ привѣтомъ отъ него и съ выраженіемъ сожалѣнія, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ свиданіе между нами немыслимо, хотя бы для того только, чтобы вспомнить былые дни на фронтѣ съ Туземцами. Теперь онъ проситъ, не могу ли я устроить ему разрѣшеніе для проѣзда въ Финляндію на автомобилѣ. Обѣщаюсь постараться, и въ тотъ же день, будучи у Керенскаго съ докладомъ, упоминаю объ этомъ вопросѣ. Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «А если бы меня не было сейчасъ въ Петроградѣ, какъ бы Вы поступили»? — Говорю, что разрѣшеніе выдалъ бы. — «Ну и дѣйствуйте на собственную отвѣтственность». — На слѣдующій день разрѣшеніе выдается, но къ сожалѣнію Великій Князь имъ не воспользовался.

Лихорадочная работа въ столицѣ не давала мнѣ возможности кататься по окрестностямъ. Конечно, отдаленныя мѣста моихъ владѣній, вродѣ Архангельска, Вологды, или Петрозаводска, мало мнѣ причиняли безпокойства и, въ большинствѣ случаевъ, всѣ вопросы, ихъ касающіеся, разрѣшались Балабинымъ, но ближайшія къ столицѣ мѣстности

сильно меня интересовали съ точки зрѣнія возможнаго появленія нѣмцевъ, о чемъ мнѣ пришлось обмѣниваться стратегическими соображеніями со Ставкой.

Исторія объ отношеніяхъ Петроградскаго Округа къ фронту въ двухъ словахъ слѣдующая: въ началѣ войны въ столицѣ находилась 5-ая армія Фанъ-деръ-Флита, штабъ коей помѣщался въ зданіи Штаба Округа и считалъ себя на театрѣ военныхъ дѣйствій, получая боевыя награды къ великому огорченію чиновъ Главнаго Штаба, доказывавшихъ, что они въ юго-западной части Дворцовой площади на цѣлыхъ 200 шаговъ ближе къ противнику, а боевыхъ наградъ не получаютъ. Но 5-ая армія ушла, и Округъ оказался вклиненнымъ во владѣнія Сѣвернаго фронта, коему принадлежала Финляндія. Началась безконечная переписка со Ставкой о границахъ Округа. Вопросъ особенно обострился съ водвореніемъ въ Петроградѣ Корнилова, задумавшаго обосновать новый Петроградскій приморскій фронтъ, съ включеніемъ Финляндіи и южнаго берега Финскаго залива съ огромной сѣтью укрѣпленныхъ линій. Ставка и Сѣверный фронтъ запротестовали, и пишущія машинки заработали.

Унаслѣдовавъ вопросъ, я его поставилъ иначе. — Довольно у меня дѣла въ самой столицѣ, чтобы не интересоваться возможными военными дѣйствіями въ Або или Ревелѣ, а потому пускай Сѣверный фронтъ вѣдаетъ удаленными отъ столицы областями, но я настоятельно прошу предоставить мнѣ Выборгскія, Наровскія и Лужскія позиціи, о которыхъ никто не заботился. Онѣ для меня важны, какъ ближайшіе подступы къ Петрограду, на которыхъ даже со своими «революціонными» войсками я смогу нѣмцевъ задержать достаточно, чтобы эвакуировать все цѣнное изъ города, по по-

воду чего мною было собрано совѣщаніе изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ, давшихъ мнѣ вѣсъ своихъ грузовъ. Оказалось, что водой все вывезти можно быстро и хорошо. Такъ я и написалъ въ Ставку, а въ Штабъ Сѣвернаго фронта послалъ своего офицера для выясненія взаимныхъ отношеній, но за время своего командованія войсками окончательнаго отвѣта такъ я и не получилъ.

Морская оборона находилась въ вѣдѣніи Морского Генеральнаго Штаба, имѣвшаго двѣ оборонительныя позиціи, — одну, передовую, гдѣ-то на линіи Свеаборга, другую, тыловую, впереди Кронштадта. Послѣдняя была въ зачаточномъ состояніи и, хотя въ техническомъ отношеніи она зависѣла отъ Морского Штаба, но снабженіе касалось меня, и тутъ то политика оказала свое вредное вліяніе на стратегію: «Автономная Кронштадская Республика» категорически отказалась выдать что бы то ни было изъ своихъ запасовъ для морской позиціи, заявивъ, что даже 10-ти дюймовыя орудія нужны для защиты самого Кронштадта отъ контръ-революціи... Даже получился отказъ давать провіантъ изъ Кронштадтскихъ магазиновъ для рабочихъ на позиціи, ибо эти запасы опять таки могутъ понадобиться республиканцамъ въ случаѣ осады со стороны реакціонной гидры. Пришлось рабочимъ доставлять припасы изъ Петрограда, а на вооруженіе батарей поставить крестъ.

Грустны бывали мои свиданія съ комендантомъ Кронштадта. Онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ и разсказывалъ потрясающія вещи про тамошніе порядки. Самъ онъ тактичнымъ невмѣшательствомъ сохранилъ голову и свободу, но больше ничего. Когда я разъ выразилъ желаніе поѣхать посмотрѣть войска республики, онъ ужаснулся и сказалъ, что если бы стало извѣстнымъ, что онъ

меня посѣщаетъ, то его растерзали бы, и что онъ погоны надѣваетъ только входя ко мнѣ въ Штабъ. Однажды онъ мнѣ заявилъ, что комитеты въ Кронштадтѣ захватили всюду экономическіе капиталы и подѣлили ихъ между собой, а теперь нѣкоторые офицеры безпокоются, не будетъ ли на нихъ начетъ Государственнаго Контроля... Просилъ всѣхъ успокоить, объяснивъ, что свобода и Государственный Контроль покамѣстъ понятія несовмѣстимыя.

По сравненію съ Кронштадтской республикой значительно болѣе передовымъ государствомъ оказалась Шлиссельбургская держава. — Тамъ было объявлено, что каждая волость, на подобіе американскаго штата, представляетъ собой самостоятельную единицу, а въ Шлиссельбургѣ будетъ засѣдать союзный конгрессъ. На первомъ засѣданіи конгресса было выяснено, что вся сумма государственнаго дохода соединенныхъ штатовъ равняется 150 тыс. рублей. Каждому народному представителю, какъ въ управленіи отдѣльныхъ штатовъ, такъ и въ центральномъ конгрессѣ, было положено жалованіе 5 тысячъ въ годъ, что какъ разъ покрыло всю сумму дохода. И съ такимъ простымъ бюджетомъ республика начала дѣйствовать.

Довольно благополучно наладилось существованіе въ гвардейскихъ запасныхъ кавалерійскихъ частяхъ въ Кречевицкихъ казармахъ. — Тамошній командиръ, графъ А. Бенигсенъ, пріѣхалъ ко мнѣ со своими комитетчиками, и мы сговорились по всѣмъ вопросамъ болѣе или менѣе удовлетворительно.

Въ самомъ Петроградѣ, кромѣ войсковыхъ частей, много хлопотъ у меня было съ Петропавловской крѣпостью. — Туда въ первые дни революціи попалъ поручикъ Берсъ чѣмъ то вродѣ помощника Коменданта, и началъ играть роль народнаго

избранника, держа связь съ Совѣтомъ. Исполняющій должность коменданта былъ очень слабъ, а въ гарнизонномъ комитетѣ были всякія личности подозрительнаго свойства, между прочимъ, нѣкій демократическій вольноопредѣляющійся, бравшій взятки для выпуска арестованныхъ. Постановленіе прокурора объ освобожденіи подвергалось критикѣ гарнизоннаго комитета, и иногда получался категорическій отказъ выпустить, пока вольноопредѣляющійся не получалъ мзду. Сенаторъ Добровольскій, кажется, заплатилъ 5 тысячъ, Вырубова 2½.

Берсъ разнахальничался до того, что, будучи пьянъ, на лѣстницѣ Маріинскаго Дворца заявилъ Керенскому, что онъ назначенъ въ крѣпость во время революціи Совѣтомъ и что поэтому ему «наплевать на Временное Правительство». — Керенскій категорически отъ меня требуетъ убрать Берса. Вызываю его въ Штабъ и, послѣ миролюбиваго раговора, отчисляю его въ резервъ, а для прекращенія всякихъ интригъ назначаю Комендантомъ 4-го Стрѣлковаго полка Апухтина, — хотя однорукаго, но большого молодца.

При посѣщеніи крѣпости захожу въ Трубецкой бастіонъ. Нахожу, что условія жизни тамъ совсѣмъ не плохи: пища и санитарныя условія немногимъ хуже, чѣмъ въ гостиницѣ Асторія. Вижу въ дверное окошко Воейкова съ отросшей бородой, но довольнымъ видомъ, занятаго чтеніемъ. Самое непріятное въ крѣпости — это постоянное общеніе гарнизона съ домомъ Кшесинской, гдѣ засѣдаетъ Ленинъ со своимъ штабомъ. Особенно приходится зорко смотрѣть за нѣкоторыми ротами 3-го Стрѣлковаго. Апухтинъ сразу беретъ правильный тонъ, и дѣло какъ будто налаживается.

Изъ вопросовъ, съ которыми мнѣ пришлось возиться, однимъ изъ наиболѣе интересныхъ явился

вопросъ о производствѣ въ прапорщики изъ унтеръ-офицеровъ въ свои же полки. Въ Гвардейскихъ полкахъ это не практиковалось, а потому мы рѣшили съ Балабинымъ сдѣлать «демократическій» шагъ и начать производить въ Петроградѣ; но помятуя, что Корниловъ произвелъ нѣсколько человѣкъ, послѣ чего получились недоразумѣнія съ Главнымъ Штабомъ, я сначала заручаюсь благословеніемъ Керенскаго, несмотря на нѣкоторый протестъ со стороны Якубовича, увѣряющаго, что это произведетъ непріятное впечатлѣніе на фронтѣ. Я доказываю, что вакансій у меня много, офицеры мнѣ нужны, и что въ видѣ демократическаго опыта для сліянія офицерской и солдатской среды можетъ быть окажется полезнымъ. Керенскій соглашается, послѣ чего берусь за Архангельскаго. Онъ сначала недоумѣваетъ, подъ какую категорію такія производства подогнать. Наконецъ, уговариваю его начать новую категорію «за отличія, оказанныя во время революціи и при установленіи порядка послѣ нея». Затѣмъ объясняю свою идею начальникамъ частей, прошу ихъ растолковать офицерамъ, чтобы они, со своей стороны, помогли новоиспеченнымъ прапорщикамъ уразумѣть офицерское достоинство. Норму устанавливаю для начала 12-15 человѣкъ на баталіонъ. Представленія дѣлаются начальствомъ, но съ рекомендаціей баталіоннаго комитета.

Для ускоренія дѣла, везу списки лично Керенскому и съ его резолюціей посылаю въ Главный Штабъ. Относительно 1-ой и 3-ей Дивизій, также стрѣлковъ, провожу дѣло быстро. Но насчетъ 2-ой дивизіи, особенно Московскаго и Гренадерскаго полковъ, Керенскій весьма резонно протестуетъ, говоря: «Какой же у нихъ установленъ порядокъ»? Соглашаюсь и не настаиваю, но Кузьминъ, поче-

му-то чувствующій симпатіи къ хулиганамъ 2-ой дивизіи, беретъ списки и, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ атакъ, въ концѣ концовъ добивается отъ Керенскаго согласія.

Собираю новопроизведенныхъ въ Штабъ и произношу рѣчь, объясняя имъ, что они должны быть связующимъ звеномъ между казармой и офицерскимъ собраніемъ. Вскорѣ выясняются выгоды и невыгоды моего опыта. — У Семеновцевъ начальство радуется, ибо новые прапорщики позволяютъ себѣ по отношенію къ солдатамъ гораздо больше въ смыслѣ строгости, чѣмъ могутъ старые офицеры. Зато изъ нѣкоторыхъ другихъ частей получаются менѣе утѣшительныя свѣдѣнія: «надѣлъ погоны офицерскіе, значитъ, продался буржуямъ». Вотъ и угадай демократическія настроенія.

Довольно характерный образецъ недовѣрія къ начальству обозначился въ вопросѣ о переформированіи гвардейскихъ запасныхъ баталіоновъ въ резервные полки. Приказъ объ этомъ былъ изданъ Корниловымъ, но остался неисполненнымъ ввиду противодѣйствія со стороны Совѣта и комитетовъ. Сколько я не допрашиваю, не могу добиться никакихъ основательныхъ резоновъ этого противодѣйствія. Либо просто Совѣтъ желаетъ сохранить какъ можно больше анархіи, либо солдаты опасаются, что съ перемѣной штатовъ будетъ больше офицеровъ. Между тѣмъ трудность управленія баталіонами съ наличнымъ составомъ въ 7-9 тысячъ — очень большая. Почти всѣ баталіоны разбили свои роты на литерныя роты и фактически живутъ, какъ полки, но боятся оффиціально объявить себя переформированными, чтобы не навлечь на себя неудовольствія Совѣта... Не настаиваю, но гуляя по казармамъ, понемногу внушаю солдатамъ идею

о томъ, что это переформированіе для нихъ же будетъ удобнѣе.

Съ Совѣтомъ мало-по-малу у меня устанавливаются дружелюбныя отношенія: съ Чхеидзе впервые встрѣчаюсь на довольно оригинальной церемоніи отправки знамени Сосненскому полку отъ соціалъ-демократической партіи. Для этой комедіи наряжаю роту Преображенцевъ къ Думѣ, даю отдѣльный вагонъ для депутаціи и караула со знаменемъ, для путешествія на фронтъ. При выносѣ знамени изъ Думы Чхеидзе говоритъ горячую рѣчь, доказывая, что Россія показала всему міру возможность соціальной революціи, но что теперь нужно эту революцію спасти отъ анархіи, что сіе знамя является символомъ, около котораго должны сплотиться и т. д. и т. д. Но видно, что онъ самъ далеко не убѣжденъ, что волну анархіи удастся остановить. Послѣ этого случая мнѣ нѣсколько разъ приходится бывать въ засѣданіяхъ Совѣта подъ его предсѣдательствомъ, и мнѣ скорѣе было его жалко, видя, какъ его надежды на соціальный рай послѣ революціи постепенно разбиваются въ прахъ.

Первый мой успѣхъ съ Совѣтомъ заключается въ слѣдующемъ: во времена Корнилова Совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы войска не выходили изъ казармъ по приказанію Главнокомандующаго безъ санкціи Совѣта. Доказываю всю абсурдность такого положенія, и добиваюсь того, что Чхеидзе пишетъ бумажку, на основаніи которой войска должны безпрекословно выходить куда угодно, по моему приказанію, такъ какъ я нахожусь въ постоянной связи съ Совѣтомъ. Съ своей стороны, обязуюсь не предпринимать никакихъ военныхъ операцій, не вызвавъ предварительно въ Штабъ двухъ дежурныхъ представителей Совѣта. Записываю номера телефоновъ, а бумажку за подписью

Чхеидзе литографирую и приказываю вывѣсить во всѣхъ казармахъ. Считаю, что моя примирительная тактика съ Совѣтомъ — единственный правильный исходъ, ибо если я буду съ нимъ ссориться, это только увеличитъ безпорядокъ. Если же я съ ихъ поддержкой пущу корни, то потомъ, обосновавшись крѣпко въ солдатскихъ умахъ смогу быть можетъ немного распустить крылья.

Вторая побѣда была одержана въ вопросѣ о нарядѣ войскъ. — Послѣ распаденія Военной Комиссіи Государственной Думы, отдѣлъ наряда войскъ съ Паршинымъ во главѣ, остался въ Тавридѣ, и Совѣтъ, желая имѣть свой глазъ въ этомъ дѣлѣ, ни за что не соглашается передать распоряженіе нарядами въ строевое отдѣленіе Штаба, какъ при нормальныхъ условіяхъ должно было бы быть. Наконецъ, нахожу компромиссъ и добиваюсь переселенія Паршина со всей его канцеляріей ко мнѣ въ Штабъ, гдѣ поселяю его въ бывшей квартирѣ графа Ностица, недалеко отъ моего кабинета.

Третья побѣда заключается въ томъ, что Совѣтъ, въ концѣ концовъ, организуетъ солдатское совѣщаніе при мнѣ, хотя не въ той формѣ, какъ мнѣ хотѣлось, т. е. не прямымъ выборомъ изъ частей, а назначеніемъ изъ числа «совѣтчиковъ». Однако же составъ совѣщанія довольно удовлетворительный. Собираемся раза три въ недѣлю для разглагольствованій. Свои приказы иногда даю на предварительное обсужденіе, иногда разъясняю post factum. Публикѣ извѣстно, что въ Штабѣ есть солдатское совѣщаніе (именуемое Балабинымъ Парламентомъ Главнокомандующаго), а потому подозрѣнія Штаба въ контръ-революціонности должны разсѣяться. Часто извлекаю изъ парламента полезныя свѣдѣнія о настроеніяхъ въ Совѣтѣ и въ войскахъ, и рѣже мнѣ приходится ѣздить въ

Совѣтъ выяснять недоразумѣнія, хотя я люблю иногда покалякать въ этомъ учрежденіи, гдѣ меня именуютъ «Товарищъ Главнокомандующій», что всегда мнѣ напоминаетъ митингъ въ еврейскомъ мѣстечкѣ въ Бессарабіи, гдѣ ораторъ въ солдатской формѣ, взойдя на трибуну, началъ свою рѣчь такъ: «Товарищи евреи-дезертиры»... (Фактъ).

Но есть одна категорія товарищей, про которыхъ я слышать не могу, это — «товарищи сорокалѣтніе». Нужно замѣтить, что по арміи прошелъ слухъ, что всѣхъ солдатъ старше 40 лѣтъ, отпустятъ домой, да какая то агитація въ этомъ смыслѣ пошла изъ Совѣта. И вотъ 40-лѣтніе начали дезертировать и являться въ столицы съ требованіемъ о томъ, чтобы ихъ на законномъ основаніи уволили. Поселились они лагеремъ на Семеновскомъ плацу, разбились на роты, основали собственную республику, начали сначала посылать повсюду депутаціи, но потерпѣвъ неудачу, стали устраивать огромныя шествія, болѣе 50-ти ротъ. Черновъ ихъ обнадежилъ. Керенскій съ яростью прогналъ. Я началъ ихъ морить голодомъ, прекративъ отпускъ у воинскаго начальника всякаго для нихъ пропитанія, но оказалось, что ихъ республика можетъ жить самостоятельно на заработки отъ торговли папиросами, отъ ношенія багажа на вокзалахъ и проч.

Одно время они какъ будто начали сдавать и собирались эвакуироваться на фронтъ, но тутъ вдругъ Верховскій въ Москвѣ не выдержалъ и собственной властью распустилъ своихъ 40-лѣтнихъ по домамъ. Тогда мои взволновались опять. Якубовичъ изругалъ Верховскаго. Его приказъ отмѣнили. Но республика на Семеновскомъ плацу, окрыленная новыми надеждами, засѣла крѣпко, изобрѣтая все новые промыслы для своего пропитанія, хотя наиболѣе выгоднымъ оказалось безусловно ношеніе ба-

гажа на вокзалахъ, несмотря на хаосъ, царившій на желѣзныхъ дорогахъ. Коменданты на вокзалахъ были безсильны установить порядокъ, и единственное спасеніе заключалось въ солдатской желѣзнодорожной комиссіи, устроенной Балабинымъ и засѣдавшей въ Штабѣ. Безъ билета отъ нея ни одинъ солдатъ не могъ садиться въ поѣздъ, члены комиссіи поочередно дежурили на вокзалахъ: ихъ какъ-то больше слушались, чѣмъ законныхъ властей, и кое какой порядокъ, въ концѣ концовъ, на вокзалахъ наладился.

Одно очень непріятное наслѣдство досталось мнѣ отъ Корнилова — это раздача Георгіевскихъ крестовъ въ госпиталяхъ. Порядокъ имъ былъ заведенъ такой: всѣ инвалиды, отправляемые на родину, награждались крестомъ въ случаѣ полной неспособности, и медалью, въ случаѣ частичной неспособности. Примѣрно разъ въ двѣ недѣли, всѣ инвалиды собирались въ одинъ изъ госпиталей, кукуда я отправлялся съ ящикомъ крестовъ и медалей. Система раздачи, повидимому, проста (т. е. одна рука или глазъ — медаль, полная безрукость или слѣпота — крестъ), въ дѣйствительности порождала массу недоразумѣній. Кромѣ того, вернувшіеся изъ германскаго плѣна инвалиды, потерявшіе работоспособность вслѣдствіе особенностей нѣмецкаго режима, тоже требовали себѣ крестовъ, что уже окончательно противорѣчило Георгіевскому Статуту. Каждая раздача создавала больше недовольныхъ, чѣмъ довольныхъ, а потому, послѣ двухъ-трехъ разъ, я этотъ новый обычай отмѣнилъ.

Съ первыхъ же дней въ Петроградѣ пришлось обратить особое вниманіе на контръ-развѣдку. Во главѣ этого отдѣленія находился капитанъ Никитинъ, и долженъ отдать ему справедливость, что дѣло у него наладилось великолѣпно. Выселеніе изъ

столицы подозрительныхъ элементовъ, разрѣшеніе или отказъ всякимъ нѣмцамъ прибыть изъ мѣстъ отдаленныхъ и т. д. — все это шло болѣе или менѣе какъ по маслу, но зато въ чисто шпіонскихъ дѣлахъ бывало иногда трудно съ Министерствомъ Юстиціи. Даже для ареста требовалось больше доказательствъ, чѣмъ прежде для разстрѣла. Иногда при полной очевидности шпіонскаго содержанія письма, все-таки отдавалось предпочтеніе толкованію его въ смыслѣ коммерческой или дѣловой переписки. Кромѣ того, шпіонство до такой степени тѣсно переплелось съ большевицкой политикой, что разграничить контръ развѣдку отъ политическаго сыска являлось крайне труднымъ. По моему мнѣнію и разграничивать не стоило, но Правительство было крайне щепетильно и не соглашалось считать преступленіемъ получку большевиками черезъ Швецію крупныхъ денежныхъ суммъ, якобы для коммерческихъ цѣлей, при посредствѣ хорошо извѣстныхъ въ Стокгольмѣ нѣмецкихъ шпіоновъ. За одинъ мѣсяцъ, помню, прошло такимъ образомъ около 10 милліоновъ рублей, — достаточно, чтобы подкупить весь Петроградскій гарнизонъ, но большевицкіе агенты, во главѣ съ г-жей Суменсонъ, доказывали свои крупные торговые обороты со Швеціей и иногда даже получали поддержку товарами, которые съ большимъ успѣхомъ превращали въ Петроградѣ въ наличныя деньги.

Легко было бы установить нѣмецкое происхожденіе денежныхъ переводовъ, воспользовавшись контръ развѣдкой союзниковъ или посадивъ своихъ агентовъ въ шведскіе банки, хотя и тогда врядъ ли Правительство рѣшилось бы на энергичныя мѣры. Однако же съ Союзниками получилось легкое недоразумѣніе. Англійскій Военный Агентъ, генералъ Ноксъ, мнѣ заявилъ, что Правительству онъ

давать свѣдѣній не будетъ, такъ какъ нѣкоторыя данныя, сообщенныя Министерству Юстиціи, черезъ нѣсколько дней были извѣстны въ Совѣтѣ, что могло сильно подвести агентовъ, а потому онъ согласенъ давать свѣдѣнія только лично мнѣ для моего собственнаго руководства. Что же касается нашей агентуры въ Стокгольмѣ, то это дѣло было въ рукахъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. Керенскій гдѣ-то выкопалъ нѣкоего Миронова и захотѣлъ объединить всю государственную контръ развѣдку въ его рукахъ, но конечно Никитинъ, а также Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, раскрывать ему своихъ секретовъ не стали. Состоялось одно совѣщаніе въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба съ участіемъ Миронова, закончившееся благими пожеланіями, а также нѣкоторымъ объединеніемъ моей контръ-развѣдки съ Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба. Вотъ и все. У Миронова видна тенденція преслѣдовать гидру контръ-революціи. Удивительно упорный народъ с.-р.: не хотятъ понять, что опасность не справа, а слѣва.

Работа Никитина не легкая, но послѣ удачнаго ареста оберъ-шпіона Колышки, совершеннаго благодаря ловкости Никитинскихъ сиренъ, предлагаю ему должность Генералъ Квартирмейстера. Конечно, нечего разсчитывать на согласіе Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба для назначенія капитана Окружнымъ Генералъ Квартирмейстеромъ, а потому дѣлаю революціонный шагъ и собственнымъ приказомъ допускаю Никитина исполнять должность. Воображаю, каково будетъ негодованіе въ Ставкѣ, но я подчиненъ непосредственно Военному Министру.

Вообще, на дружелюбіе Ставки разсчитывать мнѣ не приходится, особенно послѣ водворенія тамъ

Брусилова. Сей хамелеонъ началъ необыкновенно энергично ухаживать за демократіей. Началось съ того, что по прибытіи въ Ставку, онъ сталъ здороваться за руку съ солдатами почетнаго караула, произошло смятеніе, такъ какъ производить рукопожатіе, держа ружье на караулъ, крайне неудобно. Потомъ началась планомѣрная реклама въ печати. Особенно мила басня о томъ, что Царица обидѣлась на Брусилова за то, что онъ скрылъ время своего большого наступленія, лишивъ ее возможности предупредить нѣмцевъ, и что она потомъ потребовала отъ Царя не только отставки Брусилова, но чуть ли не его казни.

Помню разъ за обѣдомъ у Контана съ французами, кто-то упомянулъ, что Брусиловъ, споровъ вензеля, заявилъ, что онъ испытываетъ большое облегченіе, такъ какъ вензеля всегда давили ему плечи. Одинъ изъ посольскихъ французовъ къ этому прибавилъ: «И подумать, что годъ тому назадъ, когда я былъ въ Штабѣ Юго-Западнаго фронта и, поздравляя Брусилова съ великими побѣдами, спросилъ его, въ чемъ заключается секретъ его успѣховъ, онъ указалъ на висѣвшіе противъ его стола портреты Царя и Наслѣдника, и заявилъ: «вотъ, что меня вдохновляетъ: достаточно мнѣ посмотрѣть на эти два портрета, и я чувствую такой подъемъ духа, что никакой врагъ мнѣ не страшенъ». Сообщаю всѣ эти анекдоты младотуркамъ, и предрекаю, что Брусиловъ будетъ несомнѣнно подкапываться подъ Керенскаго, чтобы самому занять первое мѣсто и что при его хитроуміи мало ли что можетъ случиться, хотя петроградскихъ настроеній онъ учесть не можетъ.

На фонѣ всеобщаго развала нѣкоторое утѣшеніе внесъ пріѣздъ американской миссіи съ широкими планами оказанія намъ помощи, особенно по-

движнымъ составомъ. Съ миссіей пріѣхалъ Начальникъ Генеральнаго Штаба Генералъ Скоттъ, милѣйшій и серьезнѣйшій человѣкъ.

Послѣ обмѣна оффиціальными визитами, однажды приходитъ ко мнѣ одинъ изъ американцевъ и говоритъ, что Скоттъ хотѣлъ бы видѣть «казаковъ», что онъ много про нихъ читалъ, но живого казака никогда не видалъ. Отвѣчаю, что съ удовольствіемъ покажу ему 1-ый Донской полкъ, но хотѣлъ бы предварительно показать ему какую нибудь другую часть гарнизона, дабы исключительный интересъ, проявленный къ казакамъ, не послужилъ бы обвиненіемъ американцевъ въ контръреволюціонности. Въ результатѣ — везу Скотта къ Преображенцамъ на Милліонную, гдѣ осматриваемъ все въ подробности, а потомъ ѣдемъ къ казакамъ, гдѣ показываемъ ученіе, джигитовку, а потомъ въ собраніи — стаканъ вина. Трубачи, плясуны. Одинъ изъ офицеровъ подноситъ Скотту на память нагайку. Возвращаясь домой, бесѣдуемъ. Скоттъ вообще оптимистъ, и увѣряетъ, на основаніи опыта американскихъ демократическихъ движеній, что скоро все въ Россіи придетъ въ порядокъ. Удивительно, до какой степени иностранцы упускаютъ изъ вида природную любовь всякаго русскаго человѣка именно къ безпорядку. — Въ заключеніе Скоттъ меня спрашиваетъ, долженъ ли онъ во время пребыванія въ Россіи всегда носить при себѣ подаренную ему казаками нагайку? Рекомендую, наоборотъ, запрятать ее на самое дно чемодана.

Хотя казачья нагайка, какъ символъ возстановленія порядка, и потеряла силу, но казаки стремятся все-таки остановить анархію если и не во всей Россіи, то по крайней мѣрѣ — въ своихъ областяхъ, и засѣдающій въ Петроградѣ въ зданіи придворной Пѣвческой капеллы казачій съѣздъ,

подъ предводительствомъ казака Дутова, энергично работаетъ въ этомъ направленіи. Захожу какъ-то къ нимъ и произношу чувствительную рѣчь. Видно, что они народъ серьезный. Керенскаго шибко не долюбливаютъ, но и къ нимъ демократія относится весьма подозрительно.

Другой съѣздъ, старающійся что то сдѣлать, это Союзъ Георгіевскихъ кавалеровъ. На большомъ засѣданіи въ Собраніи Арміи и Флота стараюсь объяснить имъ, въ какомъ направленіи намъ слѣдуетъ теперь работать, однако въ то время, какъ я говорю, что «войсковые комитеты не должны ожидать отъ насъ безпрекословнаго исполненія ихъ воли, но что мы должны прислушиваться къ ихъ голосу для улавливанія настроенія массъ», — офицерская часть съѣзда громкими аплодисментами послѣ первой половины этой фразы упорно заглушаетъ вторую ея половину. Послѣ собранія одинъ изъ организаторовъ, Гущинъ, жалуется, что идея объединенія солдатъ съ офицерами на почвѣ Георгіевскихъ крестовъ проходитъ очень туго. Тѣмъ не менѣе Георгіевскій Союзъ продолжаетъ орудовать довольно энергично, формируя ударные баталіоны, команды изъ инвалидовъ для поддержанія порядка и проч.

Изъ вновь формируемыхъ частей для спасенія Отечества особенно интереснымъ учрежденіемъ оказался женскій баталіонъ г-жи Бочкаревой. Сія энергичная дама, служившая съ успѣхомъ на фронтѣ вольноопредѣляющимся, явилась ко мнѣ съ проектомъ формированія женскаго отряда. Мысль мнѣ понравилась, главнымъ образомъ для того, чтобы срамить мужчинъ, не желающихъ воевать. Для начала формируемъ роту. Отвожу помѣщеніе около казармъ гвардейскаго экипажа, куда зачисляю дѣвицъ на довольствіе, даю имъ одежду, вооруженіе,

снаряженіе (интендантскіе штаны приходится сильно перекраивать), назначаю имъ инструкторовъ, и уже недѣли черезъ двѣ Бочкарева меня приглашаетъ на смотръ. Потѣха замѣчательная. Хорошо отчеканенный рапортъ дежурной дѣвицы одинъ чего стоитъ, а въ казармѣ «штатская одежда» и шляпки съ перьями, висящія на стѣнѣ противъ каждой койки, производятъ оригинальное впечатлѣніе. Зато строевой смотръ проходитъ на 12 баловъ. Удивительные молодцы женщины, когда зададутся опредѣленной цѣлью. Даже интендантскіе штаны пригнаны хорошо за исключеніемъ одной полновѣсной «новобранки», на которую никакіе штаны не влѣзли, и она осталась на лѣвомъ флангѣ строя въ юбкѣ.

Отъ всей души благодарю дѣвицъ, и обѣщаю принять мѣры для скорѣйшей отправки ихъ на фронтъ. Не обходится дѣло и безъ нѣкоторыхъ треній. Лодырничающіе солдаты относятся къ дамамъ враждебно — бросаютъ камни имъ въ окна и проч., да и въ самой ротѣ происходятъ недоразумѣнія: 4-ый взводъ, гдѣ собрались болѣе интеллигентныя особы, жалуется, что Бочкарева слишкомъ груба и бьетъ морды, какъ заправскій вахмистръ стараго режима. Слухи объ ея звѣрствахъ доходятъ даже до Керенскаго. Кромѣ того, поднимаются протесты противъ обязательной стрижки волосъ подъ гребенку, заведенной Бочкаревой, какъ основное условіе боеспособности. Стараюсь немного ее укротить, но она свирѣпа и, выразительно помахивая кулакомъ, говоритъ, что недовольныя пускай убираются вонъ, а что она желаетъ имѣть дисциплинированную часть. Назначаю Рагозина спеціально для разборки всѣхъ дамскихъ скандаловъ. Наконецъ, все улаживается, вручаю имъ знамя и отправляю на фронтъ. Хочу Бочкареву произвести въ прапор-

щики, но Керенскій протестуетъ категорически (а его два адьютанта въ 6 мѣсяцевъ изъ прапорщиковъ добрались до штабсъ-капитанскаго чина, для чего на фронтѣ имъ пришлось бы просидѣть въ окопахъ безотлучно года два. Трогательное уваженіе къ закону). Но Брусиловъ при первомъ же появленіи Бочкаревой на фронтѣ, ее производитъ. Дальнѣйшая судьба моихъ дѣвицъ принадлежитъ Исторіи. Ихъ блестящее поведеніе на фронтѣ, возвращеніе въ Петроградъ, стойкая защита Временнаго Правительства въ Зимнемъ Дворцѣ противъ большевиковъ и мученическая судьба въ рукахъ озвѣрѣлыхъ солдатъ, — все это служитъ блестящимъ доказательствомъ такого высокаго патріотизма и правильно понятаго чувства долга, которыми, къ сожалѣнію, немногіе мужчины могутъ похвастаться.

Въ вопросѣ о женскомъ баталіонѣ, такъ же, какъ и во многихъ другихъ вещахъ, я начинаю замѣчать, что Керенскій вообще мнѣ не сочувствуетъ. Особенно онъ трунитъ надъ моими хорошими отношеніями съ Совѣтомъ. Начинаю думать, что онъ боится моей конкуренціи на должность Диктатора (какое непониманіе людского характера), а можетъ быть ему хочется меня стравить съ Совѣтомъ и, такимъ образомъ, отдѣлаться отъ одной или даже обѣихъ величинъ, могущихъ впослѣдствіи оказать тормозящее вліяніе на его вознесеніе. Богъ его знаетъ, но во всякомъ случаѣ замѣчательно его двуличіе по отношенію къ Совѣту, когда онъ говорилъ, что онъ ихъ единомышленникъ, что онъ будетъ проводить ихъ идеалы и считать себя отвѣтственнымъ только передъ ними и проч. А теперь, въ типи кабинета, онъ изобрѣтаетъ способы отъ нихъ отдѣлаться.

Его главное занятіе теперь — носиться по же-

лѣзнымъ дорогамъ на фронтѣ и по большимъ городамъ, всюду произнося рѣчи. Говоритъ онъ хорошо, но упускаетъ изъ виду, что эффектъ всякой рѣчи выдыхается очень быстро и что, если онъ наэлектризовалъ какой нибудь полкъ патріотическими словами, это отнюдь не значитъ, что этотъ полкъ черезъ недѣлю будетъ хорошо драться. Если тогда какія нибудь смутныя воспоминанія о его словоизверженіяхъ въ солдатскихъ умахъ и сохранились, первая шрапнель, вмѣстѣ съ большевицкими нашептываніями, быстро эти воспоминанія разсѣютъ. Людямъ, знакомымъ съ солдатской психологіей, это хорошо извѣстно. Нужно мало словъ и во благовременіи.

Помню, разъ наговорившись вдоволь на фронтѣ, Керенскій рѣшилъ поговорить въ Петроградѣ, и въ залѣ Собранія Арміи и Флота обратился съ рѣчью къ представителямъ баталіонныхъ комитетовъ. Вышло очень эффектно, когда онъ заявилъ, что теперь всѣ критикуютъ и обличаютъ Правительство, а при Старомъ Режимѣ критиковалъ и обличалъ въ Думѣ только онъ одинъ. Этой фразой онъ заслужилъ дешевые апплодисменты. Но когда было позволено на бумажкахъ задавать вопросы, то эти вопросы показали, что въ умахъ у слушателей вещи болѣе практическія — вродѣ пайка солдатскимъ семействамъ и проч. Ясно, что вечеромъ въ казармѣ, если делегатъ начнетъ передавать рѣчь Керенскаго, онъ будетъ перебитъ вопросомъ: «А паекъ моей женѣ почему не выдали» и, получивъ неопредѣленный отвѣтъ, вопросившій махнетъ рукой и уйдетъ на дворъ грызть сѣмячки. Если Керенскій хотѣлъ пріобрѣсти популярность въ войскахъ, чтобы этимъ рычагомъ спасти Россію, ему слѣдовало бы либо самому, по моему примѣру, ходить по казармамъ и говорить съ солдатами ихъ

языкомъ про вещи, ихъ интересующія, либо предоставить генераламъ, знающимъ это дѣло, пріобрѣтать довѣріе войскъ, но Керенскій зналъ командный составъ арміи еще хуже Гучкова, да кромѣ того онъ, повидимому, боялся всякаго человѣка съ популярностью. Онъ могъ бы, наконецъ, поѣхать на фронтъ во время наступленія, заговорить зубы какому нибудь полку и повести его въ атаку, хорошенько прорекламировать потомъ какой нибудь новый Аркольскій мостъ, но для этого нужно быть военнымъ человѣкомъ, а не присяжнымъ повѣреннымъ.

Другая ошибка Керенскаго всегда сказывалась на парадахъ и военныхъ церемоніяхъ. Не подозрѣвая, до какой степени солдаты чувствительны къ мелочамъ, онъ всегда проходилъ по фронту почти бѣгомъ, глядя прямо передъ собой, да еще въ большинствѣ случаевъ между строемъ и линіей офицеровъ, которые, такимъ образомъ, невольно стояли къ нему спиной. Конечно, далеко ему было до улыбки Императрицы Маріи Феодоровны, неизмѣнно проводившей глазами по всей линіи глазъ такъ, что каждый выносилъ впечатлѣніе, что она именно на него посмотрѣла и ему улыбнулась. Но отсутствіе интереса къ солдатской личности было слишкомъ въ Керенскомъ ясно, а наряду съ этимъ, когда какое-нибудь начальство предлагало «ура нашему Александру Феодоровичу», онъ, очевидно, солдатское «ура» принималъ за чистую монету въ большей степени, чѣмъ какой-либо изъ Россійскихъ Самодержцевъ. Оттѣнки солдатскаго «ура» можетъ уловить только тотъ, кто самъ стоялъ въ строю и не въ передней шеренгѣ.

Особенно врѣзались въ моей памяти два грустныхъ смотра въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. Какъ-то вечеромъ, будучи съ докладомъ у Керен-

скаго, разсказывалъ ему о хорошемъ порядкѣ въ гарнизонахъ Павловска и Царскаго Села, и предложилъ ему устроить тамъ смотръ. Мысль, повидимому, ему понравилась. Нужно замѣтить, что въ Петроградѣ послѣ революціи нѣсколько разъ заходилъ разговоръ объ устройствѣ парада, но каждый разъ вопросъ откладывался, вѣроятно, не безъ давленія со стороны Совѣта. Рѣшили мы произвести смотръ на слѣдующій день, сначала въ Павловскѣ, — потомъ въ Царскомъ.

Сдѣлавъ ночью всѣ распоряженія, я выѣхалъ около 8 часовъ утра. Прибывъ на плацъ въ Павловскѣ, я сѣлъ на лошадь для своего объѣзда, и въ это время старшій изъ придворныхъ конюшенныхъ меня спросилъ, какую лошадь дать Военному Министру»? Говорю, что самую спокойную. Конюшенный спрашиваетъ: «Можно эту?», показывая на какого-то бѣлаго звѣря. Соглашаюсь и только потомъ вспоминаю, что это та лошадь, на которой Государь всегда ѣздилъ, когда былъ въ гусарской формѣ. Нужно замѣтить, что наканунѣ по поводу верховой ѣзды былъ съ Керенскимъ разговоръ. Онъ очень сильно упирался, увѣряя, что ввиду скверныхъ почекъ, ему доктора запретили ѣздить верхомъ. Я ему доказалъ, что обходить конный строй пѣшкомъ немыслимо (даже революція не можетъ измѣнить смысла русской пословицы, по которой конный пѣшему не товарищъ), и что его мысль — объѣхать фронтъ на автомобилѣ рискована, ибо онъ можетъ распугать лошадей, и что, наконецъ, получасовое пребываніе въ сѣдлѣ на спокойномъ животномъ никакъ не можетъ отозваться на его почкахъ.

Итакъ, только что я успѣлъ объѣхать части и поздороваться, какъ подъѣхалъ автомобиль Керенскаго. Онъ взгромоздился на сѣдло и, взявъ въ руки мундштучный поводъ съ одной стороны и трен-

зельный съ другой, поѣхалъ по фронту, въ то время, какъ одинъ конюхъ слѣдовалъ пѣшкомъ у головы лошади, по временамъ давая ей направленіе, а другой бѣжалъ сзади, вѣроятно, съ цѣлью подобрать Керенскаго, если онъ свалится. Рожи казаковъ запасной Сводно-Гвардейской Сотни не оставили во мнѣ никакихъ сомнѣній относительно впечатлѣнія, произведеннаго объѣздомъ, а Рагозинъ почему-то увѣрялъ, что ему припомнилась картинка средневѣковаго епископа, ѣхавшаго верхомъ съ Евангеліемъ въ рукахъ, ведомомъ подъ уздцы скромнымъ послушникомъ.

Церемоніальный маршъ прошелъ благополучно; гвардейскіе казаки свой маршъ «Славься, Ты славься» замѣнили чѣмъ то другимъ. Послѣ рѣчи войскамъ, которую могли слышать только немногіе, присутствующая публика окружаетъ Керенскаго. Дамы осыпаютъ его цвѣтами, конюха стараются охранить бѣлаго коня отъ прикосновенія публики, опасаясь, что онъ можетъ въ концѣ концовъ потерять терпѣніе, но благородное животное стойко выноситъ всѣ оскорбленія. Керенскій говоритъ рѣчь, «радуясь, что можетъ привѣтствовать жителей Павловска — одной изъ твердынь Царизма» и т. д.

Я слѣзаю и качу скорѣй въ Царское. Тутъ парадъ очень большой. Стрѣлки въ полномъ составѣ одни занимаютъ огромное пространство, не говоря о формирующихся артиллерійскихъ частяхъ и пр. Успѣваю только галопомъ объѣхать части и встрѣтить Керенскаго, который на этотъ разъ объѣзжаетъ фронтъ на автомобилѣ. Его нервные окрики «тише», обращенные къ шоферу, смѣняются однообразнымъ «здравствуйте, товарищи», далеко не всегда приходящимся на серединѣ объѣзжаемой части. Вполнѣ понимаю, что нельзя отъ Керенскаго требовать различныхъ оттѣнковъ въ привѣт-

ствованіи частей, а тѣмъ болѣе улавливанія того, гдѣ кончается одинъ баталіонъ и начинается другой, но во время церемоніала онъ могъ бы болѣе внимательно смотрѣть на проходящія войска, а не разговаривать съ окружающими. Знаю по собственному опыту, какъ непріятно старательно проводить часть церемоніаломъ, когда начальство не смотритъ.

Послѣ смотра ѣдемъ къ Коменданту завтракать. За завтракомъ комендантъ показываетъ намъ игрушечную винтовку Наслѣдника, которую часовой отобралъ у несчастнаго мальчика, опасаясь возможности вооруженнаго нападенія. Даже Керенскій негодуетъ.

Возвращаемся въ городъ, и въ тотъ же вечеръ Пальчинскій меня спрашиваетъ: «Правда ли, что сегодня Керенскій объѣзжалъ войска на бѣлой лошади Царя ? Въ Совѣтѣ объ этомъ очень волнуются». — Трогательное довѣріе демократовъ другъ къ другу.

Очевидно, что при такомъ отношеніи къ Керенскому со стороны той среды, которая его выдвинула, ему слѣдуетъ искать поддержки въ другомъ мѣстѣ. Не берусь судить, какъ обстоитъ дѣло съ пролетаріатомъ вообще, но сомнѣваюсь, чтобы очень благополучно для Керенскаго, такъ какъ пролетаріатъ живетъ по указкѣ Совѣта съ сильной примѣсью большевизма на нѣмецкія деньги. Въ войскахъ, какъ я уже доказалъ, разсчитывать на разцвѣтъ его обаянія не приходится, и только запуганные буржуи готовы его на рукахъ носить въ надеждѣ на то, что онъ возстановитъ порядокъ, да члены безпомощнаго Временнаго Правительства танцуютъ подъ его дудку, считая, что въ случаѣ конфликта, Совѣтъ его всегда поддержитъ и поэтому съ нимъ ссориться не стоитъ. Кромѣ того, члены

Правительства индивидуально боятся отвѣтственности какъ огня, и поэтому всячески поощряютъ Керенскаго дѣйствовать, сами оставаясь въ тѣни.

Характерный случай мнѣ пришлось наблюдать въ серединѣ іюня, когда большевики назначили на 18-ое число мирную демонстрацію. За нѣсколько дней передъ этимъ Правительство собралось, чтобы обсудить вопросъ о томъ, что дѣлать, и пригласило меня на засѣданіе. Я сказалъ, что, по соглашенію съ Совѣтомъ, установлю порядокъ во время манифестаціи такой же, какой былъ во время похоронъ жертвъ революціи, т. е. — шпалеры безоружныхъ на Марсовомъ полѣ, заставы на прилегающихъ улицахъ и проч., также сохраню вооруженныя дежурныя части во всѣхъ казармахъ, но что, на основаніи опыта во время скандала на Ивановской улицѣ, я бы хотѣлъ получать инструкцію изъ одного мѣста, дабы не пришлось во время боя сноситься съ нѣсколькими инстанціями — Министромъ Юстиціи, Военнымъ, Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и такъ далѣе.

Попадаю въ точку, ибо всѣ министры съ восторгомъ открещиваются отъ всякаго участія въ грядущихъ событіяхъ и единогласно постановляютъ на эти дни предоставить особыя полномочія Военному Министру для подавленія возможныхъ безпорядковъ. Керенскій, видимо, доволенъ, и меня такая комбинація вполнѣ удовлетворяетъ.

При посѣщеніи Маріинскаго Дворца невольно вспоминаю дни дѣтства, когда отецъ былъ Государственнымъ Секретаремъ (по его настоянію Дворецъ былъ пріобрѣтенъ казной для Государственнаго Совѣта), послѣ чего Предсѣдатель Совѣта, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, какъ Генералъ Фельдцейхмейстеръ всей артиллеріи хотѣлъ помѣстить въ сосѣднемъ зданіи какую нибудь

артиллерійскую часть, но мой отецъ доказалъ, что въ случаѣ народныхъ волненій пѣхота полезнѣе, и въ результатѣ тамъ помѣстили Стрѣлковъ. А мнѣ приходится жалѣть, что родитель не придумалъ чего нибудь еще полезнѣе — вродѣ казаковъ или юнкеровъ, или скажемъ, женскаго баталіона.

Всѣ старые лакеи во Дворцѣ проявляютъ ко мнѣ особую нѣжность, а одинъ изъ нихъ, подавая мнѣ чай, какъ то заявилъ: «Вашъ батюшка всегда пилъ безъ сахара, а Вамъ придется поневолѣ, такъ какъ сахара во Дворцѣ нѣтъ». Иду внизъ въ переднюю и реквизирую нѣсколько кусковъ изъ кармановъ караульныхъ стрѣлковъ. У Правительства сахару нѣтъ, а въ войскахъ есть. Молодчина мой интендантъ.

Что касается засѣдающей нынѣ во Дворцѣ коллегіи, то конечно эти стѣны никогда не видали такого сборища. Нѣкій весьма разумный человѣкъ, коему по должности приходится бывать за послѣдніе годы въ засѣданіяхъ различныхъ кабинетовъ, съ ужасомъ говоритъ, что даже Правительство Голицына, считавшееся всегда весьма слабымъ, не могло бы по безтолковости сравниться съ нынѣшнимъ Кабинетомъ. Они, можетъ быть, всѣ прекрасные люди (за исключеніемъ, конечно, Чернова), но полное незнакомство съ государственнымъ механизмомъ соединяется въ нихъ съ какой то растерянностью. Пальчинскій не можетъ безъ ярости говорить объ засѣданіяхъ Правительства.

Что касается іюньской демонстраціи — страхи оказались преждевременными. Манифестація оказалась дѣйствительно безоружной. Повидимому, большевики хотѣли сдѣлать смотръ своимъ силамъ, чтобы знать, на что они могутъ въ случаѣ конфликта разсчитывать, и сколько тогда имъ нужно будетъ раздать 30-ти рублевыхъ суточныхъ бата-

ліоннымъ демагогамъ. Балабину я приказалъ конфиденціально сообщить начальникамъ частей, что если офицеры пойдутъ съ солдатами на манифестацію, то это имъ въ вину не сочтется, и что ихъ присутствіе, наоборотъ, желательно для порядка. Нѣкоторые полки совсѣмъ не участвовали, зато 2-ая дивизія, запасные пѣхотные полки, 1-ый пулеметный и проч., почти въ полномъ составѣ, а изъ другихъ частей вышелъ сравнительно небольшой процентъ. Рабочіе, конечно, высыпали толпой.

Утромъ сижу въ Штабѣ, получаю отовсюду донесенія о благополучномъ выступленіи разныхъ группъ манифестантовъ, всюду безоружныхъ и мирно настроенныхъ. Наблюдаю изъ оконъ движеніе Финляндцевъ, шествующихъ на большевицкую демонстрацію подъ звуки пѣсни: «Было дѣло подъ Полтавой»... Что сказали бы ихъ предки, «дравшіеся подъ знаменами Петра», увидѣвъ, какими плакатами эти знамена замѣнены. Когда всѣ процессіи благополучно тронулись, сажусь на лошадь и ѣду на Марсово поле, гдѣ около могилъ слѣзаю и наблюдаю прохожденіе манифестантовъ. Вдругъ происходитъ паника. Какъ потомъ оказалось, нѣкій солдатикъ Павловскаго полка, стоявшій въ шпалерахъ, почувствовалъ настоятельную необходимость на время удалиться, и онъ направился черезъ плацъ къ своимъ казармамъ, но по дорогѣ необходимость стала чувствительной и онъ изъ шага перешелъ въ рысь. Увидѣвъ бѣгущаго, нѣсколько нервныхъ молодцовъ рѣшили, что что-то неладно, и тоже побѣжали къ казармамъ. Какой-то отроумецъ крикнулъ: «пулеметъ», — и пошла потѣха. Все, что было на площади, пустилось бѣжать въ разныя стороны. Не слыша никакого пулемета, спѣшу къ мосту у Инженернаго Замка, откуда началась паника, по дорогѣ обкладывая Павловцевъ сквер-

ными словами. Порядокъ постепенно возстанавливается. Пріостановившееся шествіе снова приходитъ въ движеніе. У моста нахожу человѣкъ 200-300 Кексгольмцевъ, участвующихъ въ манифестаціи, сбившихся въ кучу. Подхожу къ нимъ, здороваюсь, и приказываю немедленно построиться, какъ воинамъ надлежитъ. Кто то изъ унтеръ-офицеровъ мнѣ заявляетъ, что безпорядокъ происходитъ оттого, что никто изъ офицеровъ съ ними не пошелъ. Говорю, что если такъ, то я самъ съ ними пойду. Становлюсь на флангѣ и, вспоминая дни командованія ротой, отчеканиваю шагъ: ать, два, три, четыре. Тогда бесѣдовавшій со мной унтеръ-офицеръ кричитъ Кексгольмцамъ: «Наши офицеры съ нами не пошли, зато съ нами самъ Главнокомандующій. Ура Главнокомандующему»! Публика начинаетъ галдѣть «ура». Возстанавливаю тишину и веду Кексгольмцевъ дальше. Вдругъ Рагозинъ дергаетъ меня за черкеску и обращаетъ мое вниманіе на плакатъ, подъ которымъ я шествую. Вижу надъ головой надписи: — «Долой министровъ-капиталистовъ», «Царя въ крѣпость» и проч. Быть можетъ, я бы самъ присоединился къ плакату «Долой Временное Правительство», однако, попасть на фотографію подъ большевицкимъ лозунгомъ не хочется. А фотографовъ около могилъ, къ которымъ мы приближаемся, сосредоточенно много. Поэтому рекомендую Кексгольмцамъ не терять порядокъ и отхожу въ сторону. Большое будетъ удовольствіе разсказать Терещенкѣ, что я гулялъ подъ плакатомъ — «Долой Министровъ-Капиталистовъ».

Манифестація протекаетъ благополучно, только въ одномъ мѣстѣ на Невскомъ тоже произошла легкая паника, и храбрые Стрѣлки 3-го балатіона побросали свои плакаты и разбѣжались, за что не преминулъ надъ ними поиздѣваться. Все обходится

безъ выстрѣловъ, и послѣ полудня запуганные буржуи начинаютъ дышать свободнѣе, а я отпрвляюсь завтракать. Однако, мои мытарства не кончены.

Послѣ завтрака мнѣ сообщаютъ, что въ Кексгольмскомъ полку крупный скандалъ: солдаты арестовали командира съ нѣсколькими офицерами, въ томъ числѣ полкового адьютанта, и теперь происходитъ бурный митингъ въ Маломъ Манежѣ Конной Гвардіи. Жалко командира. Онъ прекрасный боевой полковникъ съ Георгіемъ, выдвинутый Корниловымъ. Не могу ему только простить, что при моемъ посѣщеніи ясно было его незнакомство съ подробностями расположенія его баталіона по обширнымъ и запутаннымъ помѣщеніямъ Конной Гвардіи. Вѣроятно, недостаточное общеніе съ казармой и довело его до грѣха.

Сажусь въ автомобиль и ѣду на мѣсто происшествія. Вхожу въ манежъ какъ разъ въ ту минуту, когда одинъ изъ большевиковъ баталіоннаго комитета говоритъ зажигательную рѣчь, требуя офицерской крови, ибо «между нами и офицерами пропасть. Наши офицеры съ нами сегодня не пошли, можду тѣмъ какъ съ нами былъ самъ «Главнокомандующій». — Чувствую себя отвратительно и всхожу на трибуну.

Конечно, хотѣлось бы возразить большевикамъ, что манифестація, на которой изъ баталіона, численностью тысячъ 7, участвовало 200-300 человѣкъ, не можетъ выражать мнѣніе всего баталіона, что въ другихъ частяхъ офицеры пошли на манифестацію только ввиду моего спеціальнаго распоряженія, которое въ Кексгольмскомъ полку по недоразумѣнію не было исполнено и т. д. Но вспоминаю совѣтъ Пальчинскаго, съ толпой поменьше разсуждать, а непріятнаго оппонента дискредитировать 5-ти рублевымъ пріемомъ, т. е. спросивъ его,

почему онъ не вернулъ 5-ти рублей, занятыхъ на прошлой недѣлѣ. Поэтому начинаю съ заявленія, что, если я сегодня гулялъ подъ большевицкими плакатами, это еще не значитъ, что я имъ сочувствую, а просто, какъ военный человѣкъ, я не могу терпѣть вида воинской части, идущей въ безпорядкѣ. Затѣмъ перехожу на пріемъ Пальчинскаго: «Сегодняшній случай въ вашемъ полку является послѣдствіемъ не только отсутствія офицеровъ на манифестаціи, но, вѣроятно, и многихъ другихъ предшествующихъ событій. Вѣдь у васъ въ полку давно неладно. Не правда ли»? — Единодушные вопли: «правда, правда». Тогда обращаюсь къ баталіоннымъ большевикамъ и грозно вопрошаю: «Вы, знающіе дорогу въ мой кабинетъ, вы, знающіе, что моя дверь всегда открыта для всѣхъ представителей войсковыхъ комитетовъ, отчего вы не пришли ко мнѣ мѣсяцъ тому назадъ и не сказали, что въ Кексгольмскомъ полку неблагополучно? Тогда бы я принялъ свои мѣры, и сегодняшній печальный скандалъ не случился бы. Почему же вы не пришли»? — Гробовое и смущенное молчаніе. — «Вы сдѣлали непростительную ошибку, не придя ко мнѣ, и за эту ошибку вы должны немедленно отпустить своего командира».

Въ это время мнѣ сообщаютъ, что меня требуютъ срочно въ Довминъ. Поэтому рекомендую собранію поразмыслить надъ моими словами и удаляюсь. Въ Довминѣ меня взволнованно спрашиваютъ, что случилось въ Финляндскомъ полку. Справляюсь по телефону. — Тамъ все спокойно, значитъ, до Довмина дошелъ не тотъ звонъ. Разсказываю про всѣ происшествія и про то, какъ я попалъ въ большевики. Получаю извѣстіе, что Кексгольцы перебѣсились и дѣло близится къ концу. Ѣду къ нимъ, но митингъ уже разошелся, и арестованные

офицеры выпущены ко мнѣ на поруки въ Штабъ Округа, гдѣ я нахожу ихъ въ грустномъ настроеніи.

Стараюсь ихъ подбодрить, обѣщаясь черезъ нѣсколько дней отправить ихъ на фронтъ, гдѣ, конечно, имъ найдется мѣсто, — особенно у Корнилова.

Оказывается, послѣ моего отъѣзда слѣдующій большевицкій ораторъ воспользовался моей обмолвкой и началъ съ того, что Главнокомандующій настаивалъ на освобожденіи командира, но про остальныхъ офицеровъ ничего не сказалъ. Онъ самъ знаетъ, что они и т. д., а потому, дескать, распнемъ ихъ. Несмотря на прибытіе тяжелой артиллеріи изъ Совѣта, въ видѣ Чхеидзе, повидимому, дѣло должно было кончиться побѣдой большевиковъ, но вдругъ на голосованіи резолюцій огромное большинство высказалось за немедленное освобожденіе арестованныхъ ко мнѣ на поруки съ тѣмъ, чтобы я это дѣло разобралъ.

Изъ частныхъ источниковъ узнаю, что во время всѣхъ рѣчей, слѣдовавшихъ за моей, солдаты все время шушукались на ту тему, что разъ я участвовалъ съ ними въ шествіи, значитъ, я имъ вообще сочувствую, и что поэтому меня обижать не слѣдуетъ и нужно по моей просьбѣ отпустить арестованныхъ. И подумать, что не пройдись я съ Кексгольмцами утромъ, не удалось бы, можетъ быть, спасти командира и офицеровъ отъ растерзанія. Да, и 5-ти рублевый пріемъ оказался полезнымъ.

На слѣдующій день, по заведенному трафарету, назначаю для разслѣдованія дѣла комиссію изъ представителей Совѣта и делегатовъ отъ Штаба. Ѣду самъ съ комиссіей въ засѣданіе Кексгольмскаго комитета. Послѣ продолжительныхъ словоизвер-

женій, конечно, никакихъ контръ-революціонныхъ преступленій за офицерами не оказывается, и всѣ преклоняются передъ моимъ рѣшеніемъ ихъ отпустить на фронтъ. Конечно, слѣдовало наказать агитаторовъ, но установить картину самого ареста никакъ не удается. Знаю, что корень всего зла кроется въ нѣкоемъ большевицкомъ прапорщикѣ съ наполеоновскими наклонностями, цѣлящимся пока на должность баталіоннаго командира и фактически уже захватившемъ власть. (Ужасно много этой дряни развелось за послѣднее время).

Дипломатически молчу и закрываю глаза, но уже черезъ сутки приходитъ ко мнѣ депутація кексгольмцевъ съ просьбой утвердить сего прапорщика баталіоннымъ командиромъ. Затѣмъ, въ весьма задушевной бесѣдѣ, излагаю делегатамъ свою точку зрѣнія на всю ихъ исторію, чѣмъ вызываю улыбку на ихъ лицахъ, и кончаю тѣмъ, что, въ видѣ опыта, разъ прапорщикъ фактически заворачиваетъ баталіономъ, я на нѣкоторое время забуду про существованіе Кексгольмцевъ, предоставивъ имъ существовать собственной жизнью. Въ результатѣ, примѣрно черезъ недѣлю, таже делегація приходитъ опять, но съ поджатыми хвостами и спрашиваетъ, кто мой кандидатъ на должность ихъ командира... Когда я имъ называю фамилію одного весьма симпатичнаго стараго Кексгольмскаго штабъ-офицера, они облегченно вздыхаютъ, говоря: «Вотъ такого-то намъ и надо». Повидимому, прапорщикъ уже пріѣлся. А попробуй я на слѣдующій день послѣ ареста офицеровъ назначить имъ командира, навѣрно вышелъ бы другой скандалъ.

Не легка доля демократическаго Главнокомандующаго, особенно, если принять во вниманіе, что войсковые комитеты все больше и больше входятъ въ обычай со своими дѣлишками являться на судъ

ко мнѣ. Иногда требуются сверхъ-естественныя дипломатическія усилія, чтобы рѣшить вопросъ безъ нарушенія принциповъ элементарной справедливости, безъ ущерба для интересовъ самихъ просящихъ и безъ умаленія престижа собственной власти. Хотѣлъ бы я посмотрѣть, что сказалъ бы самъ мудрый Царь Соломонъ, напримѣръ, большевицкимъ депутатамъ 4-го Донского полка, требующимъ смѣны командира, вполнѣ основательно доказывая его неспособность. Самъ знаю, что командира нужно смѣнить, но нельзя же создавать прецедентъ, что я убираю командировъ по просьбѣ комитетовъ.

А что, напримѣръ, дѣлать съ фронтовыми депутаціями, жалующимися на отвратительное качество присылаемыхъ изъ Петрограда укомплектованій. Самъ знаю, что кромѣ полковъ 1-ой дивизіи и отчасти 3-ей, да Стрѣлковъ, остальныя мои части посылаютъ на фронтъ солдатъ, военная подготовка коихъ ограничилась посѣщеніемъ митинговъ и грызней сѣмячекъ. А бываютъ вещи и еще болѣе трагическія: помню одну делегацію съ фронта, пріѣхавшую въ столицу, чтобы достать для своего полка пулеметную команду, ибо 1-ый пулеметный полкъ, долженствовавшій эту команду выдѣлить, считаетъ, что всѣ имѣющіеся у него пулеметы въ количествѣ больше тысячи, нужны въ Петроградѣ «для охраны революціи». Фронтовая делегація поселилась въ полку, сама набрала команду изъ желающихъ ѣхать на фронтъ, но теперь полковой комитетъ команду не выпускаетъ, командиръ полка ничего не можетъ подѣлать. Приходится мнѣ изобрѣтать способы воздѣйствовать на комитетъ или его какъ нибудь надуть.

Понятно, что послѣ ежедневнаго пріема, иногда голова идетъ кругомъ, однако все увеличивающійся наплывъ солдатскихъ депутацій меня скорѣе ра-

дуетъ: только такимъ путемъ можно пріобрѣсти довѣріе войскъ и впослѣдствіи добиться перевыборовъ въ Совѣтъ, а тогда, съ хорошимъ составомъ Совѣта, многое можно будетъ сдѣлать. Но такая программа требуетъ большой выдержки и терпѣнія, а на перегрузку пріемной жаловаться не слѣдуетъ.

Моя система принимать рѣшительно всѣхъ, не исключая дамъ, хлопочущихъ объ родственникахъ, и всякихъ аферистовъ, приводитъ иногда къ курьезнымъ результатамъ. Разъ мой адьютантъ Масленниковъ, вѣдающій пріемомъ, съ ужасомъ докладываетъ: «На пріемѣ сумасшедшій». — «Все равно, давай его сюда». — Появляется благообразная личность въ кафтанѣ и трагическимъ полушепотомъ заявляетъ: «Я — Іисусъ Христосъ». Убѣжденно заявляю, что ни минуты въ этомъ не сомнѣваюсь. Собесѣдникъ продолжаетъ: «Но для моего проявленія мнѣ нужно 40.000 рублей». Отвѣчаю, что это сущіе пустяки и что, если онъ пройдетъ къ начальнику Штаба, тамъ ему все устроятъ. Однакоже, черезъ нѣсколько дней «Христосъ» возвращается съ жалобой на то, что Балабинъ никакъ не можетъ уразумѣть идеи его проявленія. Выражаю сожалѣніе по поводу людского тупоумія вообще, и направляю «Божество» въ Синодъ, гдѣ, вѣроятно, его скорѣе оцѣнятъ. «Оно» уходитъ, съ грустью замѣчая, что на меня именно онъ очень разсчитывалъ. Тронутъ и польщенъ.

Иногда на пріемѣ чувствуешь себя довольно неловко, когда появляются большіе генералы стараго режима, отчисленные въ резервъ Округа, напримѣръ, самъ Ханъ-Нахичеванскій, мой бывшій корпусный командиръ. Невольно забываешь старшинство «по должности», просишь разрѣшенія заку-

рить и стараешься всѣми мѣрами облегчить судьбу этихъ обломковъ крушенія.

Говоря объ обломкахъ, нельзя не упомянуть о печальной судьбѣ стариковъ дворцовыхъ Гренадеръ. Какъ-то получился рапортъ съ приложеніемъ душу раздирающаго медицинскаго документа, доказывающаго, что старики, получающіе жалованіе вродѣ 30 рублей въ мѣсяцъ, при современной дороговизнѣ не могутъ существовать со своими семействами и что положительно вымираютъ отъ голода. Принимаю немедленно всѣ зависящія отъ меня мѣры, законныя и незаконныя, для облегченія ихъ участи, и пишу бумагу съ ходатайствомъ объ увеличеніе ихъ содержанія, а затѣмъ ѣду къ нимъ на Гагаринскую подбодрить стариковъ.

Сердце щемитъ, когда подхожу къ фронту этихъ ветерановъ, а безчисленные кресты и медали на ихъ мундирахъ такъ ярко напоминаютъ о былой славѣ Всероссійскаго Воинства, нынѣ втоптанной въ грязь. Обходя строй, вижу стараго сослуживца, историческаго штабъ-трубача Нижегородскаго полка, знаменитаго Березняка, получившаго Георгіевскій крестъ въ Турецкую кампанію за спасеніе жизни командира полка. Много мы съ нимъ водки выпили въ былые дни на вахмистерскихъ пирушкахъ, когда я былъ скромнымъ взводнымъ въ 3-емъ эскадронѣ. Теперь чуть ли не со слезами бросаемся другъ другу на шею.

Потолковавъ со стариками объ ихъ житьѣ-бытьѣ и пообѣщавъ о нихъ позаботиться, выхожу на улицу, сопровождаемый ихъ кликами «ура», и со вздохомъ покидаю то, что Рагозинъ именуетъ «колоніей допотопныхъ существъ», чтобы ѣхать на собесѣдованіе съ Совѣтомъ, этимъ сборищемъ представителей современнаго воинства. Жестокая вещь революція.

Кромѣ лихорадочной сутолоки повседневнаго существованія, иногда моя жизнь разнообразится еще чрезвычайными задачами, преподносимыми сверху, изъ коихъ одна изъ самыхъ крупныхъ была мнѣ задана при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Однажды днемъ (28-го іюня), Якубовичъ, оставшійся, по обыкновенію, за Военнаго Министра, ввиду отсутствія Керенскаго, посылаетъ за мной. Застаю у него кое-кого изъ Правительства (теперь не помню въ точности, кого) и мнѣ объявляютъ, что Правительство рѣшило очистить дачу Дурново отъ засѣвшей тамъ уже давно банды анархистовъ. Дѣло щекотливое, такъ какъ Совѣтъ склоненъ считать анархистовъ за легальную политическую партію. Однако, говорю, что съ удовольствіемъ попытаюсь сегодня же ночью. Тогда Якубовичъ оффиціально мнѣ приказываетъ это сдѣлать и по исполненіи явиться завтра утромъ въ 10 часовъ съ докладомъ на квартиру Князя Львова.

Ѣду назадъ въ Штабъ, почесывая затылокъ. Вечеромъ собираю въ Штабѣ начальниковъ тѣхъ частей, которыхъ участіе желательно по ихъ географическому мѣстоположенію, т. е., 1-го запаснаго пѣхотнаго, квартирующаго на Охтѣ, затѣмъ Преображенцевъ, Литовцевъ, Волынцевъ и, вдобавокъ, казаковъ и броневиковъ. Приглашаю, согласно основному договору съ Совѣтомъ, двухъ дежурныхъ представителей изъ его среды. Попадаются хорошіе ребята, которые сначала смущенно говорятъ, что разъ Совѣтъ не имѣлъ сужденія по этому вопросу, имъ неловко именемъ Совѣта санкціонировать мой походъ, но послѣ нѣкоторыхъ уговоровъ, они обѣщаются своимъ личнымъ авторитетомъ всячески меня поддерживать, разъ Правительство уже отдало мнѣ категорическое приказаніе. И то слава Богу.

Перехожу къ компаніи командировъ, и первымъ

вопрошаю командира 1-го пѣхотнаго. Онъ категорически отказывается, говоря, что его солдаты ни за что не пойдутъ противъ товарищей анархистовъ. Послѣ него всѣ поочередно отказываются. Начинаю опасаться, что мнѣ придется дѣйствовать контръ-революціонно и вызвать юнкеровъ, напримѣръ, Николаевское Кавалерійское Училище, или нарушить свое обѣщаніе казакамъ и примѣнить ихъ безъ пѣхоты. Вижу, что казакъ, полковникъ Троилинъ, чувствуетъ себя скверно, предвидя такую опасность, но ему я никакихъ вопросовъ не задаю. Однако, все дѣло вдругъ спасаетъ Преображенецъ; онъ проситъ разрѣшенія поговорить съ кѣмъ-то въ полку по телефону, а затѣмъ конфиденціально въ уголку мнѣ сообщаетъ, что Преображенцы пойдутъ, но при одномъ условіи, что я ихъ поведу самъ.

Возвращаюсь къ остальнымъ командирамъ и заявляю, что Преображенцы пойдутъ; тогда Литовецъ говоритъ. что, если Преображенцы пойдутъ, то и Литовцы не откажутся. Этого съ казаками вполнѣ достаточно, а посему отпускаю остальныхъ командировъ, издающихъ невольный вздохъ облегченія. Разрабатываю планъ: одна колонна, подъ моимъ руководствомъ, изъ 3-хъ ротъ Преображенцевъ, сотни Казаковъ и одного броневика собирается въ 3 часа ночи у Литейнаго моста, другая, подъ начальствомъ Кузьмина, въ составѣ Литовцевъ, тоже съ казаками и другимъ броневикомъ, пойдетъ черезъ Охтенскій мостъ. Пѣхота будетъ штурмовать, казаки несутъ дозорную и развѣдывательную службу, а броневики прикрываютъ тылъ отъ возможной контръ-атаки со стороны рабочаго населенія Охты или анархически настроенныхъ солдатъ Гренадерскаго и 1-го пѣхотнаго полковъ. Конечно, такая мобилизація противъ нѣсколькихъ десятковъ хули-

гановъ кажется смѣшной, но, говорятъ, они хорошо вооружены, съ бомбами и пулеметами, да. кромѣ того, если не удастся покончить всего дѣла пока рабочее населеніе спитъ, неизвѣстно, какія могутъ получиться осложненія, если Охтенскій муравейникъ проснется.

Послѣдняя заминка происходитъ съ броневиками. Командиръ вызвалъ своихъ комитетчиковъ, и эти вѣрные слуги Совѣта сначала уклоняются отъ участія въ операціи, не получившей благословенія священной коллегіи, но дежурные члены, сидящіе у меня, благородно выполняютъ свое обѣщаніе, краснорѣчиво и убѣдительно доводя броневиковъ до сознанія необходимости подчиниться моимъ приказаніямъ.

Закончивъ около полуночи распоряженія, и въ ожиданіи времени дѣйствія, попиваю чай. Якубовичъ мнѣ сообщаетъ по телефону о полученіи тріумфальной телеграммы отъ Керенскаго съ извѣстіемъ объ удачномъ наступленіи на фронтѣ: взяты три линіи окоповъ, много плѣнныхъ и трофеевъ. Неужели русское воинство еще способно драться? Дай Богъ. Во второмъ часу ночи, согласно уговору съ командиромъ, появляюсь въ казармѣ Преображенцевъ на Милліонной и вызываю дежурную роту (2-ую). Люди быстро встаютъ и выстраиваются. Подхожу, здороваюсь, а затѣмъ говорю нѣсколько теплыхъ словъ: «Правительство получило свѣдѣнія, что многіе мошенники и преступники, бѣжавшіе изъ тюремъ, пріютились подъ флагомъ анархистовъ на дачѣ Дурново. Я получилъ приказаніе ихъ тамъ захватить». Потомъ сообщаю содержаніе телеграммы объ успѣхѣ на фронтѣ и прибавляю: «Разъ тамъ солдаты исполняютъ свой долгъ противъ внѣшняго врага, мы здѣсь должны исполнить свой долгъ противъ врага вну-

тренняго, въ лицѣ всякихъ преступниковъ. Идите скорѣй къ Литейному мосту, куда я сейчасъ приведу остальныя ваши роты, казаковъ и броневикъ».

Огорошенные спросонья ребята безмолвно выступаютъ въ полномъ порядкѣ. Командиръ потираетъ руки. Садимся съ нимъ въ автомобиль и катимъ въ 3-ю роту, помѣщающуюся въ офицерскомъ манежѣ Кавалергардовъ на Захарьевской. Повторяется та же картина, но тутъ я добавляю: «Торопитесь догнать вашу 2-ю роту, которая уже выступила». Стадное чувство разсѣиваетъ послѣднія сомнѣнія, и 3-я рота выступаетъ. Командиръ въ восторгѣ и проситъ меня теперь ѣхать къ мосту, говоря, что 4-ю роту онъ приведетъ безъ заминки, разъ двѣ роты уже выступили. У моста съ казаками разговоръ короткій, а сознательные броневики знаютъ, въ чемъ дѣло. 4-ая рота приходитъ благополучно, но вдругъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ почтительно меня спрашиваетъ, извѣстно-ли Совѣту о семъ предпріятіи? Отвѣчаю, что, во-первыхъ, два представителя Совѣта присутствовали у меня въ Штабѣ при обсужденіи вопроса, въ чемъ можно убѣдиться, спросивъ здѣсь находящихся броневиковъ, имѣвшихъ случай съ ними бесѣдовать, и что съ ихъ стороны протеста не было, а, во-вторыхъ, развѣ я когда нибудь выводилъ войска для дѣйствій, несогласныхъ съ великими демократическими принципами, возвѣщенными Совѣтомъ.

Вопрошающій и окружившіе его любопытные солдаты удовлетворены, и колонна трогается. Подъѣзжаютъ два автомобиля — одинъ съ двумя сестрами милосердія и перевязочными средствами, другой съ Министромъ Юстиціи Переверзевымъ. Очень радъ имѣть съ собой представителя Закона.

Шествуемъ бозмолвно по Охтенской набереж-

ной. Свѣтаетъ. Передній дозоръ удачно захватываетъ врасплохъ часового у воротъ анархиста, а то, можетъ быть, пришлось бы повозиться съ весьма основательной рѣшеткой. Преображенцы быстро оцѣпляютъ домъ, окруженный со всѣхъ сторонъ садомъ. Казаки патрулируютъ по сосѣднимъ улицамъ, броневикъ занимаетъ позицію на набережной. — Анархисты просыпаются. Одинъ изъ руководителей въ морской куркѣ съ интеллигентнымъ лицомъ выходитъ изъ боковой двери и начинаетъ дипломатическіе переговоры съ Перевезевымъ, доказывая всю разумность анархистической оккупаціи дачи Дурново. Я тороплю Переверзева, опасаясь пробужденія Охтенскаго населенія. Онъ заявляетъ, что, по его свѣдѣніямъ, на дачѣ укрываются уголовные преступники, бѣжавшіе изъ тюремъ, и называетъ нѣсколько фамилій. Анархистъ сначала какъ будто смущенъ, говоря, что ему объ этомъ ничего не извѣстно, но потомъ опять принимаетъ развязный тонъ, категорически отказываясь выдать этихъ преступниковъ, если бы они среди обитателей дачи и оказались. Заканчиваетъ онъ гордымъ утвержденіемъ, что анархисты не сдадутся и будутъ защищать свою свободу до послѣдней капли крови. Переговоры кончены. Переверзевъ отходитъ въ сторону, предоставляя мнѣ свободу дѣйствій.

Подхожу съ Преображенцами къ дверямъ, но онѣ крѣпко забаррикадированы. Тогда вышибаемъ окно рядомъ съ подъѣздомъ, послѣ чего происходитъ небольшая заминка, ибо, естественно, никому не хочется влѣзать въ домъ, гдѣ, по слухамъ, столько взрывчатыхъ веществъ. Однако, мои адьютанты Масленниковъ и Рагозинъ, вмѣстѣ съ какимъ-то любителемъ сильныхъ ощущеній въ студенческой формѣ, вскакиваютъ въ окно, а за ними волна Преображенцевъ.

Скоро начинаютъ появляться группы арестованныхъ. Такихъ хулиганскихъ рожъ не во всякой ночлежкѣ найдешь; особенно милы нѣкоторыя представительницы дамскаго пола. Анархисты защищаются, бросая бомбы, изъ коихъ ни одна, однако, не разрывается, такъ какъ осажденные, либо по незнанію, либо отъ обалденія, ни изъ одной не вынули предохранителя. Подходятъ Литовцы съ Кузьминымъ, и влѣзаютъ въ дачу съ противоположнаго конца, и процессъ очистки ускоряется. Со стороны одной изъ комнатъ, гдѣ сосредоточились послѣдніе защитники, раздается одинокій выстрѣлъ, и одинъ изъ анархистовъ оказывается убитымъ. Выяснить исторію его кончины не удается. Преображенцы, не выпустившіе ни одного патрона, основательно доказываютъ, что онъ самъ застрѣлился. Той же теоріи придерживается Масленниковъ, стоявшій у самой двери комнаты. Но другіе свидѣтели говорятъ, будто выстрѣлилъ кто-то изъ Литовцевъ, подходившихъ къ другой двери, а есть версія, что нѣкій казакъ, для устрашенія противника, просунулъ винтовку въ дверную щель и выпалилъ. Какъ бы то ни было, но кровопролитіе оказалось меньшимъ, чѣмъ можно было бы ожидать. Наконецъ, выводятъ послѣдню пачку анархистовъ, въ числѣ коихъ оказывается вожакъ, ведшій съ нами переговоры. Онъ обращается къ Переверзеву, и съ трагическимъ жестомъ восклицаетъ: «Товарищъ Министръ, вы — убійца».

Въ это время появляются двѣ роты Семеновцевъ. Они прослышали изъ Штаба про мой походъ и по собственной иниціативѣ поспѣшили на помощь. Молодцы.

Очистка дачи и сада закончена, захвачено съ полъ сотни хулигановъ. Направляю ихъ подъ конвоемъ въ казармы Преображенцевъ, согласно на-

стоятельной просьбы послѣднихъ: тамъ юридическія власти ихъ допросятъ и переберутъ. Отпускаю по домамъ войска, проявившія въ этомъ дѣлѣ удивительную выдержку. Трудно не выстрѣлить въ человѣка, швыряющаго въ васъ бомбу, на которой присутствіе предохранителя вы усмотрѣть никакъ не можете. Оставивъ роту Семеновцевъ для охраны дачи, пока юристы не осмотрятъ мѣсто происшествія, сажусь въ автомобиль и ѣду въ Штабъ. Шестой часъ утра. Охта начинаетъ просыпаться. Скоро получаю свѣдѣнія, что Семеновцамъ на дачѣ приходится туго; ихъ окружила со всѣхъ сторонъ толпа рабочихъ, ограничивающихся пока ругательствами, но дѣло легко можетъ перейти въ сраженіе, а такъ какъ моя задача была захватить всѣхъ анархистовъ и очистить дачу, а не охранять ее постояннымъ карауломъ, то во избѣжаніе совершенно ненужнаго кровопролитія посылаю офицера съ приказаніемъ Семеновцамъ идти домой. Операція закончена.

Посылаю Керенскому телеграмму: «Ввѣренныя мнѣ войска сегодня въ 5 часовъ утра заняли дачу Дурново», а затѣмъ, къ 10 часамъ, ѣду съ докладомъ къ Кн. Львову, на квартиру Министра Внутреннихъ дѣлъ въ Чернышевомъ переулкѣ. Застаю его за утренней трапезой. Онъ очень любезно угощаетъ меня кофе съ хорошими сливками, и съ большимъ интересомъ разспрашиваетъ про подробности ночныхъ военныхъ дѣйствій. Скоро собираются на засѣданіе всѣ члены Правительства. Они вообще за послѣднее время, особенно въ отсутствіе Керенскаго, предпочитаютъ собираться въ этомъ укромномъ уголку, повидимому, чувствуя себя здѣсь въ большей безопасности, чѣмъ въ Маріинскомъ Дворцѣ, гдѣ стеченіе автомобилей всегда привлекаетъ вниманіе публики.

На этотъ разъ мы съ Переверзевымъ — герои дня и, расточая другъ другу прозрачные комплименты, мы излагаемъ всѣ малѣйшія подробности происшествія. Терещенко меня спрашиваетъ, нельзя ли теперь взять домъ Кшесинской и вышибить большевиковъ изъ ихъ твердыни? Отвѣчаю, что такіе фокусы, какъ то, что я продѣлалъ съ Преображенцами, не всегда удаются, что большевиковъ, съ солдатской точки зрѣнія, никакъ подъ категорію уголовныхъ преступниковъ не подгонишь и что наконецъ, въ случаѣ атаки на домъ Кшесинской, сильно опасаюсь серьезной поддержки Ленину со стороны гарнизона Петропавловской крѣпости, особенно Стрѣлковъ 3-го баталіона. Но эта мысль, повидимому, Правительству понравилась, и черезъ нѣсколько дней меня опять приглашаютъ на засѣданіе въ Чернышевъ переулокъ, гдѣ вопросъ о домѣ Кшесинской обсуждается всесторонне.

Юстиція излагаетъ всѣ переговоры съ повѣреннымъ великой танцовщицы, угрожающей казнѣ милліоннымъ искомъ. Я доказываю чрезвычайную рискованность вооруженнаго вмѣшательства. А Черновъ, со свойственной ему слащавой улыбкой, предлагаетъ признать большевиковъ легальной политической группой и попеченіемъ Правительства реквизировать для нихъ какое нибудь подходящее свободное помѣщеніе, возвративъ домъ Кшесинской, законной владѣлицѣ. Но это предложеніе отклоняется, и весь вопросъ кончается ничѣмъ, подобно весьма многимъ вопросамъ, обсуждаемымъ Правительствомъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, что дѣлать съ погребомъ Зимняго Дворца, или не заказать ли наши кредитные билеты въ Японіи, ибо Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ выдѣлываетъ въ день что то около 30.000.000, а война стоитъ ежедневно болѣе 50-ти (о метал-

лическомъ обезпеченіи, конечно, всѣ давно позыбыли). При такихъ порядкахъ вполнѣ понятно, что грядущая судьба дачи Дурново тоже остается неразрѣшенной, и послѣ ея эвакуаціи Семеновцами она снова превращается въ безплатную ночлежку для всякаго сброда, а убитому анархисту товарищи устраиваютъ торжественные похороны, воздвигнувъ надъ его могилой плакатъ: «Смерть палачамъ Переверзеву и Половцову». Студенту, первому вскочившему въ окно дачи во время штурма, жалую медаль «за храбрость».

Вскорѣ доходятъ до насъ свѣдѣнія, дающія истинную картину знаменитаго наступленія 27-го іюня. Хотя Керенскій всячески старается раздуть и прорекламировать «свою» побѣду, но даже по газетнымъ даннымъ выясняется довольно грустная картина: несмотря на слабость противника, несмотря на такую основательную артиллерійскую подготовку, о которой мы не смѣли и мечтать въ первые годы войны, лишь немногіе полки пошли въ атаку, да и тѣ, занявъ покинутые непріятелемъ окопы, дальше не тронулись. Въ большинствѣ случаевъ, офицеры пошли впередъ безъ поддержки солдатъ и почти поголовно погибли геройской смертью, не только отъ непріятельскаго огня, но и отъ выстрѣловъ въ спину. Бѣльковичъ, командиръ 41-го корпуса, которому я въ первую же минуту послалъ поздравительную телеграмму, радуясь его успѣхамъ въ столь памятномъ мнѣ уголку около Ржезанъ, отвѣчаетъ въ такомъ минорномъ тонѣ, что мнѣ становится очевиднымъ весьма неблагополучное положеніе на фронтѣ. Зато пріѣхавшій съ фронта американецъ Скоттъ, впервые увидавшій современный бой, и не разобравшійся въ подноготныхъ, пребываетъ въ состояніи неописуемаго восторга и уѣзжаетъ на Родину съ самыми розо-

выми надеждами на быстрое и величественное возрожденіе Державы Россійской. Быть можетъ, онъ настолько хитеръ, что притворяется, но я, во всякомъ случаѣ во время нашей прощальной бесѣды пою съ нимъ въ унисонъ и выражаю восторгъ передъ мудростью Керенскаго, еще въ началѣ мая увѣрявшаго меня въ возможности успѣшнаго наступленія.

Тѣмъ временемъ сей воитель телеграммами съ фронта задаетъ мнѣ довольно трудно исполнимые заказы. Началось съ того, что онъ потребовалъ присылки изъ Петрограда всѣхъ имѣющихся у меня броневыхъ автомобилей. Вполнѣ сочувствую идеѣ избавить столицу отъ этихъ машинъ, за которыми Совѣтъ смотритъ зорко и команды которыхъ всецѣло въ его рукахъ. Кромѣ того, всѣ броневики принадлежатъ къ устарѣлому типу, совершенно непригодному для боевыхъ дѣйствій, съ низкими осями, безъ необходимаго управленія для задняго хода, безъ внутренней обшивки и проч. Всѣ петроградскіе броневики забракованы нѣсколькими комиссіями, что прекрасно извѣстно командамъ и свѣдущимъ людямъ въ Совѣтѣ. Я лелѣю мысль сплавить команды на фронтъ и посадить въ машины своихъ людей, но для такого coup d'Etat время еще не настало. Комбинація Керенскаго слишкомъ прозрачна. Что я ни дѣлай, а броневики на фронтъ не будутъ отправлены, и все дѣло кончится страшнымъ конфликтомъ съ Совѣтомъ, съ коимъ сейчасъ ссориться не входитъ въ мои разсчеты. Поэтому, послѣ совѣщанія съ командиромъ броневиковъ, уклоняюсь отъ исполненія полученнаго требованія, изложивъ въ отвѣтной телегрммѣ техническія причины непригодности петроградскихъ машинъ для фронта.

Не могъ я также выполнить приказанія, полу-

ченнаго черезъ Генеральный Штабъ, объ отправкѣ на фронтъ всѣхъ резервныхъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ изъ Округа. Несомнѣнно, Совѣтъ запротестовалъ бы, и ничего не вышло бы. Пришлось ночью ѣхать къ Романовскому и добиться отмѣны распоряженія.

Другой заказъ Керенскаго тоже былъ связанъ съ крупными осложненіями. Онъ присылаетъ мнѣ приказаніе отправить изъ петроградскихъ запасовъ 300 пулеметовъ, «жизненно необходимыхъ для фронта». Изъ 2-го пулеметнаго полка ихъ не выудить, но въ 1-омъ полку, кромѣ пулеметовъ, находящихся въ Петроградѣ, есть нѣсколько сотенъ на складѣ въ Ораніенбаумѣ. Однако же, по словамъ командира полка, караулъ ни за что ихъ не выпуститъ безъ постановленія полкового комитета, а комитетъ 1-го пулеметнаго полка — чрезвычайно гнусное учрежденіе. Рѣшаюсь пуститься на фокусъ. Ѣду на Выборгскую, въ 1-ый пулеметный полкъ и по совѣту командира, вхожу въ помѣщеніе наиболѣе благонадежной 2-ой роты, собираю людей, читаю телеграмму Керенскаго, говорю нѣсколько словъ о тяжеломъ положеніи на фронтѣ, и съ улыбкой заканчиваю увѣреніемъ, что остающихся у нихъ въ Петроградѣ семисотъ съ лишнимъ пулеметовъ вполнѣ достаточно для защиты революціи. Рота постановляетъ безпрекословно пулеметы отправить. Перехожу къ слѣдующей, гдѣ, конечно, добавляю заявленіе о состоявшемся благоразумномъ постановленіи 2-ой роты. Здѣсь вопросъ тоже проходитъ благополучно, но въ третьей казармѣ я, къ сожалѣнію, попадаюсь на удочку лукаваго большевика въ овечьей шкурѣ, доказывающаго, что обойти всѣ роты займетъ чуть ли не цѣлый день, что по видѣннымъ двумъ ротамъ я могу судить о благочестивомъ настроеніи всего полка и что, если собрать

всѣ остальныя роты въ полковомъ театральномъ баракѣ, то вопросъ благополучно разрѣшится въ 5 минутъ. Командиръ полка легкомысленно присоединяется къ этому мнѣнію, и я совершаю непростительную ошибку, согласившись съ ихъ доводами.

Полкъ быстро собирается въ театрѣ. Я вхожу на эстраду и повторяю сказанное въ ротахъ, но чувствую, что атмосфера не та. Послѣ меня сейчасъ же выскакиваютъ два большевика. Первый изъ нихъ, послѣ обычнаго негодованія на войну, затѣянную капиталистами, которую мы только безполезно удлинимъ, пославъ пулеметы на фронтъ, прибѣгаетъ къ очень ловкому ораторскому пріему: «Все равно, молъ, согласитесь вы, или нѣтъ, а пулеметы у васъ отнимутъ». — Ясно, что послѣ этого публика на стѣнку полѣзетъ. Второй большевикъ заявляетъ, что въ этомъ помѣщеніи обсудить вопросъ нельзя, такъ какъ не хватаетъ всѣмъ мѣста. Съ этимъ доводомъ нельзя не согласиться, ибо и половина наличнаго состава не можетъ втиснуться въ театръ. Чувствую, что меня подловили. Митингъ переносится на дворъ, гдѣ трибуной служитъ двуколка. Послѣ неудачныхъ ораторскихъ усилій Кузьмина, выступаетъ рядъ большивецкихъ говоруновъ, въ томъ числѣ профессіональные златоусты изъ числа рабочихъ, прибѣжавшихъ на митингъ съ сосѣднихъ заводовъ. Хорошо зазубренныя трафаретныя рѣчи льются безостановочно. Большинство солдатъ, которымъ знакомая картина митинга давно надоѣла, разбредаются по казармамъ, но выдрессированная большевиками куча въ нѣсколько сотъ человѣкъ стоитъ плотно. Они уже, вѣроятно, привыкли выносить резолюціи полкового митинга, преподнося эти резолюціи, какъ мнѣнія всего полка со списочнымъ составомъ въ 19.000,

а инертная масса грызетъ сѣмячки, и своимъ безучастнымъ молчаніемъ санкціонируетъ, что угодно.

Казалось бы рѣчи о естественныхъ стремленіяхъ пролетаріата имѣютъ весьма мало отношенія къ отправкѣ 300 пулеметовъ на фронтъ, но температура страстей на митингѣ все повышается. Предвидя, какъ неизбѣжное послѣдствіе, растерзаніе моей особы на составныя части безъ всякой пользы для дѣла, и удивляясь тому, что это грустное событіе еще не произошло, медленно и съ достоинствомъ удаляюсь, заявляя во всеуслышаніе, что я пришелъ потолковать съ солдатами пулеметнаго полка, а не съ рабочими Выборгской стороны. Командира полка прошу по окончаніи митинга пріѣхать ко мнѣ съ докладомъ о результатахъ, конечно, потерявъ всякую надежду на благополучный исходъ словоизверженій. Но когда онъ черезъ нѣкоторое время появляется съ грустнымъ лицомъ, я отказываюсь признать себя побѣжденнымъ, и прошу его вернуться къ моему основному плану, произведя немедленное одновременное голосованіе по всѣмъ ротамъ. Большевики, вѣроятно, празднуютъ побѣду и ослабили надзоръ... Если, какъ я разсчитываю, большинство ротъ выскажутся за отправку пулеметовъ, необходимо сейчасъ же собрать полковой комитетъ и, предъявивъ письменныя постановленія ротъ, несомнѣнно выражающія истинное желаніе полка, потребовать отъ комитета соотвѣтственнаго постановленія. Если комитетъ попробуетъ сослаться на сегодняшній митингъ, то тогда надлежитъ заявить, что я не могу считаться съ какими бы то ни было резолюціями этого митинга, такъ какъ, во-первыхъ, присутствовали, говорили и, вѣроятно, голосовали лица, не принадлежащія къ составу полка, а, во-вторыхъ, подавляющее большинство солдатъ, по моимъ наблюденіямъ, разошлись по казар-

мамъ и на митингѣ не присутствовали. И демократично, и хорошо, но нужно дѣйствовать быстро, а то большевики придумаютъ контръ маневръ.

Получивъ мои инструкціи, командиръ начинаетъ дѣйствовать. Передъ обѣдомъ получаю свѣдѣнія, что изъ 16 ротъ — 12 высказалось за отправку, 2 воздержались, а 2 высказались противъ. (Хорошъ бы я былъ, если бы мнѣ пришлось лично получить отказъ этихъ двухъ подлыхъ ротъ). Захваченный врасплохъ полковой комитетъ не можетъ найти зацѣпки въ моихъ парламентскихъ пріемахъ и подчиняется постановленію большинства ротъ. Вечеромъ командиръ летитъ въ Ораніенбаумъ, ночью пулеметы нагружаются, и утромъ всѣ 300 укатываютъ на фронтъ. Доношу Керенскому, что приказаніе, полученное за № такимъ-то, исполнено.

Митингъ у пулеметчиковъ лишній разъ показалъ мнѣ, какъ большевики проводятъ свои резолюціи, затягивая дѣло, пока благоразумное большинство солдатъ, утомленное многоглаголаніемъ, не разойдется по казармамъ, а господа, ожидающіе получки суточныхъ изъ Германскаго Генеральнаго Штаба, остаются до конца и голосуютъ по командѣ. Поэтому не особенно волнуюсь, узнавъ, напримѣръ, про возмутительныя резолюціи одного изъ самыхъ лучшихъ полковъ, Егерскаго, гдѣ 8 большевицкихъ ораторовъ говорили почти безпрерывно въ теченіе 3-хъ дней. Однако, невольно задумываюсь надъ тѣмъ, какъ должно быть легко было въ прежнее время командовать войсками Округа. А теперь, давши картину треволненій моей ежедневной жизни въ Петроградѣ, перехожу къ финальному и наиболѣе яркому эпизоду моей дѣятельности въ столицѣ.

ІЮЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ БОЛЬШЕВИКОВЪ.

Въ послѣднихъ числахъ іюня получаются все болѣе и болѣе опредѣленныя свѣдѣнія, что большевики, оставшіеся довольными подсчетомъ своихъ силъ на мирной манифестаціи 18-го іюня, теперь рѣшили предпринять крупное вооруженное выступленіе для сверженія Правительства, одновременно и Совѣта, слишкомъ, по ихъ мнѣнію, консервативнаго, а также вообще властей придержащихъ. Притокъ денегъ изъ Стокгольма весьма замѣтно увеличивается, дѣятельность большевиковъ въ полкахъ становится болѣе напряженной, въ Кронштадтѣ готовятъ десантъ и, наконецъ, получаются достовѣрныя свѣдѣнія, что выступленіе произойдетъ 4-го іюля.

Правительство въ страхѣ. Совѣтъ сильно волнуется. Заѣзжаю наканунѣ въ засѣданіе Совѣта, гдѣ меня просятъ для большаго единенія на время безпорядковъ перенести свой Штабъ въ Тавриду. (до чего струсили). Категорически отказываюсь, приводя всѣ доказательства неудобства такой комбинаціи не только по соображеніямъ техническимъ, но и по психологическимъ. Наконецъ, если имъ придется плохо, мнѣ легче ихъ спасти поддержкой извнѣ, а если я буду осажденъ, — пускай они меня вызволяютъ. Дѣлаю распоряженія объ усиленіи, въ случаѣ надобности, караула въ Тавридѣ изъ ближайшихъ частей. Прошу назначить въ

Штабъ постоянное дежурство изъ членовъ Совѣта; со своей стороны оставляю имъ для связи со мной Никитина. Захожу въ комнату, гдѣ Совѣтъ организовалъ свой боевой штабъ, и съ умиленіемъ взираю на юнаго прапорщика, уже начавшаго писать журналъ военныхъ дѣйствій, отмѣчая по часамъ свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ полкахъ.

Возвращаюсь въ Штабъ, гдѣ къ вечеру у меня въ большомъ кабинетѣ настоящій базаръ: собираются почти всѣ члены Правительства, считающіе своей обязанностью мнѣ давать совѣты. Въ углу Якубовичъ съ Романовскимъ водятъ пальцами по плану Петрограда, разсуждая о томъ, куда слѣдовало бы послать дозоръ, а куда — роту. Среди общей суматохи утѣшеніемъ служитъ веселое лицо Пальчинскаго, да ироническая улыбка Переверзева, сидящаго въ креслѣ напротивъ моего письменнаго стола. Отъ этого послѣдняго исходитъ единственное разумное предложеніе, когда бы то ни было слышанное мною отъ члена Временнаго Правительства, а именно, — немедленно опубликовать всѣ имѣющіеся у насъ документы, доказывающіе связь большевиковъ съ нѣмецкимъ шпіонажемъ. Алексинскій взялся проредактировать соотвѣтственныя разоблаченія за собственной подписью. Поддерживаю идею Переверзева, и она приводится въ исполненіе.

Всѣ присутствующіе, повидимому, ожидаютъ отъ меня какихъ то «рѣшительныхъ» дѣйствій, но я, рискуя подвергнуться жестокой критикѣ за бездѣйствіе власти, никакихъ особенно активныхъ мѣръ не принимаю. Удивительно, какъ мало людей понимаютъ то, что я называю «психологическимъ пульсомъ событій». Всякій наблюдательный военный человѣкъ чутьемъ долженъ улавливать минуту, когда настроеніе публики съ обѣихъ сто-

ронъ достигло благопріятной точки напряженія, — положительной для васъ и отрицательной для противника. Я опредѣленно чувствую, что минута эта далеко не наступила. Но даже переходя на болѣе реальную почву, если бы я сейчасъ вывелъ тѣ пѣхотныя части, на которыя я разсчитываю и встрѣтилъ бы большевиковъ вооруженнымъ сопротивленіемъ одновременно въ различныхъ частяхъ города, трудно было бы руководить разрозненными дѣйствіями. Атмосфера, очевидно, сложится неблагопріятно для меня, затѣявшаго блатоубійственное побоище, да кромѣ того я не совсѣмъ увѣренъ въ надежности даже самыхъ вѣрныхъ частей послѣ усиленной большевицкой агитаціи послѣднихъ дней.

Ввиду всего этого — требую только, чтобы пѣхота сидѣла по казармамъ въ боевой готовности. Вызываю казаковъ, да пару эскадроновъ 9-го запаснаго кавалерійскаго полка, помѣстивъ ихъ во дворѣ и въ проѣздахъ Зимняго Дворца. Кромѣ того, дѣлаю распоряженіе о вызовѣ пѣхотныхъ юнкерскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ организовать охрану Штаба, телефонной станціи и проч., а также сформировать юнкерскій резервъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Не хочу начинать боя юнкерами и казаками, чтобы не создалась контръ-революціонная обстановка. Приглашаю къ Штабу своихъ друзей — Гвардейскихъ Конно-Артиллеристовъ изъ Павловска, съ нѣсколькими орудіями. Вообще, я врагъ примѣненія пушекъ въ городѣ, но для моральнаго впечатлѣнія, быть можетъ, онѣ понадобятся, а артиллерійскими училищами въ Петроградѣ воспользоваться не могу, такъ какъ въ Михайловскомъ неблагополучно, ибо орудія находятся въ рукахъ большевицки настроенной солдатской прислуги, которая не даетъ ихъ запречь, а Константиновскому училищу я задалъ спеціальную зада-

чу — дать бой съ позиціи въ Галерной гавани въ томъ случаѣ, если изъ Кронштадта появятся какія нибудь мелкія военныя суда противника.

Глубоко убѣжденъ, что большевики растеряются отъ отсутствія всякаго сопротивленія и пойдутъ впередъ, нервно ожидая какой нибудь скрытой пакости, а затѣмъ совершатъ какое нибудь насиліе или другую оплошность, а тогда я смогу повернуть общественное мнѣніе казармы опредѣленно на свою сторону и атаковать врага. Заканчиваю мелкія распоряженія о дозорахъ на Петергофскомъ шоссе для предупрежденія о возможномъ наступленіи 2-го Пулеметнаго полка изъ Ораніенбаума, сговариваюсь съ Совѣтомъ о дежурствѣ броневиковъ у Таврида и у Штаба, предупреждаю городскія власти быть готовыми всякую минуту развести мосты, потушить электричество, убрать трамваи и проч., а затѣмъ ложусь часокъ-другой поспать, получивъ пріятное извѣстіе, что у моихъ ближайшихъ сосѣдей, Преображенцевъ на Милліонной, настроеніе твердое и хорошее.

Утромъ Петроградъ производитъ впечатлѣніе мертваго города. Испуганный обыватель спрятался, войска сидятъ по казармамъ. Только два ленинскихъ броневыхъ автомобиля разъѣзжаютъ, очевидно, производя развѣку, да нѣсколько грузовиковъ, наполненныхъ большевиками съ пулеметами, катаются по опустѣлымъ улицамъ.

Начинается дѣло съ небольшой перестрѣлки около Штаба на Пѣвческомъ мосту, гдѣ большевицкій грузовикъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ неизвѣстно по кому. Спрятанная у меня во дворѣ Дружина Георгіевскаго Союза выскочила и послѣ непродолжительнаго столкновенія захватила грузовикъ. Большевики бѣжали, оставивъ между прочимъ пулеметъ, который торжественно приволаки-

вають ко мнѣ, какъ первый трофей. Жалую его Георгіевцамъ. Эти молодцы, упоенные побѣдой, просятъ разрѣшенія атаковать редакцію ленинской «Правды», находящуюся недалеко отъ Штаба на Мойкѣ. Благословляю ихъ на это дѣло. Они выполняютъ его быстро, безъ кровопролитія, несмотря на присутствіе въ редакціи караула отъ Саперъ, и приволакиваютъ въ Штабъ корзины, наполненныя большевицкой литературой.

Тѣмъ временемъ обозначается наступленіе противника. Прибываютъ изъ Кронштадта на пароходахъ и буксирныхъ баржахъ непріятельскіе отряды, численность коихъ исчисляется паникерами во много тысячъ. Высадка происходитъ на Васильевскомъ островѣ, гдѣ къ Кронштадцамъ присоединяются Финляндцы, солдаты 180-го запаснаго полка и прочая дрянь. Эта колонна, повидимому, самая главная, беретъ направленіе на Таврическій Дворецъ. Туда же двигаются изъ Зарѣчныхъ частей вмѣстѣ съ вооруженными рабочими, солдаты 1-го запаснаго, 1-го пулеметнаго, Гренадерскаго и Московскаго, а съ моей стороны, конечно, большое число Павловцевъ.

Итакъ, первая цѣль противника — захватить Тавриду, этотъ мозгъ всѣхъ народныхъ движеній, и, водворившись тамъ, покорить все остальное. Какъ идея, довольно остроумно. По телефоннымъ донесеніямъ Никитина, въ Совѣтѣ царитъ паника невѣроятная. Одобряю усиленія караула въ Тавридѣ изъ ближайшихъ частей, но опять таки несмотря на назойливое жужжаніе всякихъ совѣтчиковъ, отказываюсь отъ активныхъ дѣйствій.

Однако, наконецъ, долгожданная психологически благопріятная минута наступаетъ. Получается по телефону истерическій вопль изъ Совѣта, гдѣ моряки творятъ насиліе и арестовали на дворѣ са-

мого Чернова (жаль, не растерзали). Теперь я могу дѣйствовать въ роли спасителя Совѣта и его великихъ принциповъ (можно будетъ потомъ спасенныхъ и поприжать малость). Особенно забавно выходитъ, что я долженъ вызволять Чернова. Спѣшу внизъ на площадь, приказываю конно-артиллерійскому командиру Ребиндеру взять два орудія, сотню казаковъ прикрытія, идти на рысяхъ по набережной и по Шпалерной къ Думѣ, сняться съ передковъ не доходя ея и, сдѣлавъ одно возможно краткое предупрежденіе, или даже безъ этого, открыть огонь по толпѣ передъ Таврическимъ Дворцомъ. Кончаю внушительнымъ повтореніемъ: «И огонь откройте». — Ребиндеръ со своимъ отрядомъ уносится. Если эта комбинація, наиболѣе быстрая, не удастся, пойду самъ съ юнкерами, Преображенцами и казаками. Но почему Совѣтъ, имѣющій пару броневиковъ, не открылъ пулеметнаго огня для своей защиты — не понимаю. Вѣроятно, растерялся, или же всѣ распоряжаются разомъ. Только что Ребиндеръ скрылся, какъ выбѣгаетъ изъ Штаба Якубовичъ, этотъ главный сторонникъ активныхъ дѣйствій, и восклицаетъ: «Что ты дѣлаешь? Останови ихъ»! — Отвѣчаю, что никогда во всей своей жизни я не останавливалъ части, пущенной въ бой, и теперь этого не сдѣлаю.

Ребиндеръ, пройдя благополучно по набережной и достигнувъ пересѣченія Шпалерной съ Литейнымъ проспектомъ, вдругъ подвергся обстрѣлу съ обоихъ фланговъ. Говорятъ, будто стрѣляли большевики изъ оконъ, или какіе то солдаты изъ сосѣдней улицы, но главный врагъ оказался на Литейномъ мосту, въ лицѣ десятка какихъ то личностей въ арестантскихъ халатахъ, весьма умѣло орудовавшихъ пулеметомъ. Ребиндеръ, несмотря на близкую дистанцію, снялся съ передковъ и напра-

вилъ противъ нихъ огонь. Первая шрапнель разорвалась гдѣ-то около Петропавловской крѣпости, и, говорятъ, понизила настроеніе въ домѣ Кшесинской, вторая разогнала какой то митингъ у Михайловскаго Артиллерійскаго училища, изъ котораго Московцы хотѣли тоже себѣ добыть артиллерію, не зная, что снаряды я давно припряталъ, а третій выстрѣлъ попалъ въ самую середину арестантовъ-пулеметчиковъ и, уложивъ 8 человѣкъ на мѣстѣ, разсѣялъ остальныхъ. Но кромѣ такихъ, чисто мѣстныхъ результатовъ, эти три выстрѣла произвели неожиданный переворотъ во всемъ ходѣ событій.

Толпа большевиковъ у Тавриды, услышавъ близкій артиллерійскій огонь, пустилась въ паническое бѣгство во всѣ стороны , и черезъ нѣсколько минутъ вся мѣстность, окружающая Думу, была очищена естественнымъ порядкомъ. Совѣтъ оказался спасеннымъ, о чемъ мнѣ не безъ иронiи донесъ Никитинъ. Не обошлось, къ сожалѣнiю, безъ жертвъ съ нашей стороны. Насколько помню, убитыхъ у казаковъ было 6, у Конно-Артиллеристовъ 4, много среди нихъ раненыхъ, и погибло столько лошадей, что даже нельзя было сразу вывезти орудій послѣ боя. Когда Ребиндеръ возвращается съ докладомъ, горячо его благодарю и отпускаю домой, крѣпко разсчитывая на то, что больше артиллеріи примѣнять не придется.

Большевики, разсѣявшись по городу, учиняютъ мелкія перестрѣлки въ разныхъ углахъ. Мѣстами пулеметы, запрятанные въ домахъ, стрѣляютъ изъ оконъ. Между прочимъ, два юнкера въ Зимнемъ Дворцѣ были ранены такими выстрѣлами съ противуположнаго берега рѣки. Но всѣ эти скандалы довольно быстро ликвидируются посылкой грузовиковъ съ посаженными на нихъ юнкерами и Георгіевцами. Прислушиваясь къ голосу казармъ, убѣж-

даюсь, что послѣ посрамленія большевиковъ, благопріятное настроеніе въ 1-ой Дивизіи растетъ съ поразительной быстротой, и я начинаю чувствовать почву подъ ногами. Но вечеръ и ночь все-таки проходятъ довольно тревожно: большевики продолжаютъ поднимать неожиданную пальбу то тутъ, то тамъ, наводя панику на обывателя, а когда ружейная трескотня раздается около самой Дворцовой площади, всѣ, продолжающіе сидѣть въ моемъ кабинетѣ члены Правительства, чувствуютъ себя скверно, несмотря на присутствіе крупнаго юнкерскаго караула, выставившаго пулеметы въ окнахъ нижняго этажа Штаба.

Электричество въ городѣ потушено, нѣкоторые мосты разведены, на другихъ поставлены сильныя заставы. Отъ времени до времени влетаютъ паникеры съ извѣстіемъ, что появилась гдѣ-нибудь крупная непріятельская колонна, но это, по провѣркѣ, неизмѣнно оказывается вымысломъ. Сижу всю ночь у письменнаго стола, совѣщаясь то съ Пальчинскимъ, то съ Балабинымъ, то съ Паршинымъ. Телефонный аппаратъ передо мной звонитъ почти безпрерывно. Къ полуночи какъ будто наступило успокоеніе. Князь Львовъ, избравшій себѣ ночлегъ по близости въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и Терещенко, послѣдній разъ вызываетъ меня по телефону и предлагаетъ выпустить воззваніе Временнаго Правительства. Рекомендую ему лечь спать. Эти воззванія давно всѣмъ пріѣлись. Говорю Пальчинскому, что сейчасъ самый подходящій документъ — былъ бы короткій приказъ за моей подписью въ томъ духѣ, что, молъ «всѣхъ къ чорту, — слушаться моей команды», а затѣмъ приступить къ безпощадному истребленію большевиковъ.

Эти господа въ растерянности. Совѣтъ слегка

посрамленъ. Въ войскахъ настроеніе благопріятное. Разоблаченія Алексинскаго произвели сильное впечатлѣніе. Минута такая, что можно, что угодно сдѣлать, но не могу же я идти противъ Правительства, а оно несомнѣнно будетъ миндальничать. Со вздохомъ отворачиваюсь отъ письменнаго стола и вижу въ углу кабинета умилительную картину: на моемъ большомъ турецкомъ диванѣ спитъ Церетелли, а упершись ногами ему въ животъ, лежа въ поперечномъ направленіи, храпитъ Черновъ. Рядомъ въ креслѣ дремлетъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода. Спите, вершители судебъ Земли Русской!

Къ утру выясняется, что какіе то остатки разбитыхъ большевиковъ собрались въ районѣ дома Кшесинской и заняли свой конецъ Троицкаго моста. Въ этихъ же мѣстахъ собрались Кронштадтскіе моряки. Они, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, проникли въ восточную часть Петропавловской крѣпости и, разсчитывая на симпатію арсенальныхъ рабочихъ, а, можетъ быть и Стрѣлковъ, думаютъ занять всю крѣпость и тамъ обороняться. Необходимо немедленно всю эту публику ликвидировать. По моему мнѣнію, особеннаго труда въ этомъ не будетъ: духъ у большевиковъ пониженный, они утомлены блужданіемъ по городу въ теченіе сутокъ; вожаки, повидимому, растерялись, Ленинъ, по слухамъ, бѣжалъ въ Финляндію.

Поручаю операцію противъ Петропавловской крѣпости Кузьмину, который жалуется, что я ему не даю никакого дѣла, и жаждетъ военныхъ лавровъ. Онъ располагается въ Мраморномъ Дворцѣ, откуда руководитъ боевыми дѣйствіями. Какъ только начинается наступленіе его отряда, большевики очищаютъ Троицкій мостъ. Вскорѣ получаю донесеніе, что домъ Кшесинской занятъ Правитель-

ственными войсками, а затѣмъ моряки въ крѣпости выражаютъ желаніе сдаться. Приказываю ихъ переписать, отобрать у нихъ оружіе, а затѣмъ отпустить на всѣ четыре стороны. Если арестовывать всѣхъ участниковъ возстанія, никакихъ тюремъ не хватитъ. Правительство, совмѣстно съ Совѣтомъ, составило юридическую комиссію для разборки всего дѣла и привлеченія къ отвѣтственности зачинщиковъ. Пускай разбираются.

Около полудня сажусь въ автомобиль и ѣду въ крѣпость. Тамъ изъ калитки выпускаютъ поодиночкѣ послѣднихъ моряковъ. Видъ у нихъ приниженный. Отправляюсь къ Апухтину, который мнѣ разсказываетъ все, что ему пришлось пережить за эти дни, и приглашаетъ меня завтракать. Откуда-то появляется бутылка шампанскаго, и за оживленнымъ обмѣномъ впечатлѣній проходитъ то, что милѣйшая жена Апухтина называетъ «пиромъ побѣдителя у побѣжденныхъ». Послѣ завтрака отправляюсь осмотрѣть домъ Кшесинской. Воображаю грусть очаровательной владѣлицы, если бы она могла видѣть, во что большевики превратили ея уютное жилище. Сдѣлано интересное открытіе: въ одной изъ комнатъ большевицкаго штаба оказался складъ черносотенной литературы. Здорово. Беру изъ этого склада пачку открытокъ съ изображеніями еврейскаго собранія, совершающаго ритуальное кровопусканіе христіанскому младенцу, разложенному на столѣ. Раздаю эти открытки журналистамъ.

Тѣмъ временемъ въ Штабѣ получилось извѣстіе, что Керенскій для подавленія безпорядковъ въ столицѣ направилъ съ фронта отрядъ, въ составѣ пѣхотной бригады ,кавалерійской дивизіи и баталіона самокатчиковъ. Прекрасно, но въ душѣ торжествую, что все возстаніе ликвидировано соб-

ственными средствами и, для болѣе нагляднаго доказательства этого факта, первой прибывающей части, баталіону самокатчиковъ, назначаю стоянку въ домѣ Кшесинской.

Организація прибывающаго отряда довольно оригинальна: во главѣ его поставленъ нѣкій прапорщикъ Мазуренко, съ подполковникомъ Парадѣловымъ въ роли начальника штаба. Свое собственное назначеніе командующимъ войсками, хотя и съ генеральскими погонами, я иногда склоненъ считать чрезмѣрно революціоннымъ, но если подчинять бригадныхъ командировъ прапорщику, даже популярному среди комитетчиковъ, то послѣ этого никакой дисциплины въ войскахъ быть не можетъ. Какъ Керенскій этого не понимаетъ?

Получаю бумажку отъ Правительства, что Мазуренкѣ приказано «согласовать свои дѣйствія съ моими». Вопросъ о естественномъ его подчиненіи мнѣ обойденъ молчаніемъ. Какая ерунда. Сообщаю это Якубовичу. Онъ негодуетъ и берется эту ошибку исправить. Появляется Мазуренко, коему я отвожу помѣщеніе у себя въ Штабѣ.

Онъ, повидимому, сильно разочарованъ, узнавъ, что ему собственно дѣлать нечего. Въ видѣ утѣшенія предлагаю использовать его кавалерію для окончательнаго водворенія порядка въ нѣкоторыхъ загородныхъ мѣстахъ, напримѣръ, на пороховыхъ заводахъ и въ Сестрорѣцкѣ. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ вооруженные рабочіе попытались захватить укрѣпленія, но потерпѣли неудачу, а когда я послалъ гарнизону подмогу, рабочіе выдали все имѣющееся у нихъ оружіе.

Пользуясь этимъ прецедентомъ, я рѣшилъ обезоружить петроградскіе заводы, гдѣ благоразумные элементы стали подъ шумокъ присылать мнѣ депутаціи, обѣщаясь показать тайные склады оружія,

но Правительство запротестовало, объявивъ мнѣ, что всякій гражданинъ имѣетъ право владѣть оружіемъ, и мои увѣренія, что почти всѣ винтовки — казенныя, краденыя, или незаконно пріобрѣтенныя отъ солдатъ, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Неугодно ли дѣйствовать съ подержкой такого Правительства... Одно присутствіе ихъ коллегіи въ моемъ Штабѣ крайне неудобно. Хотя я и отвелъ имъ отдѣльную комнату съ телефономъ, а у дверей своего кабинета поставилъ часового отъ юнкеровъ, съ приказаніемъ рѣшительно никого не впускать безъ благословенія дежурнаго адьютанта, однако, господа Министры теребятъ меня нещадно и безпрестанно вмѣшиваются въ дѣла, ихъ не касающіяся.

Но если Правительство меня удручаетъ, зато войска радуютъ. Преображенцы, а за ними остальныя части 1-ой дивизіи, рѣшили переформироваться въ резервные полки. Мое долготерпѣніе вознаграждено. Солдаты очень заинтересованы документами Алексинскаго, и со всѣхъ сторонъ меня спрашиваютъ: «правда ли это?». Отвѣчаю, что это далеко еще не все, что намъ извѣстно.

Помню нѣсколько фактовъ, характеризующихъ солдатское настроеніе духа этихъ дней. Однажды стою на лѣстницѣ Штаба въ то время, какъ по ней поднимаются великіе народные дѣятели: Либеръ и Гоцъ. Слышу въ группѣ стоящихъ внизу солдатъ громкій возгласъ: «У! жиды проклятые». — Съ улыбкой замѣчаю: «Ваши же избранники»!

Другой разъ, подходя къ Штабу, вижу какое-то крупное волненіе въ толпѣ солдатъ Преображенцевъ изъ сосѣдней казармы, и запасныхъ кавалеристовъ изъ резерва въ Зимнемъ Дворцѣ. Оказывается, солдаты узнали проходившаго знаменитаго большевика Каменева (настоящей фамиліи его не

помню) и хотѣли его тутъ же растерзать. Только подъ вліяніемъ болѣе умѣренно настроенныхъ офицеровъ дѣло ограничилось арестомъ и водвореніемъ подъ караулъ въ Штабъ. Однако вижу, что страсти далеко не улеглись, а потому обращаюсь къ толпѣ, состоящей, главнымъ образомъ, изъ Преображенцевъ, съ успокоительной рѣчью, обѣщаясь дѣло разобрать и, во всякомъ случаѣ, не выпускать Каменева безъ предупрежденія о томъ Преображенцевъ. Кончаю тѣмъ, что они могутъ быть спокойны, ибо за всю свою службу я никогда ни одного солдата не обманулъ. Народъ довольно спокойно расходится, повторяя убѣдительныя просьбы не выпускать Каменева. Вхожу въ Штабъ, гдѣ нахожу сію личность, сидящую въ кабинетѣ Дежурнаго Генерала въ весьма трепетномъ состояніи. Гуляю по комнатѣ, невольно напѣвая слова кавказской пѣсни: «намъ каждый гость дарованъ Богомъ, какой бы ни былъ онъ среды». Дѣлаю распоряженіе, чтобы «гостя» никуда не выпускали, и съ веселымъ сердцемъ удаляюсь. Удивительная вещь народная психологія.

При этихъ обстоятельствахъ весьма незавидный пріемъ встрѣчаетъ депутація Саперъ, явившаяся ко мнѣ съ бумажкой отъ баталіоннаго комитета съ цѣлью выяснить, почему былъ «снятъ» ихъ караулъ въ редакціи «Правды» наканунѣ. Гнѣвно заявляю: «Не вы должны такіе вопросы задавать, а я долженъ васъ спросить, какъ вы смѣли, гдѣ бы то ни было выставлять караулъ безъ вѣдома Штаба? Удивляюсь вашей дерзости. Кру-гомъ!». Позднѣе явилась другая депутація отъ тѣхъ же Саперъ, — извиниться за происшедшее недоразумѣніе. — То-то.

Въ шестомъ часу вечера приходитъ ко мнѣ милѣйшій Гоцъ, очень хорошо поработавшій эти дни,

и просить меня отпустить Каменева. Отвѣчаю, что меня лично его судьба мало интересуетъ, но что я обѣщался Преображенцамъ не выпускать его безъ ихъ вѣдома, обманывать ихъ я не намѣренъ, уговаривать ихъ смѣнить гнѣвъ на милость я тоже не собираюсь, однако, если ему хочется добиться освобожденія Каменева, предлагаю ему зайти сейчасъ вмѣстѣ со мной къ Преображенцамъ и съ ними потолковать. Собираемъ представителей тѣхъ ротъ, солдаты коихъ участвовали въ арестѣ Каменева, и Гоцъ начинаетъ краснорѣчиво доказывать, что такой арестъ является незаконнымъ насиліемъ, что мы должны, наоборотъ, устанавливать законмѣрный порядокъ, что, совершая подобныя насилія, мы превращаемся во враговъ революціи и т. д., и т. д. Я сижу безучастно въ уголку, покуривая одну папироску за другой, и съ удовольствіемъ наблюдаю весьма ироническую улыбку на преображенскихъ рожахъ. Среди нихъ находится только одинъ (къ сожалѣнію офицеръ), поддерживающій Гоца, зато остальные ораторы злобны до невѣроятія, и Гоцу приходится изъ солдатскихъ устъ слышать чрезвычайно жестокій варіантъ на тему, что насиліе нужно встрѣчать насиліемъ. Но онъ не унываетъ, собираясь очевидно взять публику изморомъ. Я нѣмъ, какъ рыба, но рѣшаю, что, если Преображенцы все-таки упрутся, то тогда, въ концѣ концовъ, я попрошу ихъ выпустить Каменева на томъ основаніи, что мнѣ некогда со всякой дрянью возиться и что это дѣло гражданскихъ властей. Несомнѣнно, тогда дѣло кончится смѣхомъ. Однако, и безъ того, по обращеннымъ ко мнѣ взглядамъ, вижу, что солдаты учитываютъ мое отношеніе къ этому дѣлу. Кончается все совершенно по-россійски: съ добродушной улыбкой, махнувъ рукой, Преображенцы заявляютъ: «А ну его». Тогда я тоже

съ улыбкой говорю, что вполнѣ сочувствую ихъ воззрѣнію, и теперь я выпущу Каменева, достаточно натерпѣвшагося за этотъ день спасительнаго страха. И дѣйствительно, мнѣ совсѣмъ не хочется держать его въ Штабѣ до Второго Пришествія, а настроеніе въ казармѣ на Милліонной превзошло всѣ мои ожиданія. Рагозинъ выпускаетъ Каменева съ чернаго хода и отправляетъ его домой на моемъ автомобилѣ. Каково великодушіе побѣдителей.

Сознаюсь, что во время засѣданія у Преображенцевъ, несмотря на мою искреннюю симпатію къ личности Гоца, какъ дѣятельнаго работника по сохраненію порядка, я позволилъ себѣ два раза обратиться къ нему не съ обычнымъ «товарищъ Гоцъ», а съ произнесеніемъ его имени и отчества «Абрамъ Рафаиловичъ», что было тотчасъ замѣчено собраніемъ. Ничего противъ Гоца не имѣю, наоборотъ, но ужъ очень обидно, что послѣ революціи не русскіе люди являются народными руководителями, а множество евреевъ и грузинъ, вродѣ Церетелли и Чхеидзе. Въ частности, что касается евреевъ, то если теперь среди консервативныхъ элементовъ начинаетъ расти антисемитизмъ, то сами евреи въ этомъ виноваты. Ужъ очень много ихъ набралось во всѣхъ революціонныхъ комитетахъ, и это начинаетъ публику раздражать, а среди большевицкихъ главарей ихъ процентъ, кажется, недалекъ отъ 100.

Наступаетъ столь памятное мнѣ 6-ое іюля. Столпотвореніе въ Штабѣ, по обыкновенію, великое. Заработала составленная по моему приказанію юридическая комиссія для разслѣдованія возстанія и привлеченія къ отвѣтственности виновныхъ. Арестованныхъ приволакиваютъ въ огромномъ числѣ. Кого только солдаты не хватаютъ и не тащатъ въ Штабъ? Немного напоминаетъ манію арестовъ въ

первые дни революціи. Всякій старается поймать большевика, ставшаго теперь въ народномъ представленіи германскимъ наймитомъ. Самого Керенскаго растерзали бы, если бы, напримѣръ, получили бы болѣе широкое распространеніе свѣдѣнія, циркулирующіе въ публикѣ, о томъ, будто онъ состоялъ въ былые дни юрисконсультомъ нѣмецкой фирмы Шпана, оказавшейся впослѣдствіи шпіонскимъ учрежденіемъ.

У солдатъ чувство, что ихъ хотѣли обмануть, и они ретивы до крайности. Юнкера же проявляютъ такое рвеніе, что мнѣ приходится ихъ неоднократно успокаивать. Предвижу, что контръ-революціонные пріемы — прикладами по большевицкимъ физіономіямъ будутъ поставлены въ вину мнѣ, а потому усиленно прошу Правительство отвести для комиссіи другое помѣщеніе и подальше отъ Штаба, куда можно было бы направить волну арестованныхъ. Доказываю, что и мѣста въ Штабѣ нѣтъ, особенно послѣ того, какъ я пріютилъ и Временное Правительство и штабъ Мазуренка. Обѣщаются исполнить мою просьбу, но время проходитъ, и нѣкоторые члены Совѣта начинаютъ приходить ко мнѣ съ жалобами на произвольные аресты вполнѣ благонадежныхъ совѣтчиковъ, совершаемые иногда и не безъ физическаго воздѣйствія. Совѣтъ, повидимому, оправился отъ паники и, видя, что теперь событія рѣшаются въ моемъ кабинетѣ, а не въ Таврическомъ Дворцѣ, хочетъ возстановить свою власть.

Сознаюсь, что за послѣдніе дни мнѣ по необходимости пришлось слегка игнорировать сидѣвшихъ у меня двухъ дежурныхъ членовъ Совѣта, — не было времени, да и ни къ чему было съ ними совѣщаться. Только иногда я ставилъ ихъ въ извѣстность о наиболѣе крупныхъ распоряженіяхъ, какъ

объ уже совершившихся фактахъ. Среди общей сумятицы пріятно смотрѣть на сіяющее лицо Никитина, взявшаго подъ свое надежное крыло, изъ толпы арестованныхъ большевиковъ, многихъ хорошо извѣстныхъ и опасныхъ нѣмецкихъ шпіоновъ.

Около полудня получаю шифрованную телеграмму отъ Керенскаго, что онъ пріѣзжаетъ сегодня передъ вечеромъ и желаетъ, чтобы ему была устроена торжественная встрѣча: у вокзала долженъ быть выстроенъ отрядъ Ребиндера, а всѣ войска, прибывшіе въ Петроградъ съ фронта, нужно поставить шпалерами отъ вокзала до мѣста нахожденія Правительства. Восхитительно! Однако, я не согласенъ обидѣть тѣ столичныя части, которыя въ возстаніи не участвовали, придавъ въѣзду Керенскаго характеръ торжества фронтовыхъ войскъ надъ петроградскимъ гарнизономъ. Да, кромѣ того, какъ бы рѣдко шпалеры ни ставить, а фронтовыми частями заполнить весь путь отъ вокзала до Штаба никакъ нельзя. Поэтому назначаю для встрѣчи полки 1-ой дивизіи въ добавленіе къ отряду Мазуренка.

Строевое отдѣленіе Штаба погружается въ столь знакомую при старомъ режимѣ работу, вымѣрять разстоянія по городскому плану для распредѣленія полковъ. Дѣло выполняется быстро, и я, закончивъ всѣ распоряженія, сижу у письменнаго стола, веселясь мысли о томъ, какъ Совѣтъ посмотритъ на этотъ наполеоновскій въѣздъ въ покоренную столицу.

Вдругъ открывается дверь и влетаетъ взволнованный Скобелевъ съ вопросомъ: «Правда ли, что Вы для пріѣзда Керенскаго выставляете войска по улицамъ»? — Отвѣчаю, что правда, и что я на это получилъ приказаніе. Показываю телеграмму.

Онъ хочетъ ее взять, но я ее изъ рукъ не выпускаю. Тогда онъ быстро удаляется, и черезъ нѣсколько минутъ меня приглашаютъ въ комнату Временнаго Правительства.

Налицо почти всѣ Министры. Церетелли заканчиваетъ телефонный разговоръ на грузинскомъ языкѣ, вѣроятно, съ Чхеидзе, послѣ чего Князь Львовъ мнѣ задаетъ вопросъ о торжественной встрѣчѣ Керенскаго. Протягиваю ему телеграмму. Онъ ее внимательно читаетъ, а потомъ мнѣ говоритъ, что Временное Правительство имѣло сужденіе по этому дѣлу и рѣшило, что Александръ Федоровичъ, находясь на фронтѣ, не отдаетъ себѣ отчета въ политическомъ настроеніи города, что такое торжество несвоевременно и что, поэтому, его слѣдуетъ отмѣнить. Ясно, Совѣтъ запугалъ.

Возражаю, что, по моему мнѣнію, политическое настроеніе весьма благополучно, но что дѣло не въ этомъ, а что весь вопросъ для меня сводится къ тому, что, получивъ приказаніе своего прямого начальника, Военнаго Министра, я не представляю себѣ, какъ я могу его не исполнить. Тогда вскакиваетъ Церетелли и торжественно меня вопрошаетъ: «Иначе говоря, Вы, генералъ, отказываетесь подчиниться повелѣнію Временнаго Правительства»? Отвѣчаю, что за всю мою службу мнѣ не приходилось встрѣчаться съ такимъ конфликтомъ властей, но что встрѣчу я отмѣню, если Князь Львовъ соблаговолитъ собственноручно на телеграммѣ Военнаго Министра написать постановленіе Правительства и подъ нимъ подписаться. Присовокупляю, что, согласно Уставу, я всегда провожаю и встрѣчаю Военнаго Министра съ почетнымъ карауломъ, а на этотъ разъ вмѣсто почетнаго караула я поставлю на Царскосельскомъ вокзалѣ за рѣшеткой около царскаго павильона отрядъ Ребиндера, такъ

какъ Керенскій, повидимому, хочетъ раньше всего этихъ людей поблагодарить.

Противъ этого, конечно, никто протестовать не можетъ, а Князь Львовъ подъ текстомъ телеграммы выписываетъ, что Правительство, обсудивъ вопросъ, постановило: заключающееся въ этой телеграммѣ приказаніе отмѣнить, и ставитъ подъ постановленіемъ свою подпись. Я удовлетворяюсь, кладу драгоцѣнный документъ въ карманъ и ухожу. Встрѣчу отмѣняю, за исключеніемъ казаковъ и конно-артиллеристовъ. А все-таки жаль, что Правительство у меня въ Штабѣ. Не будь этого, никогда бы они меня во-время не поймали, встрѣча бы состоялась, что было бы очень полезно для войскъ, а потомъ, какой бы вышелъ интересный треугольный конфликтъ между Правительствомъ, Совѣтомъ и Керенскимъ.

Ѣду встрѣчать Керенскаго. Въ ожиданіи поѣзда, бесѣдую съ казаками и конно-артиллеристами. Эти молодцы, оказывается, отказались отъ полученія какихъ бы то ни было крестовъ и медалей, хотя я и предложилъ командирамъ представить къ наградамъ раненыхъ и наиболѣе отличившихся.

Подходитъ поѣздъ. Вхожу вмѣстѣ съ остальными встрѣчающими въ министерскій вагонъ и рапортую, что порядокъ въ городѣ возстановленъ. Происходитъ неожиданная сцена: Керенскій обращается къ Якубовичу и благодаритъ его за проявленную имъ энергію при подавленіи безпорядковъ, — (онъ-то при чемъ?) — а, затѣмъ, повернувшись во мнѣ, заявляетъ: «А вамъ я ставлю въ вину, что при выполненіи вашихъ обязанностей вы слишкомъ считались съ мнѣніемъ Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ». — Здорово. — Я въ бѣшенствѣ, во-первыхъ, за несправедливость, а во-вторыхъ, за нетактичность. Если Военный Министръ

желаетъ ругаться съ Коминдующимъ Войсками, — приличнѣе было бы это сдѣлать съ глазу на глазъ, а не въ присутствіи дюжины свидѣтелей. На его выходку отвѣчаю гробовымъ молчаніемъ, и ухожу, рѣшивъ немедленно подать въ отставку.

Становлюсь, по положенію, на флангѣ Ребиндеровскаго отряда и въ ожиданіи выхода Керенскаго разсказываю казачьимъ офицерамъ то, что произошло (не секретъ, разъ присутствовало человѣкъ 10). Они въ негодованіи. Но ихъ командиръ, Троилинъ, сильно меня уговариваетъ, не подавать въ отставку, доказывая, что собака лаетъ, вѣтеръ носитъ, что войска ко мнѣ успѣли привыкнуть, что они мнѣ довѣряютъ, что не нужно ставить крестъ на все мною достигнутое въ этомъ направленіи, и что пользу, которую я могу такимъ образомъ принести, нельзя приносить въ жертву чувству личной обиды и т. д.

Выходитъ Керенскій и, по обыкновенію, не вглядываясь въ лица казаковъ, на которыхъ онъ могъ бы кое-что прочесть, здоровается съ ними. «Здравствуйте, казаки» — вмѣсто неизмѣннаго «здравствуйте, товарищи». — Знаменательно. Затѣмъ онъ самодовольно проходитъ по фронту конно-артиллеристовъ, вѣроятно, совершенно упуская изъ виду, что за 5-ти минутное счастье его лицезрѣть, имъ приходится заплатить цѣной 30-ти верстнаго путешествія изъ Павловска, съ предстоящимъ туда возвращеніемъ въ темнотѣ. Такія вещи принимались иногда въ соображеніе даже при старомъ режимѣ. Краснорѣчивая благодарность за ихъ подвиги, которую, впрочемъ, изъ-за глубины коннаго строя, могутъ слышать лишь немногіе, вызываетъ «ура» качества ниже средняго. Керенскій отъѣзжаетъ. Публика на площади устраиваетъ ему овацію. А когда нѣсколько минутъ позже я отъѣз-

жаю, публика, состоящая изъ ликующихъ обывателей, оретъ восторженно и неудержимо, привѣтствуя во мнѣ покорителя большевиковъ и возстановителя порядка.

Возвращаюсь въ Штабъ, гдѣ Керенскій уже сцѣпился съ Временнымъ Правительствомъ. Сначала не безъ ехидства сообщаю дежурнымъ членамъ Совѣта, къ чему мое дружелюбное отношеніе къ нимъ привело, а затѣмъ, полюбовавшись ихъ недоумѣніемъ, заявляю Пальчинскому и Туманову, что несмотря на мои нравственныя обязательства по отношенію къ компаніи младотурокъ, вытащившихъ меня въ Петроградъ, я выносить отношенія ко мнѣ Керенскаго больше не намѣренъ и подаю въ отставку. Они усиленно меня убѣждаютъ этого не дѣлать, приводя, примѣрно, тѣ же доводы, что и Троилинъ, что нельзя общую пользу ставить въ зависимость отъ личныхъ чувствъ. Изъ разговоровъ съ ними выясняется многое: во-первыхъ, въ продолженіи безпорядковъ мнѣ некогда было заниматься писаніемъ донесеній Керенскому, кромѣ того, считая, что Якубовичъ является замѣстителемъ Военнаго Министра, я его держалъ въ курсѣ событій и не заботился о томъ, въ какомъ духѣ онъ пишетъ свои донесенія. Въ результатѣ Керенскій получивъ отъ меня всего пару телеграммъ, а отъ Якубовича, вѣроятно, множество, да еще неизвѣстно съ какимъ освѣщеніемъ, вынесъ впечатлѣніе, что я ничего не дѣлаю, а распоряжается Якубовичъ. Во-вторыхъ, мнѣ сообщаютъ, что сильно подработалъ Керенскаго противъ меня Терещенко, почему то, повидимому, меня не взлюбившій.

Всѣ эти данныя еще болѣе усиливаютъ мое желаніе унести ноги отъ политической грязи. Но Пальчинскій вдругъ приводитъ ко мнѣ въ кабинетъ Керенскаго и начинаетъ его отчитывать, говоря, что

онъ понятія не имѣетъ о дѣйствительномъ ходѣ событій въ Петроградѣ, что онъ ко мнѣ несправедливъ и т. д. Къ великому моему изумленію, Керенскій смущеннымъ молчаніемъ встрѣчаетъ рѣзкую отповѣдь Пальчинскаго, а затѣмъ подходитъ ко мнѣ и извинительно протягиваетъ мнѣ руку. Заключаю съ нимъ миръ, хотя убѣжденъ, что не на долго. Послѣ его удаленія Пальчинскій съ улыбкой мнѣ говоритъ: «Видишь ли, когда мнѣ нужно, я многое могу съ нимъ сдѣлать». Недоумѣваю.

Мое личное мнѣніе, что Керенскій просто на мнѣ сорвалъ свою злость за провалъ какой то его комбинаціи. Вѣроятнѣе всего, что уѣзжая на фронтъ, за нѣсколько дней до возстанія, онъ прекрасно зналъ о большевицкихъ планахъ и разсчитывалъ на то, что большевики изничтожатъ Совѣтъ, а тогда, покоривъ буйную столицу при помощи войскъ съ фронта, онъ вознесется во роли спасителя Отечества, отдѣлавшись отъ Совѣта и показавъ слабость Правительства (попутно и мою, конечно). Этотъ планъ я разрушилъ, покончивъ дѣло своими средствами. Тѣмъ не менѣе онъ, очевидно, захотѣлъ создать въ умахъ публики впечатлѣніе, будто онъ спасъ положеніе, и съ этой цѣлью заказалъ торжественную встрѣчу при участіи однихъ только фронтовыхъ войскъ. Но и тутъ я его невольно подвелъ.

Послѣ примиренія я ему показалъ его телеграмму съ постановленіемъ Правительства, такъ какъ онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, рѣшилъ, что я отмѣнилъ встрѣчу подъ давленіемъ Совѣта. Наконецъ, безпорядки не привели къ конфликту между мной и благоразумными элементами Совѣта, а на такой конфликтъ, какъ я уже упомянулъ, Керенскій давно въ тайникахъ своей души, навѣрно, надѣялся. Такимъ образомъ, изъ возстанія большеви-

ковъ ему ничего не очистилось, наоборотъ, городское населеніе скорѣе склонно поставить ему въ вину его отсутствіе изъ столицы во время безпорядковъ, неизбѣжность коихъ была ясна всякому.

Понятно, что онъ золъ, и послѣ меня испытать его ярость приходится Временному Правительству. На господъ Министровъ онъ оретъ такъ, что черезъ двѣ комнаты слышно, а между тѣмъ стѣны Штаба основательныя. Его крики неожиданно заглушаются звуками трубачей съ Дворцовой площади. Оказывается, проходитъ одинъ изъ прибывшихъ съ фронта полковъ, Ямбургскіе уланы. Мое кавалерійское сердце радуется. Несмотря на темноту, посылаю приказаніе полку остановиться передъ Штабомъ и построиться. Выхожу. Беру лошадь у одного изъ унтеръ-офицеровъ и объѣзжаю фронтъ, здороваясь съ эскадронами. Лицо командира въ темнотѣ не разобралъ, но нѣкоторыя ноты въ его голосѣ мнѣ кажутся знакомыми, и вдругъ узнаю въ немъ старѣйшаго пріятеля, бывшаго Конно-Гренадера, Скуратова. Кидаемся другъ другу на шею. Вскорѣ выходитъ Керенскій и говоритъ полку рѣчь, которую я, стоя на флангѣ, совершенно не слышу, какъ, впрочемъ, и большинство солдатъ. Полкъ уходитъ.

Возвращаюсь въ Штабъ, гдѣ усиленно проповѣдуется мысль о томъ, что нужно арестовать всѣхъ большевицкихъ руководителей. Присоединяюсь къ этой мысли, хотя убѣжденъ, что, въ конечномъ исходѣ, это ни къ чему не приведетъ, ибо Правительство никогда не сможетъ составить судилища, достаточно рѣшительнаго, чтобы воздать этимъ господамъ должное и расправиться съ ними такъ, какъ они бы съ нами расправились, а непродолжительный арестъ, сопровождаемый торжественнымъ освобожденіемъ, только послужитъ къ ихъ возвеличенію. Единственное правильное рѣшеніе было бы

покончить съ ними самосудомъ, что при данномъ настроеніи солдатъ и юнкеровъ очень легко устроить. Если бы дѣло касалось меня одного, я бы, конечно, ни минуты не задумался бы, даже зная, что потомъ пришлось бы навсегда поссориться и съ Правительствомъ и съ Совѣтомъ. Но не могу же я подвергнуть риску крупныхъ непріятностей своихъ ближайшихъ помощниковъ, а также исполнителей.

Все-таки, не безъ удовольствія, принимаю изъ рукъ Керенскаго списокъ 20-ти съ лишнимъ большевиковъ, подлежащихъ аресту, съ Ленинымъ и Троцкимъ во главѣ. Списокъ составленъ въ Штабѣ и одобренъ Правительствомъ. Балабинъ и Никитинъ торжествуютъ. Послѣдній имѣетъ очень точныя данныя о мѣстѣ нахожденія разныхъ большевиковъ и, хотя многіе, какъ извѣстно, удрали въ Кронштадтъ или въ Финляндію, однако списокъ городскихъ квартиръ, занятыхъ большевиками, довольно обширенъ. Балабинъ сейчасъ же разсылаетъ на автомобиляхъ офицеровъ съ юнкерскими конвоями. Офицеръ, отправляющійся въ Теріоки съ надеждой поймать Ленина, меня спрашиваетъ, желаю ли я получить этого господина въ цѣльномъ видѣ, или въ разобранномъ... Отвѣчаю, съ улыбкой, что арестованные очень часто дѣлаютъ попытки къ побѣгу.

Только что разсылка автомобилей закончилась, какъ Керенскій возвращается ко мнѣ въ кабинетъ и говоритъ, что арестъ Троцкаго и Стеклова нужно отмѣнить, такъ какъ они — члены Совѣта. Недурно! Особенно, если вспомнить, что мнѣ было поставлено въ вину чрезмѣрное уваженіе къ Совѣту. Отвѣчаю, что офицеры, коимъ поручены эти аресты, уже уѣхали и догнать ихъ нѣтъ возможности. Керенскій быстро удаляется и куда то уносится на

автомобилѣ. А на слѣдующій день Балабинъ мнѣ докладываетъ, что офицеръ, явившійся въ квартиру Троцкаго для его ареста, нашелъ тамъ Керенскаго, который мой ордеръ объ арестѣ отмѣнилъ. Куда дѣвались грозныя рѣчи Керенскаго о необходимости твердой власти! Лишній разъ убѣждаюсь, что у большевиковъ есть какой то таинственный способъ воздѣйствія на Керенскаго, болѣе могущественный, чѣмъ у Пальчинскаго.

Для характеристики того, какъ ведутся дѣла у Керенскаго въ Морскомъ Вѣдомствѣ, приведу слѣдующій образецъ: когда я обезоружилъ моряковъ въ Петропавловской крѣпости, явился ко мнѣ Лебедевъ, замѣститель Керенскаго по должности Морского Министра, и спросилъ, что я намѣренъ съ ними дѣлать. Отвѣчаю, что рѣшилъ ихъ отпустить на всѣ четыре стороны и что, по моимъ свѣдѣніямъ, они собираются возсѣсть на свои баржи и пароходы для возвращенія во свояси. Держать ихъ въ городѣ нѣтъ смысла: чѣмъ скорѣе они уберутся, тѣмъ лучше, и даже, быть можетъ, ихъ появленіе въ Кронштадтѣ, безъ оружія и со срамомъ, покажетъ тамошнимъ республиканцамъ несвоевременность дессантныхъ операцій противъ столицы при теперешнемъ настроеніи ея гарнизона.

Лебедевъ возражаетъ, что съ такой точкой зрѣнія онъ не согласенъ, и что онъ сейчасъ вызоветъ изъ Ревеля миноносецъ и потопитъ всѣхъ кронштадцевъ на пути домой. Отвѣчаю, что, если это ему удастся, я со своей стороны могу только искренне сочувствовать такому способу питанія рыбокъ Финскаго залива.

Но дѣло оказывается далеко не простымъ. Начинается съ того, что на безпроволочномъ аппаратѣ въ Адмиралтействѣ товарищъ-телеграфистъ отказывается передать шифрованную депешу, если ему

не сообщать ея содержаніе. Товарища выгоняютъ, а депешу передаетъ офицеръ. Но въ Ревелѣ, получившій ее товарищъ, поспѣшилъ въ комитетъ съ этимъ подозрительнымъ документомъ. Что произошло, мнѣ неизвѣстно. Кажется, офицеры, подъ страхомъ смертной казни, расшифровали въ присутствіи комитетчиковъ и содержаніе депеши стало извѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, несчастный Адмиралъ Вердеревскій не имѣлъ никакой возможности исполнить приказаніе. Но если бы миноносецъ и былъ бы посланъ, глубоко убѣжденъ, что онъ огня по Кронштадцамъ не открылъ бы. Мораль: по нынѣшнимъ временамъ, раньше, чѣмъ отдать приказаніе, нужно основательно взвѣсить шансы на его выполненіе, а то даромъ осрамишься.

Вмѣсто миноносца появилась депутація отъ флота, требовать отъ Лебедева объясненій по поводу его контръ-революціонныхъ дѣйствій. Онъ попросилъ меня депутацію арестовать, что и было исполнено. Затѣмъ появился на Невѣ крейсеръ «Аврора», — требовать объясненій по поводу ареста депутаціи, но безпечно присталъ къ Англійской набережной, послѣ чего всѣ товарищи на немъ легкомысленно завалились спать. Я отправился ночью съ Георгіевцами и юнкерами, занялъ набережную около крейсера, поставивъ два броневыхъ автомобиля въ такомъ положеніи, чтобы, въ случаѣ надобности, окатить пулеметами палубу крейсера и не позволить товарищамъ ни отчалить, ни открыть боевыхъ дѣйствій. Послѣ этого представители Морского Вѣдомства отправились къ нимъ для переговоровъ и все обошлось безъ кровопролитія.

Финалъ всего скандала, уже послѣ прибытія Керенскаго, принялъ неожиданную форму. Какъ-то рано утромъ пріѣхалъ ко мнѣ Лебедевъ и сооб-

щилъ, что Вердеревскій пріѣзжаетъ къ Керенскому для объясненій и что меня просятъ сдѣлать распоряженіе объ его арестѣ въ ту минуту, когда онъ будетъ выходить изъ кабинета Министра. Мнѣ приходится примѣниться къ обстоятельствамъ и признать приказаніе Керенскаго равносильнымъ Высочайшему повелѣнію, необходимому, по положенію, для ареста такого высокаго чина.

Наряжаю тактичнаго офицера изъ Штаба съ парой юнкеровъ, подписываю ордеръ, и адмиралъ, за неисполненіе приказанія Министра, попадаетъ въ Комендантское Управленіе... А Троцкій на свободѣ. Вмѣсто потопленія кронштадцевъ получилось только дальнѣйшее расшатываеніе власти и дисциплины.

Тѣмъ временемъ аресты большевиковъ даютъ Никитину обильную жатву. Къ сожалѣнію, офицеръ, ловившій Ленина, прибылъ въ Терріоки полъ часа послѣ того, какъ большевицкій герой бѣжалъ куда-то дальше. Однако, на дачѣ, гдѣ онъ передъ этимъ находился, оказался Стекловъ, который, ввиду такого очевидно-преступнаго сообщества, былъ «приглашенъ» въ Штабъ подъ конвоемъ для объясненій, но не арестованъ. Получивъ изъ Терріокъ донесеніе по телефону, ѣду къ Керенскому спросить, что дѣлать со знаменитымъ Нахамкесомъ? Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы его не арестовывать, а пригласить къ Штабъ прокурора для его допроса. Воздерживаюсь отъ личнаго участія и предоставляю все дѣло Балабину и Никитину. Въ штабъ прикатываетъ изъ Совѣта Чхеидзе съ двумя подручными, чтобы присутствовать при допросѣ. Это сильно подбадриваетъ Стеклова.

Сей нахалъ начинаетъ съ протеста противъ насильственнаго приглашенія въ Штабъ его, «представителя Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депута-

товъ всея Руси» (дословно), и вообще ведетъ себя крайне развязно. Однако, сильно сбавляетъ тонъ, когда Никитинъ ему напоминаетъ, что, по достовѣрнымъ, имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, онъ такого-то числа на заводѣ Леснера призывалъ рабочихъ къ вооруженному возстанію, а такого-то числа дѣлалъ то-же самое въ другомъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе, запуганный прокуроръ не рѣшается сдѣлать постановленіе объ его арестѣ, какъ зачинщика возстанія, и Балабину приходится его отпустить, а меня лишаютъ права производить аресты.

Въ бесѣдѣ съ Керенскимъ высняю дальнѣйшій планъ дѣйствій. Я хочу изъ частей, принимавшихъ участіе въ возстаніи, расформировать 1-ый пулеметный полкъ, Гренадеровъ и Московцевъ, а затѣмъ добраться до запасныхъ пѣхотныхъ полковъ. Потомъ, сплавивши всю дрянь изъ остальныхъ полковъ, зажить новой жизнью. Не говорю, конечно, о своей завѣтной мечтѣ, — добиться впослѣдствіи перевыборовъ въ Совѣтъ, намекнувъ солдатамъ, что Совѣтъ не можетъ являться выразителемъ мнѣнія гарнизона въ его новомъ, очищенномъ видѣ. Керенскій вдобавокъ настаиваетъ на расформированіи остальныхъ полковъ 2-ой дивизіи. Однако, я протестую, особенно въ отношеніи Павловцевъ. Памятуя, чѣмъ полкъ былъ въ старыя времена, сильно надѣюсь, что мнѣ удастся ихъ привести въ христіанскую вѣру. Керенскій съ моими доводами, наконецъ, соглашается.

Обсуждаемъ, куда дѣвать солдатъ, подлежащихъ вышибкѣ изъ столицы. Портить и безъ того разваливающійся фронтъ посылкой туда всей дряни — нежелательно. Предлагаю отправить ихъ на постройку Мурманской желѣзной дороги, но Якубовичъ въ концѣ концовъ что-то придумываетъ. Въ заключеніе, Керенскій настоятельно отъ меня тре-

буетъ расформированія броневого автомобильнаго отряда и отправки всѣхъ машинъ на фронтъ. Говорю, что это трудно, такъ какъ въ отношеніи ихъ придраться не къ чему: они во время возстанія вели себя очень корректно, хотя, конечно знаю, что они больше въ рукахъ Совѣта, чѣмъ въ моихъ. — Обѣщаюсь надъ этимъ вопросомъ подумать.

Возвращаюсь въ Штабъ, гдѣ ко мнѣ приходитъ Авксентьевъ и Гоцъ съ парой представителей Совѣта. Они меня просятъ сообщить новости. Говорю имъ о предстоящемъ расформированіи частей и не скрываю о намѣреніяхъ Керенскаго по отношенію къ броневикамъ, что ихъ приводитъ въ неописуемую тоску. Все равно убрать броневики безъ ихъ вѣдома немыслимо, а въ глубинѣ души разсчитываю, что мое сообщеніе о броневикахъ поведетъ къ конфликту между Керенскимъ и Совѣтомъ, послѣ чего, можетъ быть, наступитъ конецъ несносной двуличной политики обѣихъ сторонъ по отношенію другъ къ другу. Во всякомъ случаѣ, благоразумная часть Совѣта, столь честно мнѣ помогавшая, не сможетъ сказать, что я участвовалъ въ тайномъ заговорѣ противъ нихъ.

Приступаю къ расформированію 1-го пулеметнаго полка. Посылаю за командиромъ и вручаю ему приказъ о расформированіи. Онъ, кажется, не особенно опечаленъ. Требую, чтобы полкъ явился безъ оружія на Дворцовую площадь, а чтобы всѣ пулеметы и ручное оружіе было доставлено на двуколкахъ и сложено во дворѣ Зимняго Дворца. Оказывается, доблестные защитники революціи за время безпорядковъ потеряли что-то около 30-ти пулеметовъ, со времени же большевицкаго пораженія по ночамъ трепещутъ, ожидая ежечасно внезапнаго нападенія съ моей стороны, и выставляютъ ко

всѣмъ воротамъ сильные караулы съ пулеметами, а весьма многіе разбѣжались.

При такомъ настроеніи, естественно, что, получивъ мое приказаніе и промитинговавъ всю ночь, господа пулеметчики постановляютъ безпрекословно подчиниться моимъ требованіямъ. Устраиваю имъ торжественную встрѣчу, выстроивъ на одной сторонѣ площади нѣсколько эскадроновъ кавалеріи и самокатчиковъ отъ фронтовыхъ войскъ, а на другой — части 1-ой дивизіи. Обхожу войска, здороваюсь и принимаю впервые рапортъ отъ переформированнаго «Гвардіи резервнаго Преображенскаго полка».

Объяснивъ, что мы начинаемъ новую жизнь, я, обходя фронтъ, съ улыбкой придираюсь то къ растегнутой пуговицѣ, то къ плохо пригнанному поясу. У солдатъ физіономіи веселыя, настроеніе великолѣпное. Приходятъ пулеметчики, а за ними повозки съ имуществомъ. Изъ списочнаго состава 19 тысячъ оказалось налицо тысячъ 7-8. Казаки послѣ ухода полка, обшарили казармы и пригнали еще партію оставшихся. Окруженные строемъ войскъ, пулеметчики сконфуженно стоятъ у Александровской колонны. Пока идетъ сдача оружія, Комиссія по разбору безпорядковъ, составивъ нѣсколько мелкихъ подкомиссій, производитъ быстрый допросъ пулеметчиковъ по ротамъ, съ цѣлью выяснить картину участія полка въ возстаніи и задержать наиболѣе виновныхъ. Очевидно, главные зачинщики скрылись. Предвидя, что дѣло займетъ нѣсколько часовъ, совершаю маленькую прогулку верхомъ по городу, во время которой замѣчаю удивительный случай: два солдата стали мнѣ во фронтъ. Рагозинъ предлагаетъ ихъ арестовать, какъ контръ-революціонеровъ.

Что настроеніе въ войскахъ не понижается, яс-

но, напримѣръ, изъ такого факта: однажды поздно ночью мнѣ докладываютъ, что Конно-Артиллеристы арестовали въ Павловскѣ знаменитую Суменсонъ. легкомысленно поселившуюся гдѣ-то около ихъ казармъ, и привезли ее въ Штабъ, но желаютъ непремѣнно видѣть меня. Выхожу къ нимъ и вижу уныло сидящую въ углу г-жу Суменсонъ въ крайне печальномъ видѣ: вся въ синякахъ и кровоподтекахъ, лицо распухло, — словомъ, избитая до неузнаваемости.

Конно-Артиллеристы очень твердо, но со злобными нотами въ голосахъ, заявляютъ мнѣ, что они теперь не вѣрятъ ни Правительству, ни Совѣту, такъ какъ оба эти учрежденія только покровительствуютъ нѣмецкимъ шпіонамъ, а потому Гвардейская Конная Артиллерія рѣшила свою драгоцѣнную добычу передать лично мнѣ, крѣпко надѣясь на то, что я по крайней мѣрѣ не выпущу эту мерзавку на слѣдующій же день. Обѣщаюсь имъ, что, пока я стою у власти, она выпущена не будетъ, сердечно благодарю ихъ за правильное пониманіе долга и за оказанную моей контръ-развѣдкѣ услугу, но заканчиваю тѣмъ, что бабу такъ бить не слѣдовало бы. Вижу по солдатскимъ лицамъ, что госпожа Суменсонъ отдѣлалась, по ихъ мнѣнію, еще слишкомъ легко, а потому на этой подробности не настаиваю. Никитинъ принимаетъ арестованную вмѣстѣ съ найденнымъ въ ея квартирѣ чемоданомъ и, поблагодаривъ еще разъ артиллеристовъ ,отпускаю ихъ домой.

Въ 3 часа ночи ѣду въ Пересыльную тюрьму. Провѣряю караулъ. Потомъ убѣждаюсь въ наличіи госпожи Суменсонъ, заглянувъ въ дверное окошко ея номера: она спитъ безъ всякихъ одеждъ, — вдобавокъ, скинувъ одѣяло и, повидимому, солдатскіе кулаки оставили слѣды не только на ея лицѣ. Вер-

нувшись въ Штабъ, посылаю въ Павловскъ телеграмму, сообщая Конно-Артиллеристамъ порядокъ окарауливанія ихъ крестницы: пускай знаютъ, что къ данному обѣщанію я не отношусь легкомысленно.

Сообразуясь съ этими новыми вѣяніями въ казармахъ, я начинаю выпускать когти. Посылаю одну сотню казаковъ навѣстить товарищей-сорокалѣтнихъ на Семеновскомъ плацу. Этого оказывается вполнѣ достаточно и знаменитая республика ликвидируется во мгновеніе ока. Ея поданные быстро нагромождаются на поѣзда и исчезаютъ въ туманной дали, — куда? — не мое дѣло.

Потомъ приглашаю командира стрѣлковъ 3-го полка и предлагаю ему немедленно собрать всю его компанію въ Царскомъ Селѣ, удаливъ, такимъ образомъ, изъ столицы стрѣлковъ изъ Петропавловской крѣпости и изъ казармъ на Гороховой около Маріинскаго Дворца. Говорю, что прямыхъ доказательствъ ихъ участія въ возстаніи у меня нѣтъ, но большевицкія тенденціи ихъ мнѣ достаточно извѣстны, а потому сосредоточеніе ихъ въ здоровой атмосферѣ Царскосельскаго гарнизона будетъ имъ очень полезно. Такое распоряженіе, конечно, идетъ въ разрѣзъ съ точкой зрѣнія Совѣта на святость постановленія о невыводѣ изъ столицы войскъ участвовавшихъ въ революціи, но разъ, съ благословенія Правительства, я расформировываю нѣсколько полковъ за участіе въ возстаніи, никто изъ-за нѣсколькихъ ротъ ко мнѣ не придерется, а для очистки столицы отъ ненадежныхъ войскъ эта мѣра необходима.

Между прочимъ, въ 3-мъ стрѣлковомъ произошелъ любопытный случай: одинъ изъ офицеровъ, предсѣдатель солдатскаго комитета на Гороховой, торжественно принесъ мнѣ однажды резолюцію

стрѣлковъ — безпрекословно и свято, при всякихъ обстоятельствахъ, исполнять только мои приказанія. Послѣ возстанія выяснилось, что чуть ли не въ тотъ же день комитетъ Стрѣлковъ въ Петропавловской крѣпости вынесъ постановленіе о безпрекословномъ подчиненіи одному только Ленину, причемъ это постановленіе было написано рукой того же офицера, что и резолюція на Гороховой.

Будучи допрошенъ по поводу такого курьеза, находчивый юноша объяснилъ, что въ Петропавловской крѣпости онъ только присутствовалъ, и въ преніяхъ не участвовалъ, но что ввиду отсутствія грамотныхъ сочленовъ комитетъ попросилъ его записать постановленіе. Эта уловка не спасаетъ его отъ моего гнѣва, и онъ отправляется подъ арестъ въ Комендантское Управленіе вмѣстѣ съ другими офицерами, проявившими провокаторскія наклонности во время возстанія. Объ ихъ арестѣ, съ объясненіемъ причинъ, отдаю въ приказѣ по Округу.

Вообще тонъ приказовъ мѣняю рѣзко. Издаю одинъ, гдѣ требую большей аккуратности при несеніи караульной службы, говоря, что необходимо немедленно со всѣхъ постовъ скамейки, табуретки и «прочую дрянь» убрать; заканчиваю требованіемъ, чтобы солдаты ходили прилично одѣтыми и съ погонами, «дабы можно было во всякое время отличить солдата отъ бѣглаго арестанта».

Злые языки совершенно неосновательно рѣшили, что я намекаю на тужурку безъ погонъ, носимую Керенскимъ, но больше всѣхъ обидѣлся Кузьминъ, заявившій мнѣ, что среди арестантовъ бываютъ очень порядочные люди. Прошу его припомнить собственные его арестантскіе дни при старомъ режимѣ и спрашиваю, имѣлъ ли онъ тогда воинскій видъ. Сознается, что нѣтъ, и ничего пос-

лѣ этого не можетъ возразить противъ редакціи моего приказа.

Керенскій, слава Богу, на свой счетъ моихъ словъ не принялъ; наоборотъ, прислалъ ко мнѣ Якубовича съ выраженіемъ полнаго удовольствія по поводу моихъ приказовъ и обѣщаніемъ всякой поддержки, если я буду дѣйствовать столь энергично. Повидимому, въ Довминѣ они считаютъ словесныя и письменныя изверженія за истинное проявленіе дѣятельности.

Говорю, что подобные приказы я и передъ возстаніемъ могъ бы писать дюжинами, но тогда они бы не соотвѣтствовали настроенію, — никто бы ихъ не исполнялъ и я пріучилъ бы солдатъ смотрѣть на мои приказы, какъ на воззванія Временнаго Правительства. А теперь я убѣжденъ, что они будутъ прочтены и исполнены. За обѣщанную поддержку сердечно благодарю, и даже кончаемъ разговоръ объятіями, несмотря на то,что на младотурецкія совѣщанія у Пальчинскаго Якубовичъ больше не приглашается послѣ его двусмысленнаго поведенія по отношенію ко мнѣ въ дни возстанія.

Быть можетъ, Керенскій, дѣйствительно, одумался и съ нимъ можно будетъ работать. Слухи про нашу ссору распространились въ публикѣ, и коекакіе намеки появились въ газетахъ. По моему требованію, Кабинетъ Военнаго Министра написалъ оффиціальное опроверженіе, доказывая, что наоборотъ мною очень довольны. Но даже участіе Терещенка, повидимому, стало извѣстнымъ. Сужу по тому, что, совершивъ однажды поздно вечеромъ объѣздъ города на машинѣ броневого отряда, и при возвращеніи въ Штабъ, проѣзжая мимо фасада Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, я услышалъ изъ устъ автомобильнаго офицера забавное предложеніе: «А не прикажете ли выкатить пару бронe-

виковъ и хорошенько обстрѣлять это учрежденіе»? Отказываюсь отъ любезнаго предложенія.

Другой результатъ всѣхъ этихъ слуховъ проявился въ томъ, что какъ то ночью получаю таинственное приглашеніе на закрытое засѣданіе главарей казачьяго съѣзда на Надеждинской. Ничто же сумняшеся, ѣду. Они меня просятъ освѣтить имъ политическое положеніе. Говорю, что разъ засѣданіе келейно, то я могу по дружбѣ это сдѣлать, и весьма откровенно выкладываю имъ многое. Они очень благодарятъ, но, видимо, я на нихъ нагналъ нѣкоторую тоску. Очевидно, огромное большинство Керенскаго недолюбливаетъ, но послѣдніе его сторонники убѣждаются въ его непригодности на роли «спасителя Отечества». Кое-кто изъ болѣе горячихъ головъ говоритъ о необходимости грознаго протеста отъ лица всего казачества. Указываю на вѣроятную безполезность такого шага, соединенную съ опасностью попасть въ контръ-революціонеры, хотя, конечно, попытка не пытка. Мое всегдашнее мнѣніе таково, что въ столицѣ имъ нельзя ничего сдѣлать и что главная ихъ задача — охранять объединенное казачество отъ проникновенія большевизма. Представители молодежи, повидимому, ожидали отъ меня болѣе энергичнаго поощренія на рѣшительныя дѣйствія. Однако, разстаемся съ массой взаимныхъ любезностей.

Послѣ большевицкаго возстанія произошли перемѣны въ Правительствѣ. Керенскій вытурилъ Переверзева, не знаю въ точности, за что, быть можетъ, за обнародованіе шпіонскихъ документовъ, столь сильно скомпрометировавшихъ господъ большевиковъ. Во всякомъ случаѣ, я по телефону выражаю ему свои симпатіи, говоря, что вѣроятно и я самъ скоро уйду съ арены за борьбу съ темными силами. Объ уходѣ Князя Львова и вознесеніи

Керинскаго въ Предсѣдатели Совѣта я узналъ довольно страннымъ образомъ: вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ Прокуроръ Синода Львовъ и торжественно заявилъ: «Наша взяла». Никакъ я не могъ сначала уразумѣть, что сей государственный мужъ разумѣлъ подъ словами «наша», и былъ крайне удивленъ, выяснивъ, что побѣда Керенскаго соотвѣтствуетъ завѣтнымъ стремленіямъ Оберъ-Прокурора.

Въ связи съ перемѣной въ психологіи петроградскаго гарнизона очень было мнѣ любопытно наблюдать настроеніе войскъ, прибывшихъ съ фронта. Вскорѣ послѣ ихъ прихода, въ Преображенскомъ полку состоялось собраніе представителей всѣхъ полковыхъ комитетовъ, какъ фронтовыхъ войскъ, такъ и столичныхъ, куда я конечно поѣхалъ.

Совѣтъ прислалъ нѣсколькихъ изъ своихъ говоруновъ, которые привѣтствовали представителей вновь прибывшихъ войскъ и побесѣдовали на тему о демократическомъ единеніи, но вдругъ на трибуну взошелъ Алексинскій и, повернувшись къ кучкѣ членовъ Совѣта, началъ жестоко ихъ отчитывать, краснорѣчиво доказывая, что единенія быть не можетъ, и что мы Россію не спасемъ, пока Совѣтъ въ своей средѣ укрываетъ большевиковъ. Пускай изгонитъ изъ Таврическаго Дворца эти гнусные элементы, — тогда мы сможемъ протянуть Совѣту нашу руку для совмѣстной работы по установленію порядка на Руси. Пока это не сдѣлано всѣ рѣчи членовъ Совѣта онъ считаетъ лживыми и фальшивыми.

Рѣчь Алексинскаго вышла блестящей, и была покрыта такимъ дружнымъ громомъ рукоплесканій, что мое сердце возрадовалось, чувствуя близость минуты, когда можно будетъ подбить публику на перевыборы въ Совѣтъ, безъ опасенія на то, что

гнусные элементы опять въ него проскочатъ. Когда Алексинскій сходитъ съ трибуны, крѣпко жму ему руку. Господа совѣтчики пробуютъ ему возражать, но неубѣдительно, и ясно, что симпатіи слушателей не на ихъ сторонѣ. Потомъ я вхожу на трибуну и, подвергнувшись горячей овапіи, заявляю, что я пришелъ сюда съ цѣлью дать вновь прибывшимъ безпристрастное освѣщеніе происшедшихъ въ столицѣ событій, а потому прошу мнѣ задавать вопросы. Очень люблю этотъ способъ, всегда дающій вамъ правильное представленіе о томъ, чѣмъ ваша аудиторія заинтересована.

Въ данномъ случаѣ первымъ вопросомъ является слѣдующій: «На какія строевыя части столичнаго гарнизона я могъ вполнѣ разсчитывать передъ началомъ возстанія»? — Твердо отвѣчаю: — «На двѣ: 1-ый и 4-ый Донскіе казачьи полки». — Среди депутатовъ 1-ой дивизіи сильное волненіе, и одинъ изъ Преображенцевъ не выдерживаетъ, и встаетъ съ вопросомъ: «А мы»? — Обращаясь въ ихъ сторону и улыбаясь говорю: «Вы, друзья мои, Преображенцы, хорошо меня знаете, и я васъ знаю, изъ-за моего заявленія мы не поссоримся. Пожалуйста, скажите мнѣ совсѣмъ по совѣсти: если бы въ самомъ началѣ безпорядковъ я бы васъ вызвалъ съ приказаніемъ встрѣтить идущихъ къ Таврическому Дворцу большевиковъ и остановить ихъ огнемъ, могъ ли я быть совсѣмъ увѣренъ, что всѣ ваши роты выйдутъ на это дѣло безпрекословно»? Смущенное молчаніе является краснорѣчивымъ отвѣтомъ. — «Вотъ видите ли», — говорю я, и перехожу къ слѣдующему вопросу: «Какія части въ Петроградѣ присягали Временному Правительству»?. — Отвѣчаю: «Двѣ: 1-ый и 4-ый Донской казачьи полки». — Противъ этого факта никто возразить не можетъ. Фронтовые депутаты улыба-

ются. Всѣхъ остальныхъ вопросовъ не помню, но ясно одно, — что господа съ фронта относятся свысока къ петроградцамъ, кичась своей благонадежностью. Поэтому, раньше чѣмъ покинуть трибуну, произношу нѣсколько защитительныхъ словъ, оправдывая поведеніе столичныхъ войскъ особенностями ихъ бытовыхъ условій.

Фронтовыя войска сначала очень ретивы въ борьбѣ съ большевизмомъ, заманиваютъ въ казармы ораторовъ, гдѣ подвергаютъ ихъ избіенію и пр. Но не проходитъ и недѣли, какъ является Скуратовъ съ мольбой, поскорѣе отпустить его полкъ обратно на фронтъ, такъ какъ подъ вліяніемъ всякихъ агитаторовъ начался развалъ. Оказывается, что войска, прибывшія съ фронта, еще гораздо болѣе податливы къ вредной пропагандѣ, чѣмъ мои, привыкшія со дня революціи митинговать чуть ли не ежедневно и выслушивать всякихъ ораторовъ десятками. Большевизмъ — болѣзнь и вы можете быть болѣе или менѣе гарантированы отъ сюрпризовъ только съ войсками, переболѣвшими ею.

Однако, сюрпризами угощаютъ меня не только большевики. Совершенно неожиданно довольно злостный сюрпризъ мнѣ преподносятъ господа украинцы. Нужно замѣтить, что съ первыхъ же дней моего командованія въ Петроградѣ у меня съ ними установились отношенія хорошія. Началось съ просьбъ — во всѣхъ полкахъ сосредоточить украинцевъ въ извѣстныхъ ротахъ. Мнѣ такая идея понравилась въ предвидѣніи того, что самолюбивые хохлы заведутъ въ своихъ ротахъ такой порядокъ, что кацапамъ станетъ совѣстно. Но когда я объ этомъ заикнулся въ Довминѣ, Якубовичъ пришелъ въ ярость, доказывая мнѣ, что такая мѣра идетъ въ разрѣзъ съ точкой зрѣнія Правительства на украинскій вопросъ и что я не долженъ интересы

своего гарнизона ставить выше интересовъ государственныхъ. Тѣмъ не менѣе, я по секрету и на словахъ сообщилъ командирамъ положеніе вещей и разрѣшилъ неоффиціально образовывать украинскія роты, обязавшись, въ случаѣ скандала взять всю отвѣтственность на себя.

Малороссія оправдала мои надежды, и первая хохлацкая рота въ Царскомъ Селѣ постановила нести караульную службу по строгимъ правиламъ стараго устава и задолго до моего приказа убрала съ постовъ всѣ скамейки, часовые перестали курить и проч., а начальникъ гарнизона сталъ восторженно отзываться объ украинской дисциплинѣ.

Нѣкоторое время все шло благополучно. Потомъ разразился легкій скандалъ въ томъ же Царскомъ Селѣ, гдѣ очень большой процентъ гарнизона состоялъ изъ малороссовъ. Не удовлетворяясь формированіемъ ротъ, они задумали сосредоточиться въ одномъ изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, превративъ его цѣликомъ въ украинскій. Я съ этимъ не могъ согласиться, такъ какъ подобное переформированіе провести келейно было невозможно. А между тѣмъ слухи объ этой комбинаціи достигли Гатчины, гдѣ въ одной изъ вновь формируемыхъ для фронта артиллерійскихъ батарей, состоявшей почти исключительно изъ украинцевъ, всѣ они поголовно бѣжали въ Царское для поступленія въ украинскій стрѣлковый полкъ.

Приходится летѣть на автомобилѣ въ Царское, гдѣ на квартирѣ коменданта собираю главарей мѣстной рады. Если иногда бываетъ трудно урезонить великорусское собраніе, то малороссы, съ ихъ природнымъ упрямствомъ, представляютъ собой въ этомъ отношеніи матеріалъ еще гораздо болѣе непріятный. Въ Царскомъ дѣло затягивается на нѣсколько часовъ. Особенно упоренъ нѣкій корена-

стый и усатый стрѣлковый унтеръ, прозванный мною Гетманомъ Царскосельскимъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ формированіи первой украинской роты и теперь твердитъ, что я имѣлъ случай убѣдиться въ успѣшности перваго опыта, а потому долженъ согласиться на дальнѣйшую національзацію. Да кромѣ того Центральная Рада этого требуетъ.

Переговоры осложняются явнымъ сочувствіемъ офицерскаго состава, видящаго въ малороссахъ оплотъ для наведенія порядка. Однако, послѣ нѣкоторыхъ уступокъ съ обѣихъ сторонъ, продолжительныя пренія заканчиваются къ обоюдному удовольствію. Наступаетъ опять затишье въ украинскихъ дѣлахъ, а затѣмъ получается сюрпризъ, о коемъ я упомянулъ выше.

Какъ то утромъ мнѣ доносятъ изъ Семеновскаго полка, что маршевая рота, приготовленная къ отправкѣ на фронтъ для укомплектованія дѣйствующаго полка, задержана вслѣдствіе протеста украинцевъ. Я въ ярости, такъ какъ отправка маршевыхъ ротъ сильно помогаетъ разгрузкѣ столицы отъ лишнихъ войскъ, а кромѣ того полки 1-ой дивизіи никогда не жаловались на качество присылаемыхъ укомплектованій, какъ то неизмѣнно дѣлали полки 2-ой дивизіи. Поэтому задерживать притокъ свѣжихъ силъ въ 1-ую дивизію на фронтѣ, крайне нежелательно.

Ѣду къ Семеновцамъ, собираю полковой комитетъ и предлагаю украинцамъ объяснить, въ чемъ дѣло. Оказывается, они получили предписаніе отъ Петроградской Рады, являющееся послѣдствіемъ инструкціи изъ Кіева и заключающееся въ томъ, чтобы не допускать отправки на фронтъ солдатъ изъ украинцевъ до тѣхъ поръ, пока Правительство не согласится съ требованіями Центральной

Рады. Приготовленная къ отправкѣ рота Семеновцевъ заключаетъ въ своихъ рядахъ 30% украинцевъ, а потому они не могутъ допустить ея выѣзда изъ столицы. Меня лично они, молъ, очень любятъ и уважаютъ, но должны повиноваться требованіямъ Петроградской Рады.

Послѣ этого господамъ украинцамъ приходится выслушать довольно рѣзкую отповѣдь отъ нѣкоторыхъ русскихъ членовъ комитета, а затѣмъ я говорю, что разъ они сваливаютъ всю отвѣтственность на Петроградскую Раду, то я желаю потолковать съ этимъ учрежденіемъ и спрашиваю, когда оно собирается. Оказывается, будетъ засѣданіе сегодня же въ, 8 часовъ вечера въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Прошу предупредить Раду о моемъ посѣщеніи и удаляюсь, подвергнувшись, по обыкновенію, дружественной демонстраціи Семеновскаго комитета.

Ѣду въ Довминъ понюхать высшую политическую атмосферу. Узнаю, что у Правительства, дѣйствительно, сильный конфликтъ съ Центральной Радой, стремящейся чуть ли не къ полной автономіи, что кое-кто изъ Министровъ уже въ Кіевѣ переговаривается и что только что получена конфиденціальная телеграмма о достигнутомъ соглашеніи, причемъ конечно Правительство сильно сдало по всѣмъ пунктамъ, въ томъ числѣ и въ вопросѣ объ украинскихъ частяхъ: онѣ будутъ формироваться вездѣ и чуть ли не подъ наблюденіемъ военнаго секретаріата Рады, который будетъ сноситься со Штабами фронтовъ и Округовъ. — Недурно.

Я умиляюсь отъ такого постоянства во взглядахъ Правительства и радуюсь, что предугадалъ формированіе украинскихъ частей. Содержаніе телеграммы, конечно секретъ, пока весь составъ

Правительства не обсудитъ достигнутаго соглашенія, но результатъ предстоящаго обсужденія предугадать не трудно. Намотавъ все это себѣ на усъ, ѣду вечеромъ въ засѣданіе Рады.

Собирается человѣкъ 10-15 главарей, повидимому, составляющихъ исполнительный комитетъ, и я излагаю имъ свою точку зрѣнія. Говорю, что я всегда былъ сторонникомъ единоплеменности въ составѣ войсковыхъ частей, что провоевавъ на фронтѣ съ кавказскими туземцами, еще тверже убѣдился въ правильности такой системы, а потому, прибывъ въ Петроградъ, я поддержалъ идею формированія украинскихъ частей, независимо отъ какихъ либо политическихъ теченій. Такимъ образомъ я тогда имъ оказалъ услугу, вопреки ясно выраженному желанію Правительства, а теперь я у нихъ прошу услуги, не задерживать отправки укомплектованій на фронтъ, даже если это не вполнѣ соотвѣтствуетъ желаніямъ Центральной Рады. Прибавляю къ этому, что хотя я прошу оставить вопросъ, такъ сказать, въ плоскости моихъ личныхъ отношеній съ ними, однако думаю, что имъ не придется раскаяться исполнивъ мою просьбу, такъ какъ у меня имѣются точныя свѣдѣнія, заставляющія ожидать въ самые ближайшіе дни благополучнаго окончанія конфликта между Правительствомъ и Центральной Радой. Послѣ этого говорю, что имъ вѣроятно удобнѣе будетъ обсудить вопросъ безъ меня, и ухожу въ сосѣднюю комнату, гдѣ болтается масса всякихъ хохловъ.

Черезъ нѣсколько минутъ выходятъ члены комитета и объявляютъ, что они рѣшили, ввидѣ особаго исключенія, нарушить требованіе Центральной Рады и исполнить мое желаніе объ отправкѣ Семеновской роты. Благодарю и остаюсь у нихъ еще съ полчаса для дружескаго собесѣдованія.

Между прочимъ, много отъ хохловъ мнѣ приходится слышать о Якубовичѣ, котораго они ругаютъ нещадно, говоря, что пока онъ не былъ товарищемъ министра, Рада не имѣла болѣе дѣятельнаго сотрудника, чѣмъ онъ, а что теперь, вознесясь, онъ не только пересталъ имъ помогать, но даже всячески душитъ ихъ самыя естественныя стремленія. Стараюсь имъ доказать, что товарищу министра, въ интересахъ дѣла, приходится жертвовать узконаціональными воззрѣніями для болѣе широкихъ государственныхъ идеаловъ. Однако, мои доводы въ защиту Якубовича производятъ мало впечатлѣнія. Потолковавъ съ украинцами, возвращаюсь въ Штабъ. Сообщаю Семеновцамъ постановленіе Рады, и на слѣдующее утро рота благополучно отправляется, что и требовалось доказать.

Послѣ подавленія большевицкаго возстанія буржуи подняли голову. Подписка въ пользу семей убитыхъ во время безпорядковъ дала болѣе 200 тысячъ рублей, такъ что каждая вдова получила около 30 тысячъ. Говорятъ, многія жены на Дону молятъ Бога о продолженіи безпорядковъ въ столицѣ. Насколько помню, инициатива подписки исходила изъ Экономическаго клуба, ставшаго мѣстомъ партіи к.д. (испуганныхъ интеллигентовъ). Зашевелился и старый комитетъ Государственной Думы, пытающійся доказать, что Правительство Керенскаго — учрежденіе незаконорожденное, ибо, въ противуположность Кабинету Князя Львова, оно сформировано безъ санкціи Думы. А до созыва Учредительнаго Собранія нужно считать Думу единственнымъ законнымъ представительнымъ собраніемъ въ Россіи, но объ ея существованіи всѣ позабыли.

Большевики тоже не дремлютъ. Оправившись отъ страха и видя, что Правительство склонно съ

ними деликатничать, они опять подняли голову. Готовя новый скандалъ, они, повидимому, хотятъ сначала полонить Совѣтъ, но не вооруженной силой, а мирнымъ проникновеніемъ. Число представителей, какъ въ рабочей секціи, такъ и въ солдатской, переходящихъ на сторону большевиковъ, все увеличивается. Причины такого явленія мнѣ не совсѣмъ ясны: не знаю, кроются ли онѣ въ неудовольствіи Правительствомъ, или просто въ нѣмецкихъ деньгахъ. Начинаю унывать, такъ какъ хорошимъ настроеніемъ въ войскахъ нужно пользоваться безъ промедленія, а очистить Совѣтъ путемъ перевыборовъ можно, если Правительство быстро разберетъ дѣло возстанія и круто расправится съ зачинщиками. Однако, шансовъ на такой исходъ мало, а между тѣмъ, если не заткнуть глотку Троцкому, солдаты скоро придутъ къ убѣжденію, что разъ онъ не пострадалъ за возстаніе, значитъ, онъ правъ.

Большевики сильно работаютъ и противъ меня, доказывая мою жестокость и контръ-революціонность. Пока эта пропаганда въ хорошихъ полкахъ не производитъ впечатлѣнія, но если не реагировать, какія могутъ получиться послѣдствія въ ближайшемъ будущемъ? Многіе меня подбиваютъ дѣйствовать безъ поддержки Правительства и даже наперекоръ его желаніямъ, но на это я отнюдь не согласенъ. Довольно и безъ того безпорядка.

При такихъ условіяхъ мнѣ скорѣе слѣдуетъ благодарить судьбу за то, что получился разрывъ между Керенскимъ и мною и наступилъ конецъ моей дѣятельности въ Петроградѣ, а произошло это слѣдующимъ образомъ.

Однажды поздней ночью получаю приглашеніе немедленно прибыть въ Маріинскій Дворецъ. Пріѣзжаю, Правительство засѣдаетъ, и меня просятъ

подождать. Нахожу генерала Апушкина, тоже ожидающаго. По протекціи старыхъ дворцовыхъ лакеевъ получаю чай и бесѣдую съ Апушкинымъ. Оказывается, что послѣ позорныхъ скандаловъ на фронтѣ, когда Корниловъ приказалъ разстрѣливать бѣглецовъ, Правительство, скрѣпя сердце, рѣшило наконецъ поступиться своими завѣтными идеалами и попросило Апушкина, какъ главу Военно-Суднаго Управленія, заготовить проектъ введенія смертной казни на фронтѣ для нарушителей военнаго долга. Проектъ готовъ и Апушкинъ принесъ его для прочтенія. Между прочимъ, ввиду того, что Петроградъ по закону считается на театрѣ военныхъ дѣйствій, генералъ предлагаетъ и въ столицѣ примѣнять смертную казнь за вооруженное возстаніе, какъ на фронтѣ. Радуюсь, но сомнѣваюсь, чтобы прошло. Апушкина скоро просятъ въ засѣданіе Правительства. Остается онъ тамъ сравнительно недолго и, выходя, разводитъ руками. Оказывается, проектъ его забраковали. Попросили передѣлать на болѣе мягкій тонъ, а про смертную казнь въ столицѣ и слышать не хотятъ. Значитъ, послѣдняя надежда на укрощеніе большевиковъ пропала.

Засѣданіе кончено, члены Правительства расходятся, а Керенскій отводитъ меня къ углу стола, гдѣ усаживаемся втроемъ съ Якубовичемъ, и обращается ко мнѣ съ заявленіемъ, что онъ мнѣ не можетъ больше довѣрять, такъ какъ его распоряженіе объ отправкѣ на фронтъ броневыхъ автомобилей стало извѣстнымъ членамъ Совѣта (кажется, ему здорово попало отъ Чхеидзе). Хотѣлось бы возразить, что безъ вѣдома Совѣта довольно трудно было бы убрать броневики, но молчу. Керенскій продолжаетъ, говоря, что публика возмущена контръ-революціонными пріемами, примѣня-

емыми къ арестованнымъ въ моемъ Штабѣ (это я предвидѣлъ, но до сихъ поръ не могъ изъ Штаба выселить Правительственную комиссію), а затѣмъ онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что вообще онъ недоволенъ моею дѣятельностью и съ улыбкой прибавляетъ: «Да, кажется, и Вы недовольны мною за недостаточное уваженіе къ Совѣту». — Ввиду этого онъ меня проситъ подать ему рапортъ съ пожеланіемъ быть переведеннымъ на фронтъ. Отказываюсь, и прошу меня отпустить въ отставку, но онъ на это не соглашается, говоря, что мои военные таланты необходимо примѣнить на фронтѣ. Можетъ быть, онъ боится, что уйдя въ отставку, я погружусь въ политику и его подведу. Сторговываемся на томъ, что я буду отчисленъ въ распоряженіе Военнаго Министра и возьму отпускъ для весьма необходимаго отдыха. Что же касается назначенія на фронтъ, то по моему мнѣнію это касается Верховнаго Главнокомандующаго, а поэтому говорю, что по этому вопросу я съ Главнокомандующимъ переговорю лично. Разговоръ конченъ. Выходимъ.

Якубовичъ меня увѣряетъ, что онъ ничего объ этомъ не зналъ и что для всѣхъ явилось полнымъ сюрпризомъ заявленіе Керенскаго въ засѣданіи Правительства, что онъ рѣшилъ меня отправить на фронтъ, а на мое мѣсто назначить Эрдели.

Отвѣчаю, что мнѣ лично очень пріятно уйти отъ столичныхъ дрязгъ, обидно только ставить крестъ на результатѣ моей двухмѣсячной работы, и незавидно будетъ положеніе моего преемника, которому придется начинать все дѣло съ начала и добиваться довѣрія войскъ при весьма сложной обстановкѣ. Въ передней Маріинскаго Дворца, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ, покидаю, надѣюсь, навсегда, «совѣтъ нечестивыхъ», именуемый Временнымъ Правительствомъ.

Ѣду въ Штабъ для нѣкоторыхъ спѣшныхъ распоряженій въ связи съ моимъ уходомъ. Необходимо, напримѣръ, отмѣнить назначенный на утро смотръ Николаевскому Кавалерійскому Училищу. Эти молодцы, оказывается, на меня въ обидѣ, что я ихъ не примѣнилъ во время возстанія. Хотѣлъ ихъ подбодрить и объяснить, что всегда считалъ ихъ своимъ послѣднимъ и самымъ надежнымъ резервомъ, къ которому, слава Богу, не пришлось прибѣгнуть. Есть и другія мелочи, о которыхъ нужно позаботиться.

Въ Штабѣ извѣстіе о моемъ уходѣ производитъ сильное впечатлѣніе: публика волнуется, нѣкоторыя горячія головы предлагаютъ немедленно арестовать Правительство, убить Керенскаго, меня объявить диктаторомъ и т. д.

Рагозинъ предлагаетъ свои услуги съ тѣмъ, чтобы немедленно поѣхать къ Керенскому, якобы съ срочнымъ порученіемъ изъ Штаба, и его застрѣлить... Прошу всѣхъ успокоиться и, видя, что больше всѣхъ кипятится Паршинъ, предлагаю ему для охлажденія прокатиться со мной на автомобилѣ. Несмотря на поздній часъ, везу его къ Пальчинскому, въ твердомъ убѣжденіи, что сей мудрецъ найдетъ подходящее направленіе для взволнованныхъ страстей, губительное вліяніе коихъ начинаетъ даже во мнѣ поселять сомнѣніе въ правильности моего непротивленія злу. Вытаскиваемъ оракула изъ кровати, усаживаемся, и Паршинъ начинаетъ съ жаромъ доказывать необходимость государственнаго переворота.

Пальчинскій его хладнокровно выслушиваетъ, а потомъ отвѣчаетъ: — «Иначе говоря, ты желаешь видѣть Петра Александровича въ роли генерала на бѣлой лошади. А я тебѣ скажу, что онъ для этой роли совершенно не годится и главнымъ образомъ

потому, что онъ самъ этого не хочетъ». — Паршинъ убѣжденъ. А я добавляю, что мое диктаторство, при самыхъ удачныхъ условіяхъ, вѣроятно, недѣли черезъ двѣ закончилось бы преждевременной насильственной кончиной и не меня одного, а многихъ.

Все равно пользы отъ переворота не будетъ, ибо если ликвидировать Совѣтъ, то нужно ликвидировать и Правительство, а если я захвачу власть и сформирую свое правительство, то нужно сговариваться со Ставкой. По частнымъ же свѣдѣніямъ изъ Ставки, знаю, что на Брусилова разсчитывать нечего; наоборотъ, онъ меня объявитъ контръ-революціонеромъ, и двинетъ на меня войска съ фронта, а въ гражданской войнѣ шансы не на моей сторонѣ. Во-первыхъ, будетъ несомнѣнно желѣзнодорожная забастовка, а продовольствія у меня въ столицѣ на 10 дней, во-вторыхъ, изъ 300-тысячнаго гарнизона я могу разсчитывать на 5, остальныхъ большевики немедленно поднимутъ противъ меня. Кромѣ того, не особенно красиво затѣвать гражданскую войну, когда война на фронтѣ не закончена. Да, наконецъ, во имя чего? Единственные лозунги, за которыми публика сейчасъ пойдетъ, это лозунги большевиковъ и, главнымъ образомъ, «долой войну», а подъ этотъ девизъ становиться никакъ не могу. Словомъ, несмотря на всю заманчивость такого предпріятія, приходится отъ него отказаться.

Возвращаюсь въ Штабъ. Узнаю, будто кто-то собирается у Преображенцевъ на Милліонной собрать представителей полковыхъ комитетовъ и подбить ихъ на какія то насильственныя мѣры. Посылаю туда офицера предъявить, въ случаѣ надобности, категорическое требованіе отъ меня успокоиться.

На слѣдующій день приходится провести нѣкоторое время въ Штабѣ, заканчивая свои дѣла. Отдаю приказъ о сдачѣ временнаго командованія Кузьмину (верхъ революціонности — поручикъ будетъ командовать Округомъ), пишу очень корректный прощальный приказъ и т. д. Между прочимъ, задумываюсь надъ представленіемъ командира 1-го Донского полка Троилина къ производству въ генералъ-майоры. Если Керенскій получитъ ходатайство за моей подписью, то онъ еще способенъ, пожалуй, упереться. Поэтому предлагаю Кузьмину подписать представленіе и повезти лично къ Керенскому, гдѣ объяснить на словахъ заслуги Троилина во время безпорядковъ, а также, что его производство несомнѣнно произведетъ среди казаковъ впечатлѣніе благопріятное для Керенскаго. Уловка удается, и въ тотъ же день поздравляю Троилина съ генеральскимъ чиномъ.

Много труда встрѣчаю въ отбитіи атакъ любопытныхъ газетчиковъ, стремящихся узнать причины моего ухода. Прошу ихъ успокоиться, поменьше объ этомъ писать, и отказываюсь сообщить что бы то ни было, находя, что безполезные газетные пересуды о недоразумѣніяхъ между Керенскимъ и мною только внесутъ лишнее смятеніе въ обывательскіе умы и безъ того взволнованные.

Встрѣчаю на лѣстницѣ въ Штабѣ «Гетмана Церскосельскаго». Онъ съ хитрой улыбкой мнѣ говоритъ, что, кажется, Рада потребуетъ отправки всѣхъ украинскихъ частей въ Малороссію для ея защиты. Напоминаю ему мое основное условіе, поставленное при самомъ началѣ формированія украинскихъ ротъ, что я на это дѣло соглашаюсь только если украинцы обѣщаются никогда не поднимать вопроса объ уводѣ этихъ ротъ на родину, такъ какъ я ихъ желаю имѣть въ столицѣ въ роли

образцовыхъ и надежныхъ частей. «Гетманъ» не безъ остроумія мнѣ возражаетъ, что это былъ договоръ украинцевъ лично со мной, а что теперь, разъ я уже больше не Главнокомандующій войсками Округа, они считаютъ себя свободными отъ всякихъ обязательствъ. Ловко.

Чрезвычайно трогательно выходитъ мое прощанье съ чинами Штаба. Они всѣ собираются въ большой пріемной, говорятъ тепло и задушевно, у нѣкоторыхъ на глазахъ слезы. Горячо ихъ благодарю, и прошу не слишкомъ принимать къ сердцу мой уходъ, такъ какъ въ тяжелыя минуты, переживаемыя Россіей, нужно работать, не покладая рукъ и не позволяя чувствамъ личныхъ симпатій или антипатій вліять на общую пользу дѣла.

Покончивъ дѣла въ штабѣ, задумываюсь надъ тѣмъ, кому слѣдовало бы сдѣлать прощальные визиты и рѣшаю посѣтить только двухъ лицъ, — Родзянко и Чхеидзе, какъ представителей власти законной и власти фактической. Что же касается членовъ Правительства, предоставляю Церкви возглашать имъ многолѣтіе, безъ уразумѣнія той иронiи, которая заключается въ парадоксальномъ противорѣчіи самихъ словъ: «Многая лѣта «временному» Правительству».

Ѣду въ Таврическій Дворецъ, гдѣ нахожу Чхеидзе. При прощаніи онъ мнѣ очень горячо жметъ руку съ пожеланіемъ всякихъ успѣховъ въ будущемъ. Послѣ этого заѣзжаю на Фурштадтскую къ Родзянкѣ. Не нахожу его дома. Оставляю карточку и возвращаюсь во свояси, но не проходитъ и часа, какъ Родзянко пріѣзжаетъ ко мнѣ. Въ продолжительной бесѣдѣ излагаю ему всѣ свои злоключенія и печальныя наблюденія, сводящіяся къ тому, что я готовъ былъ всячески Керенскаго поддержать въ надеждѣ на то, что онъ спасетъ Россію, но теперь убѣдил-

ся въ полной его непригодности на такую роль. — Онъ не умѣетъ разбираться въ людяхъ, плохо ориентируется въ настроеніяхъ массъ, особенно солдатскихъ, не имѣетъ достаточно дипломатическаго такта, чтобы скрывать своего двуличія, къ сожалѣнію, иногда необходимаго на политическомъ поприщѣ, и наконецъ за послѣднее время слишкомъ, повидимому, занятъ мыслью о собственномъ величіи. Его слишкомъ очевидное и честолюбивое стремленіе стать самодержавнымъ диктаторомъ понемногу охлаждаетъ симпатіи даже самыхъ горячихъ его сторонниковъ. Словомъ, для управленія страной недостаточно одного только краснорѣчія, хотя бы и выдающагося.

Родзянко, знающій лучше меня внутреннее состояніе Россіи, еще болѣе пессимистиченъ, предвидитъ колоссальный развалъ и кончаетъ наше собесѣдованіе совѣтомъ мнѣ ѣхать на Донъ къ Каледину, говоря, что единственная надежда на спасеніе въ Новочеркасскѣ, куда и онъ самъ расчитываетъ скоро переселиться. — Отвѣчаю, что этотъ совѣтъ буду имѣть въ виду, но теперь хочу немного отдохнуть въ деревнѣ, ибо чувствую себя страшно измотаннымъ послѣ двухмѣсячной петроградской трепки. Прощаемся очень сердечно. Родзянко уѣзжаетъ.

Получаю дружеское предостереженіе изъ прокурорскихъ круговъ, будто Керенскій собирается меня арестовать, вѣроятно, въ связи съ выступленіемъ въ Штабѣ, происшедшемъ ночью при извѣстіи о моемъ уходѣ. Считаю его вполнѣ способнымъ на такую пакость, хотя бы съ цѣлью дискредитировать меня въ солдатскихъ умахъ, обвиненіемъ въ контръреволюціонности. Поэтому, получивъ по телефону приглашеніе отъ Великаго Князя Михаила Александровича обѣдать у него, такъ какъ, молъ я теперь не являюсь больше оффиціальнымъ лицомъ,

принужденъ отвѣтить, что совмѣстная трапеза, къ сожалѣнію, нежелательна, ибо можетъ навлечь непріятныя послѣдствія не только на меня, но и на Его Высочество.

Рѣшаю уѣхать 15-го іюля. Въ этотъ день какъ разъ назначены торжественныя похороны казаковъ, убитыхъ во время возстанія. Мнѣ не хочется быть въ столицѣ во время этой церемоніи, такъ какъ съ одной стороны, при моей дружбѣ съ казаками, мнѣ неудобно отсутствовать, а съ другой, совершенно не желаю встрѣчаться съ Керенскимъ и его приспѣшниками. Поэтому наканунѣ вечеромъ заѣзжаю въ Исаакіевскій соборъ, гдѣ возлагаю вѣнокъ около казачьихъ гробовъ и объясняю офицерамъ, что уѣзжаю завтра утромъ. Изъ этихъ похоронъ Правительство устраиваетъ грандіозную манифестацію (своей силы, что ли?): участвуютъ эскадроны и роты отъ всѣхъ частей гарнизона, депутаціи и проч. Похороны погибшихъ Конно-Артиллеристовъ произошли ранѣе въ Павловскѣ при моемъ участіи съ меньшимъ торжествомъ, но съ большей задушевностью.

Утромъ 15-го отъѣзжаю отъ Штаба на автомобилѣ. Для прощальныхъ почестей выстроенъ караулъ отъ Литовцевъ и самовольно прибывшіе юнкера Николаевскаго училища. Говорю нѣсколько теплыхъ словъ и, облобызавъ Балабина, укатываю. На Гороховой встрѣчаю Семеновцевъ, идущихъ на казачьи похороны. Обращаюсь къ нимъ: «Прощайте, друзья Семеновцы», и получаю въ отвѣтъ симпатичное: «Счастливаго пути». Вспоминаю, какъ 2 мѣсяца тому назадъ первое привѣтствіе мнѣ въ столицѣ исходило отъ почетнаго караула тѣхъ же Семеновцевъ.

Ѣду въ Лугу и водворяюсь на мирное житье у береговъ Череменецкаго озера.

Предаюсь животному существованію: ѣмъ, сплю,

гуляю подъ древними березами, а по вечерамъ гляжу на старые портреты, стараясь угадать, что подумалъ бы, напримѣръ прадѣдъ Андрей Петровичъ, если бы могъ увидѣть судьбу своего потомка.

Иногда пріѣзжаютъ съ новостями изъ города, то Рагозинъ, то Масленниковъ, отецъ коего, между прочимъ, въ собраніи членовъ Государственной Думы произнесъ рѣчь, критикуя Правительство Керенскаго, и говоря, что я пострадалъ за то, что подавилъ большевиковъ. Оказывается, теперь Правительство вмѣсто борьбы съ большевицкой опасностью, усердно занялось болѣе легкимъ дѣломъ подавленія несуществующей контръ-революціи. Особенно старается Кузьминъ, совершающій массу безтактностей — сначала, при арестѣ Гурко, за письмо написанное имъ Царю послѣ отреченія, затѣмъ при домашнемъ арестѣ Великаго Князя Павла Александровича, съ приставленіемъ караула, и т. д. Кузьминъ же производитъ разслѣдованіе по поводу происшествій въ Штабѣ, когда узнали ночью о моемъ уходѣ. Но дѣло кончается ничѣмъ. Забавенъ разсказъ Рагозина о томъ, какъ Кузьминъ въ день похоронъ казаковъ объѣзжалъ войска у Исаакіевскаго собора, ухитрившись приблизиться такъ, что никто его не замѣтилъ, и здороваясь съ спѣшенными сотнями, стоявшими «вольно».

Эрдели отъ командованія петроградскими войсками благоразумно отказался, и Керенскій вышелъ изъ затрудненія, назначивъ Васильковскаго, физіономія коего ему понравилась во время пріема депутаціи Георгіевскихъ Кавалеровъ. Одно у Васильковскаго преимущество, что онъ родственникъ Балабина и, можетъ быть, будетъ поэтому его слушаться.

На фронтѣ тѣмъ временемъ произошли историческіе скандалы у Калуша и Тарнополя. Керенскій,

разочаровавшись въ Брусиловѣ, вышибъ его еще гораздо болѣе безцеремонно, чѣмъ меня. Правительство ухватилось за Корнилова, желая назначить его Верховнымъ Главнокомандующимъ, но онъ поставилъ условіемъ введеніе смертной казни и проч. Министры разругались. Керенскій обидѣлся и уѣхалъ въ Финляндію. Россія на нѣсколько дней осталась безъ главы Правительства и безъ Верховнаго Главнокомандующаго. Потомъ все уладилось, условія Корнилова были приняты, назначеніе его состоялось, и Керенскій, подобно Борису Годунову, милостиво вернулся къ своимъ присмирѣвшимъ боярамъ. Онъ, повидимому, вообще собирается идти по стопамъ этого знаменитаго авантюриста. Весьма характерно переселеніе въ Зимній Дворецъ, въ царскіе покои, хотя Рагозинъ увѣряетъ, что я являюсь виной этому, такъ какъ, благодаря мнѣ, центръ событій перенесся на Дворцовую площадь, и что Керенскій это учелъ. Достовѣрно одно, что онъ самъ шутитъ надъ своей подписью, которую изъ-за торопливости сократилъ до одной буквы «К» съ неопредѣленнымъ хвостикомъ. Теперь онъ говоритъ, что «А. К.» очень похоже на «Александръ IV». Его адьютанты стали носить аксельбанты по образцу флигель-адьютантскихъ, а одинъ изъ нихъ, говоря про флаги, недавно заявилъ, что Керенскому такъ «эти красныя тряпки» надоѣли, что онъ хочетъ Андреевскій флагъ сдѣлать національнымъ. Красная тряпка на Зимномъ Дворцѣ при каждомъ отъѣздѣ Керенскаго изъ города опускается, какъ въ былые дни Императорскій Штандартъ, и голый флагштокъ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи Хозяина Земли Русской изъ столицы.

Красная тряпочка на автомобилѣ Керенскаго замѣнена флагомъ Морского Министра. Все это, конечно, мелочи, но мелочи знаменательныя. А ес-

ли вѣрить сплетнямъ, то новый Борисъ Годуновъ подыскиваетъ себѣ Ирину. Скоропалительно состоялся его разводъ съ женой, которая, по слухамъ, ругаетъ его на всѣхъ перекресткахъ, говоря, что небось пока онъ былъ скромнымъ присяжнымъ повѣреннымъ, такъ и она была хороша, а теперь и т. д. Встрѣтилъ ее разъ за чаемъ у Кузьмина, видъ у нея невеселый. Послѣ развода всѣ ожидали, что онъ женится на артисткѣ Тиме, къ которой, повидимому, питалъ нѣжныя чувства, но это не произошло. Наоборотъ, госпожа Тиме пропечатала въ газетахъ негодующее опроверженіе подобнымъ слухамъ. Теперь получаются туманныя свѣдѣнія, будто Керенскій совѣщался съ Оберъ-Прокуроромъ Синода о возможности его брака съ одной изъ Царскихъ дочерей. Привожу эти сплетни, чтобы показать, въ какомъ направленіи работали обывательскіе языки.

Когда, въ довершеніе всѣхъ мѣръ противъ контръ-революціи, состоялась отправка Царя съ семействомъ въ Тобольскъ, будто бы вмѣстѣ съ тѣмъ для большей ихъ безопасности, Керенскій на прощанье сказалъ Царю, что, вѣроятно, въ декабрѣ ему можно будетъ вернуться. Опять таки, если вѣрить слухамъ, Керенскій увѣренъ въ томъ, что Учредительное Собраніе возложитъ на его главу президентскій цилиндръ, который можно будетъ легко замѣнить Шапкой Мономаха, особенно, породнившись съ Царской Семьей.

КОРНИЛОВЩИНА.

Пробывъ въ деревнѣ около двухъ недѣль, вернулся въ Петроградъ въ послѣднихъ числахъ іюля и сразу слегъ отъ какой то желудочной компликаціи. Провалялся съ недѣлю въ постели. Навѣщавшіе меня младотурки ничего утѣшительнаго не сообщили.

Внутренняя политика продолжаетъ пребывать въ хаотическомъ состояніи, но всѣ взоры обращены на фронтъ въ надеждѣ, что Корниловъ спасетъ положеніе.

Между прочимъ, заходитъ ко мнѣ Смольяниновъ, работавшій въ первые дни революціи въ Военной Комиссіи, а потомъ засѣдавшій въ Думинѣ, гдѣ Гучковъ ему поручилъ вѣдать прессой. Послѣ ухода Гучкова его положеніе, какъ представителя «Новаго Времени», стало въ Думинѣ довольно непріятнымъ, и онъ уѣхалъ на фронтъ, гдѣ командовалъ саперной ротой въ арміи у Корнилова, съ которымъ у него установились очень хорошія отношенія. Теперь онъ собирается въ Ставку для устройства какихъ то личныхъ дѣлъ. Рѣшаемъ ѣхать вмѣстѣ, и 5-го августа садимся въ штабной вагонъ, охраняемый старыми жандармами изъ Ставки, получившими какое то новое наименованіе и одѣвшими желтые погоны.

На слѣдующій день съ большимъ опозданіемъ пріѣзжаемъ въ Могилевъ. На вокзалѣ сутолока.

Встрѣчаю Замойскаго, уѣзжающаго въ Кіевъ, и многихъ изгнанниковъ, болтающихся въ Ставкѣ въ ожиданіи Корниловскихъ милостей. Ѣду въ Штабъ, гдѣ захожу къ Лукомскому. Онъ считаетъ, что для меня самымъ естественнымъ назначеніемъ было бы командованіе кавалерійскимъ корпусомъ, но рекомендуетъ поговорить лично съ Корниловымъ.

Отправляюсь къ Голицыну, лично состоящему при Верховномъ и, кажется, пользующемуся особымъ его довѣріемъ. Встрѣчаетъ онъ меня чрезвычайно радушно. Толкуемъ на политическія темы. Общій выводъ, который и слѣдовало ожидать въ этомъ домѣ, таковъ, что единственное спасеніе Отечества заключается въ Корниловѣ. Въ подтвержденіе этого мнѣ показываютъ телеграммы, получаемыя со всѣхъ концовъ Россіи. Вскорѣ Голицынъ отправляется къ Корнилову и возвращается ко мнѣ съ просьбой явиться въ 9 часовъ вечера. Навѣщаю нѣсколькихъ пріятелей въ Ставкѣ, пью чай у Добржіаловскаго, гдѣ выслушиваю много интересныхъ анекдотовъ о выходкахъ Керенскаго по отношенію къ Брусилову, о томъ, какъ съ прибытіемъ Корнилова былъ приведенъ къ Іисусу мѣстный Совѣтъ, съ которымъ Брусиловъ чрезмѣрно якшался, о томъ, какъ текинцы навели страхъ на могилевскихъ демократовъ и проч. Настроеніе въ Штабѣ весьма реакціонное. Не берусь судить, имѣется ли достаточно основаній для такого отношенія къ дѣлу. Будущее покажетъ.

Вечеромъ къ назначенному часу возвращаюсь въ домъ Верховнаго. Вхожу въ кабинетъ, и съ наслажденіемъ привѣтствую милѣйшаго Лавра Георгіевича. Усаживаемся. Разсказываю ему вкратцѣ свою петроградскую эпопею и кончаю заявленіемъ, что моя дальнѣйшая судьба въ его рукахъ. Онъ отвѣчаетъ, что очень радъ моему пріѣзду, такъ

какъ онъ имѣетъ для меня ввиду назначеніе, на которое онъ затруднился бы выбрать кого бы то ни было, кромѣ меня. Оказывается, задумана крупная совмѣстная съ англичанами операція на Персидскомъ и Месопотамскомъ фронтѣ. Корниловъ хочетъ для этого собрать значительную кавалерійскую массу и поставить меня во главѣ ея, съ подчиненіемъ англійскому главнокомандующему въ Месопотаміи, генералу Модъ. По его мнѣнію, я самый подходящій для такой комбинаціи человѣкъ, такъ какъ, съ одной стороны, во мнѣ есть необходимый для такой крупной кавалерійской операціи авантюристическій духъ, а съ другой, никто лучше моего не знаетъ англійскій языкъ, а также британскіе обычаи и порядки, благодаря чему будутъ избѣгнуты дипломатическія тренія.

Корниловъ говоритъ далѣе, что подготовка къ этой операціи будетъ закончена, примѣрно, въ октябрѣ и что, можетъ быть, до того онъ найдетъ мнѣ занятіе на фронтѣ мѣсяца на два. Благодарю его за довѣріе. Разговоръ переходитъ на туземцевъ. Корниловъ, смѣясь, меня спрашиваетъ, почему Багратіонъ такъ меня не любитъ и назуживаетъ всѣхъ противъ меня. Разсказываю ему гучковскую исторію объ отрѣшеніи Багратіона, въ которой подозрѣвается мое участіе. Помню, разставаясь съ Корниловымъ, я ему сказалъ: «Послѣ Васъ я командовалъ 3-ей ротой 1-го Тукестанскаго стрѣлковаго баталіона, послѣ Васъ я командовалъ войсками Петроградскаго Округа, но послѣ Васъ въ этомъ креслѣ сидѣть, слава Богу, никогда не буду».

Выхожу въ пріемную, гдѣ застаю Смольнинова, ожидающаго очереди. Онъ мнѣ сообщаетъ, что, когда Голицынъ получилъ телеграмму, предупреждавшую его о нашемъ пріѣздѣ, и доложилъ объ этомъ Корнилову, послѣдній сказалъ ему: «Вид-

те ли, какъ къ намъ слетаются порядочные люди».

Возвращаюсь на вокзалъ спать въ одинъ изъ штабныхъ вагоновъ. Прежде они содержались въ большой чистотѣ, но побѣда демократіи отразилась и здѣсь необычайнымъ нашествіемъ клоповъ. На сонъ грядущій толкую съ Смольяниновымъ. У него была съ Корниловымъ бесѣда интересная.

Утромъ предупреждаю въ Штабѣ, чтобы меня, въ случаѣ надобности, искали черезъ Туманова, а затѣмъ уѣзжаю обратно въ Петроградъ.

По возвращеніи въ Петроградъ, ѣду съ вокзала въ Довминъ, гдѣ мнѣ сообщаютъ, что Клембовскій Главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ, мнѣ предлагаетъ принять 6-ой Сибирскій корпусъ въ Ригѣ. Категорически отказываюсь, заявивъ, что имѣю опредѣленныя указанія на этотъ счетъ отъ самого Верховнаго. При неизбѣжности паденія Риги и скверныхъ путяхъ отступленія это остроумный пріемъ, чтобы отъ меня отдѣлаться навсегда.

Предаюсь бездѣйствію, обдумывая вопросъ о переселеніи въ Персію. Иногда по вечерамъ младотурки собираются у Пальчинскаго. Послѣдній о моемъ удаленіи на Востокъ и слышать не хочетъ, увѣряя, что моя роль въ революціи еще не закончена, на что возражаю, что и такъ съ меня вполнѣ достаточно. Однажды, ѣдучи къ нему, по обыкновенію, разговорился съ извозчикомъ. Передъ фасадомъ Зимняго Дворца мой собесѣдникъ, грозно потрясая кулакомъ, съ жаромъ заявилъ, что по его мнѣнію Николая II слѣдовало разстрѣлять на Марсовомъ полѣ, и на мой вопросъ, за что, отвѣтилъ съ негодованіемъ: — «За то, что теперь изъза него въ Зимнемъ Дворцѣ такія рожи сидятъ». Оригинальная форма консерватизма. Очевидно, кто нибудь изъ современныхъ дѣятелей вышелъ изъ другого подъѣзда, оставивъ возницу безъ денежна-

го вознагражденія, на противуположной сторонѣ зданія.

Пріѣхалъ съ фронта Гучковъ и просилъ меня заѣхать. Его разсказы про Калушскій скандалъ ужасны. Недоразумѣніе у него вышло съ Багратіономъ, запротестовавшимъ противъ его поступленія въ дивизію, хотя татары выразили согласіе на его пріемъ въ полкъ. Гучковъ ругаетъ Багратіона нещадно, говоря, что полки хороши, но нетерпимъ начальникъ конной дивизіи, во время боя сидящій въ глубокомъ тылу, даже безъ связи со своими полками. Жалѣетъ, что не вышибъ его сразу послѣ революціи и даже дѣлаетъ намеки на то, что мнѣ слѣдовало тогда его просвѣтить насчетъ столь вопіющей боевой непригодности моего начальника дивизіи. Зато хвалитъ Одинцова. Толкуемъ про его политику, и, когда я выражаю удивленіе по поводу пассивности его единомышленниковъ, Гучковъ мнѣ отвѣчаетъ, что все равно предотвратить всеобщій развалъ и жестокій голодъ невозможно.

Выходя отъ Гучкова не могу удержаться отъ посѣщенія его сосѣда Родзянка. Нахожу старика погруженнымъ въ глубочайшій пессимизмъ. Онъ съ отчаяніемъ говоритъ: «Россія погибла. Ничего нельзя сдѣлать».

Какъ то заходитъ ко мнѣ Никитинъ. Онъ разсказываетъ про сильное негодованіе въ контръ-развѣдкѣ изъ-за того, что теперь Мироновъ имѣетъ carte blanche отъ Керенскаго совать носъ всюду и заставляетъ контръ-развѣдку работать для внутренней политики, чтобы задушить гидру контръреволюціи, а сіе въ корнѣ противорѣчитъ этическимъ правиламъ штабной контръ-развѣдки. Далѣе Никитинъ сообщаетъ, что сомнѣній въ подозрительной дѣятельности Чернова нѣтъ никакихъ, и что необходимо объ этомъ предупредить Корнилова,

какъ разъ сегодня пріѣзжающаго въ Петроградъ. Берусь это сдѣлать, и въ седьмомъ часу ѣду на Царскосельскій вокзалъ.

Поѣздъ Корнилова прибылъ. Всюду текинскіе часовые. Настроеніе свиты нервное — боятся покушенія. Попадаю какъ разъ къ обѣду. Корниловъ усаживаетъ меня рядомъ съ собой; по другую сторону отъ меня Васильковскій. Смѣемся по поводу рѣдкаго сочетанія трехъ Главнокомандующихъ Петроградскимъ Округомъ, сидящихъ рядомъ въ хронологическомъ порядкѣ. Вспоминаемъ, что Корниловъ пробылъ въ этой должности два мѣсяца, я — тоже, гадаемъ о томъ, сколько времени продержится Васильковскій. Бесѣда переходитъ на стратегическія темы. Корниловъ бодръ и полонъ надеждъ. Послѣ обѣда онъ уводитъ меня въ салонъ и говоритъ, что сейчасъ онъ производитъ нѣкоторую перетасовку начальства, послѣ которой пошлетъ меня въ Персію, и проситъ меня пріѣхать въ Ставку черезъ двѣ недѣли. Предупреждаю его о ненадежности Чернова, и рекомендую въ засѣданіи Правительства воздержаться отъ чрезмѣрной откровенности на стратегическія темы. Корниловъ смѣется и отвѣчаетъ: «Очень благодаренъ, но я уже это предупрежденіе получилъ отъ нѣкоторыхъ членовъ Временнаго Правительства». Хороша компанія.

Ровно черезъ двѣ недѣли ѣду вторично въ Ставку, на этотъ разъ съ Никитинымъ, который не можетъ больше выдержать петроградской обстановки и хочетъ устроиться начальникомъ штаба Туземной дивизіи. На вокзалѣ видимъ Савинкова, ѣдущаго съ тѣмъ же поѣздомъ, что и мы, въ Ставку. Его провожаетъ Васильковскій.

Садимся въ вагонъ. Никитинъ мнѣ сообщаетъ, что Васильковскій ему сказалъ, будто Савинковъ ѣдетъ въ Ставку въ сопровожденіи Миронова, дабы

произвести тамъ обыски и аресты среди чиновъ Штаба, состоящахъ членами офицерскаго союза и подозрѣваемыхъ въ контръ-революціонной дѣятельности. Васильковскій проситъ Никитина немедленно по пріѣздѣ предупредить всѣхъ друзей въ Ставкѣ. Рѣшаемъ, что съ вокзала Никитинъ поѣдетъ съ этой цѣлью къ Добржіаловскому въ Отдѣлъ Военныхъ Сообщеній, а я въ Генералъ-Квартирмейстерство къ Романовскому и Плющику.

Въ районѣ Дно на всѣхъ вокзалахъ представители «дикой дивизіи». Между прочимъ, забавно, что передъ отъѣздомъ изъ Петрограда, когда я спросилъ Туманова о цѣли сосредоточенія двухъ кавалерійскихъ корпусовъ около Дно, онъ страшно удивился и сказалъ, что первый разъ объ этомъ слышитъ, что по его свѣдѣніямъ и Савинковъ, нынѣ Военный Министръ, объ этомъ ничего не знаетъ... Довольно странно, когда петроградскіе кабаки полны офицеровъ изъ туземныхъ полковъ, отъ которыхъ можно узнать всѣ подробности этого сосредоточенія, хотя и существуетъ какой то приказъ не показываться имъ въ столицѣ въ слишкомъ большомъ количествѣ. На одномъ изъ станціонныхъ буфетовъ сталкиваюсь съ Мироновымъ. Притворяюсь удивленнымъ и спрашиваю, куда онъ ѣдетъ. Отвѣчаетъ, что въ Ставку для обсужденія мѣръ по объединенію контръ развѣдки. — Восхитительно.

По пріѣздѣ въ Могилевъ, качу въ Штабъ. Иду къ Романовскому и передаю ему и Плющику предупрежденіе Васильковскаго. Оба они смѣются и говорятъ, что получили это предупрежденіе за два часа до прихода петроградскаго поѣзда, что Мироновъ можетъ обшарить весь Штабъ, но ничего не найдетъ, и что кромѣ того Корниловъ страшно разозлился и заявилъ, что никакихъ обысковъ или арестовъ въ Штабѣ онъ не допуститъ.

Захожу къ Голицыну. Настроеніе въ домѣ Верховнаго напряженное, меня просятъ зайти вечеромъ. Голицынъ, какъ и въ первый разъ, распространяется на тему о томъ, что вся Россія ждетъ спасенія отъ Корнилова. Обѣдаю у Добржіаловскаго. Настроеніе явно контръ-революціонное. Его жена, оказывается, по вечерамъ открываетъ окна на улицу и на фортепіано играетъ «Боже Царя храни». Естественно, что Мироновъ всполошился.

Вечеромъ иду къ Корнилову. Онъ мнѣ говоритъ, что теперь уже очень скоро я ему понадоблюсь, проситъ меня ѣхать въ Петроградъ, никуда оттуда не отлучаться и ждать его распоряженій. Затѣмъ онъ меня спрашиваетъ: «А очень они меня тамъ недолюбливаютъ»? — Отвѣчаю, что по моему мнѣнію «они» его побаиваются и всячески стараются подорвать его авторитетъ обвиненіями въ контръ-революціонности. Смѣется. Послѣ краткой бесѣды на политическія темы, разстаемся, не подозрѣвая, что больше на этомъ свѣтѣ бесѣдовать не придется.

Въ вагонѣ Никитинъ мнѣ разсказываетъ, что «Дикая Дивизія» развернута въ корпусъ съ присоединеніемъ Осетинскаго и 1-го Дагестанскаго полковъ. Жалко, что сунули Осетинъ, а не Текинцевъ, какъ я всегда хотѣлъ. Оказывается, Багратіонъ и Гагаринъ вызваны въ Ставку. Что-то носится въ воздухѣ, но что — не понять. День прошелъ благополучно, безъ обысковъ и арестовъ, что Ставка склонна считать побѣдой Корнилова надъ Савинковымъ. Говорятъ, они столковались, а не разругались, какъ того всѣ ожидали утромъ. Слава Богу.

На слѣдующій день забираемся въ поѣздъ — ѣхать въ столицу. Пріѣзжаетъ Савинковъ. Корниловъ его провожаетъ, отношенія между ними, по-

видимому, дружескія. Корниловъ бодръ и веселъ. Передъ самымъ отходомъ нашего поѣзда, приходитъ поѣздъ изъ Петрограда. Изъ него вылѣзаетъ Львовъ Синодскій. Здороваюсь съ нимъ, выражая удивленіе по поводу его появленія въ Могилевѣ, но онъ бормочетъ, что у него тутъ есть дѣла, и скоропалительно исчезаетъ.

Въ поѣздѣ бесѣдую съ однимъ изъ главарей Георгіевскаго Союза, который мнѣ разсказываетъ, что, узнавъ объ моемъ уходѣ, Совѣтъ Союза имѣлъ весьма продолжительное совѣщаніе, обсуждая вопросъ о сверженіи Правительства. Но къ счастью они пришли къ рѣшенію оставить меня въ покоѣ. А затѣмъ онъ прибавляетъ, что Георгіевцы установили такое наблюденіе за Совѣтомъ, что въ случаѣ какихъ нибудь происшествій въ столицѣ, никто изъ Смольнаго не уйдетъ живымъ.

Вечеромъ собираемся у Пальчинскаго. Я разсказываю свои впечатлѣнія о Ставкѣ. Толкуемъ о всякихъ вещахъ. Между прочимъ, Пальчинскій разсказываетъ, что послѣ ареста Гурко, Савинковъ хотѣлъ и меня выслать заграницу по подозрѣнію въ контръ-революціонности, но Пальчинскій запротестовалъ, говоря, что совершенно увѣренъ въ моей непричастности къ какимъ бы то ни было комплотамъ, а Савинковъ возразилъ, что вѣдь онъ и Азефу вѣрилъ. Однако, все-таки меня не выслалъ. Забавно.

Проходитъ дня два, а затѣмъ около полуночи въ ночь съ субботы на воскресенье прикатываетъ ко мнѣ Тумановъ, вытаскиваетъ меня изъ кровати, и сообщаетъ, что Керенскій проситъ меня немедленно пріѣхать въ Зимній Дворецъ. Садимся въ автомобиль. Тумановъ говоритъ, что Корниловъ съ двумя конными корпусами идетъ на Петроградъ и спрашиваетъ меня, не согласился бы я сейчасъ

принять опять командованіе Петроградскими войсками для защиты столицы отъ контръ-революціоннаго набѣга, ибо Васильковскимъ недовольны.

Не знаю, исходитъ ли это предложеніе отъ самого Керенскаго, или отъ младотурокъ, однако отвѣчаю, что какова бы обстановка ни была, я противъ Корнилова ни подъ какимъ видомъ не пойду, прибавляю къ этому, что теперь вся моя работа въ петроградскихъ войскахъ пошла на смарку и они опять всецѣло въ рукахъ Совѣта. Наконецъ, совершенно не представляю себѣ возможности вести петроградскіе полки въ бой, бытъ можетъ, противъ своихъ же татаръ. Словомъ, категорически отказываюсь отъ абсурднаго предложенія. Тумановъ тогда ограничивается просьбой принять участіе въ совѣщаніи въ Зимнемъ Дворцѣ. Ничѣмъ не рискую, наоборотъ, интересно послушать.

Пріѣзжаемъ. Забавно, что караулъ, во Дворцѣ, держитъ украинская рота Стрѣлковъ изъ Царскаго Села, и знаменитый «Гетманъ Царскосельскій» встрѣчаетъ меня съ улыбкой, иронически замѣчая: «Небось, когда страшно стало, то послали за Вашей первой украинской ротой». — Собираемся: Пальчинскій, Тумановъ, Барановскій, Багратуни (нынѣ начальникъ Штаба Округа). Я начинаю съ заявленія, что все происходящее мнѣ кажется весьма страннымъ, ибо Корнилова я много лѣтъ знаю, и не могу себѣ представить его въ роли политическаго авантюриста, что тутъ, навѣрное, кроется какое-то недоразумѣніе, и что слѣдовало бы послать кого-нибудь сейчасъ же на паровозѣ къ Корнилову переговорить. Вдругъ Барановскій мнѣ возражаетъ, что съ Корниловымъ никакіе переговоры невозможны, ибо онъ оскорбилъ Верховную Власть. При такой постановкѣ вопроса со стороны Военнаго Кабинета Керенскаго спорить безполезно, хо-

тя бы напоминаніемъ о всѣхъ оскорбленіяхъ Верховной Власти со стороны большевиковъ, столь кротко перенесенныхъ этой властью. Умолкаю.

Всѣ ожидаютъ окончанія засѣданія Временнаго Правительства. Тамъ происходитъ крупная ругань, окончившаяся удаленіемъ Чернова изъ засѣданія. Около двухъ часовъ ночи господа Министры расходятся, кажется, по обыкновенію, предоставивъ Керенскому какія то чрезвычайныя полномочія. Наконецъ, появляется и онъ съ Савинковымъ. Сначала онъ намъ разсказываетъ свой разговоръ съ Львовымъ, и со смѣхомъ говоритъ: «Ловко я ихъ подловилъ, притворившись съ ними заодно, — они себя и выдали головой». — Нахожу пріемы Верховной Власти довольно оригинальными. Поди, разбери, когда онъ изволитъ притворяться, а когда нѣтъ. Сажусь въ кресло. Слѣва отъ меня Пальчинскій, справа на диванѣ Керенскій. Наклоняюсь къ Пальчинскому, продолжая доказывать, что тутъ кроется какое-то недоразумѣніе и что вооруженный конфликтъ навѣрное можно избѣжать.

Вдругъ Керенскій, услышавъ мои слова, вскакиваетъ и съ жаромъ мнѣ возражаетъ: — «Никакого недоразумѣнія нѣтъ, все ясно, вотъ на этой телеграфной лентѣ у меня несомнѣнныя доказательства Корниловской преступности. Правъ былъ Брусиловъ, говорившій про Корнилова, что у него львиное сердце, но баранья голова». — Послѣ этой тирады, нисколько меня не убѣдившей, Керенскій снова разваливается на диванѣ. Барановскій съ Багратуни сочиняютъ какое-то радіо «всѣмъ, всѣмъ. всѣмъ», объ измѣнѣ Корнилова, но дѣло подвигается медлено, такъ какъ всѣ лѣзутъ съ совѣтами. Появляется Кузьминъ, котораго я встрѣчаю вопросомъ: «Ну, какъ, душишь гидру»? — Всѣ смѣются.

Кузьминъ предлагаетъ немедленно арестовать Совѣтъ Казачьяго Союза. Чтобы ихъ спасти, считая, что они на свободѣ полезнѣй, я задаю вопросъ о томъ, какое это произведетъ впечатлѣніе въ казачьихъ полкахъ на Корниловской сторонѣ, и сейчасъ же предложеніе Кузьмина отвергается.

Приходитъ Мироновъ. Его встрѣчаетъ Керенскій возгласомъ: «А, вотъ и Фуше». — Онъ дѣлаетъ таинственное лицо, но, повидимому, ничего интереснаго не знаетъ. Багратуни говоритъ, будто онъ слышалъ, что Крымовъ въ городѣ, въ Асторіи, кто-то кидается провѣрить, — оказывается вздоръ. Удивляюсь, что не видать Васильковскаго. Можетъ быть, онъ организовываетъ защиту столицы, но про него, повидимому, всѣ позабыли, и Багратуни съ Кузьминымъ какъ будто распоряжаются безъ него.

Наконецъ, радіо закончено. Объявляется, что Корниловъ измѣнникъ, предписывается Лукомскому принять временно Верховное Командованіе и т. д. Керенскій одобряетъ текстъ и собирается его отправить. Я замѣчаю, что неудобно отрѣшать Верховнаго безъ вѣдома Военнаго Министра, а его въ комнатѣ какъ разъ нѣтъ. Савинкова всюду разыскиваютъ, но, кажется, въ концѣ концовъ посылаютъ радіо безъ него. Седьмой часъ утра. Идемъ въ комнаты Керенскаго пить чай съ чернымъ хлѣбомъ. Не могу удержаться, чтобы не сказать громко Пальчинскому: «И подумать, что я былъ въ Ставкѣ въ четвергъ и если бы я тамъ застрялъ еще на два дня, то, можетъ быть, сейчасъ я бы шелъ вмѣстѣ съ туземцами выпускать вамъ кишки». Около 7-ми часовъ Тумановъ отвозитъ меня домой. Вѣроятно, послѣ моего скептическаго отношенія ко всему происходящему теперь уже меня оставятъ въ покоѣ.

Проходитъ два тревожныхъ дня. Шансы на ус-

пѣхъ у Корнилова большіе. Не говоря уже о Георгіевцахъ и юнкерахъ, но даже Преображенцы и Семеновцы настроены противуправительственно. Надежды контръ-революціонеровъ сильны, особенно когда вдругъ раздается артиллерійская стрѣльба, но потомъ оказывается, палятъ изъ крѣпости по случаю наводненія. Потомъ узнаемъ про провалъ всей комбинаціи. Ужъ больно плохо она была организована. Между Крымовымъ и Багратіономъ не было никакой связи, а Багратіонъ съ Готовскимъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ Дно, когда Гагаринъ воевалъ впереди Вырицы, и чуть не былъ арестованъ Осетинами. Зачѣмъ въ такую операцію брать мало знакомыя войска. Князь Магаловъ съ татарами несся впереди, но принужденъ былъ остановиться, получивъ на то нѣсколько категорическихъ приказаній.

Тумановъ мнѣ разсказываетъ о томъ, какъ Алексѣевъ отказался отъ Верховнаго Командованія и какъ Керенскій соизволилъ взять на себя эту должность. Жалѣемъ Крымова. Про его самоубійство ходятъ легенды: говорятъ, будто его прикончили, что вполнѣ возможно.

Багратіонъ пріѣхалъ съ депутаціей къ Керенскому извиняться и увѣрять, что онъ знать не зналъ и вѣдать не вѣдалъ, что Корниловъ хотѣлъ свергнуть Правительство. Керенскій сильно возмутился, ибо разговоры Багратіона по телеграфу со Ставкой извѣстны и отрекаться ему отъ Корнилова безполезно. Встрѣчаю Султанъ-Крымъ-Гирея, пріѣхавшаго съ полковыми туземными депутаціями. Онъ говоритъ, что Багратіона въ Петроградѣ нѣсколько разъ арестовывали и таскали въ Совѣтъ. Иду къ Туманову и прошу распорядиться, чтобы старика не обижали. Какія бы его прегрѣшенія ни были, самоуправству Совѣта нужно положить пре-

дѣлъ. При мнѣ Тумановъ ругаетъ ихъ по телефону. Обѣщаются такихъ вещей больше не дѣлать.

Между тѣмъ Пальчинскій назначенъ Петроградскимъ Военнымъ Губернаторомъ. Онъ, по требованію Керенскаго, одѣлся въ куртку хаки и засѣлъ въ Штабѣ Округа. Его пріемы наведенія порядка возбудили сильное негодованіе въ лѣвыхъ кругахъ и большевицкая пресса его травитъ во всю. Какъ то вечеромъ захожу къ нему. На лѣстницѣ Штаба вижу сборище туземцевъ, спрашиваю, въ чемъ дѣло. Говорятъ, это депутація туземныхъ полковъ, прибывшая съ Багратіономъ. Вижу чиновника Данилова, знаменитаго нашего демократа, спрашиваю его, кто пріѣхалъ отъ татаръ, и узнаю, что депутаціи присланы отъ всѣхъ полковъ, кромѣ татарскаго, отказавшагося послать делегатовъ на томъ основаніи, что, молъ, извиняться намъ нечего, ибо мы только исполняли приказаніе начальниковъ и кромѣ того прекрасно знали, на что шли. Такое благородство радуетъ мое сердце.

Однажды Пальчинскій проситъ меня заѣхать и сообщаетъ, что Керенскій рѣшилъ отставить Багратіона и командира 1-ой дивизіи Гагарина, и назначить меня командиромъ Туземнаго корпуса. Я очень радъ, ибо все-таки съ Туземцами сейчасъ пріятнѣй, чѣмъ съ другими войсками и, кромѣ того, одна изъ мѣръ Керенскаго для остановки Туземцевъ, когда они шли на Петроградъ, заключалась въ томъ, что имъ было обѣщано отправить ихъ немедленно на отдыхъ на Кавказъ, а ѣхать подальше отъ столицы мнѣ кажется весьма своевременнымъ.

У Пальчинскаго встрѣчаю депутацію отъ Мусульманскаго Союза. Эти господа начинаютъ мнѣ предъявлять требованіе о томъ, что я долженъ чуть ли не весь командный составъ подобрать изъ мусульманъ. Весьма вѣжливо отвѣчаю имъ, что да-

вать преимущество скверному мусульманскому командиру передъ хорошимъ православнымъ, служившимъ въ дивизіи, я никакъ не могу, да, кромѣ того я въ туземныхъ полкахъ принципъ національзаціи отчасти понимаю, но принципъ мусульманизаціи никакъ допустить не могу, ибо, напримѣръ, среди Кабардинцевъ и Осетинъ много православныхъ.

На слѣдующій день, 2-го сентября, Тумановъ мнѣ вручаетъ приказъ о моемъ назначеніи.

Захожу въ Мусульманскій комитетъ еще поговорить. Атмосфера несимпатичная: верховодятъ казанскіе татары съ панисламистическими тенденціями, да политиканствующіе Осетины. Заявляю, что моя программа во многомъ совпадаетъ съ ихъ программой, напримѣръ, въ смыслѣ замѣны русскихъ туземцами въ спеціальныхъ командахъ, — пулеметныхъ, связи и проч., и даже, отчасти, въ постепенной національзаціи офицерскаго состава, но противъ травли русскихъ офицеровъ, служившихъ въ Туземныхъ полкахъ во время войны — я буду горячо протестовать и что вообще обо всѣхъ этихъ вопросахъ я считаю, что мнѣ нужно скорѣе считаться съ мнѣніемъ союза горскихъ племенъ, а не съ ними. Кончаемъ, въ общемъ, миролюбиво.

Ѣду на станцію Дно принимать корпусъ. Въ Выриці ко мнѣ присоединяются Гагаринъ и Магаловъ, которые мнѣ разсказываютъ, какая была у нихъ каша во время Корниловскаго наступленія и какъ Багратіонъ съ Готовскимъ прошлепали всю операцію.

На станціи Дно погружаюсь въ штабныя бумаги, бесѣдую съ полковыми командирами и ориентируюсь въ настроеніяхъ. Хуже всего у Осетинъ. Они дошли чуть ли не до выборнаго начала въ отношеніи сотенныхъ и полковыхъ командировъ, и все на-

чальство у нихъ интригуетъ другъ противъ друга, подлизываясь къ всадникамъ. Въ другихъ полкахъ болѣе или менѣе благополучно. Есть въ нѣкоторыхъ частяхъ, особенно у Дагестанцевъ, интриги противъ русскихъ офицеровъ, но въ общемъ положеніе лучше, чѣмъ я могъ ожидать. У татаръ, черкесовъ и кабардинцевъ совсѣмъ хорошо.

Доходятъ слухи, что Керенскій, несмотря на данное обѣщаніе, собирается насъ держать около столицы. Это вызываетъ всеобщее негодованіе. Такъ какъ Керенскій проѣзжаетъ этой ночью въ Ставку, сажаю ему въ вагонъ Никитина, и отъ него на слѣдующій день узнаю, что Керенскому, дѣйствительно, очень хотѣлось сохранить подъ рукой нашу контръ-революціонную силу, но выслушавъ наши доводы, онъ сдался; а доводы слѣдующіе: во-первыхъ, уже послѣ Калушскаго скандала было постановленіе всѣхъ туземныхъ комитетовъ не вмѣшиваться во внутреннюю россійскую политику, а Багратіонъ этимъ постановленіемъ пренебрегъ, принявъ участіе въ Корниловскомъ походѣ. Во-вторыхъ, въ районъ Дно постоянно прибываютъ изъ столицы агитаторы, подрывающіе дисциплину, и въ результатѣ начались грабежи. Въ-третьихъ, если не будетъ исполнено обѣщаніе —отправить ихъ на Кавказъ — туземцы окончательно перестанутъ начальству вѣрить. Наконецъ, настроеніе таково, что, если намъ не дадутъ эшелоновъ, мы пойдемъ домой походнымъ порядкомъ черезъ всю Россію, и она этотъ походъ не скоро забудетъ.

Хотя Керенскій и согласился, но нарядъ на эшелоны не получается. Качу обратно въ Петроградъ съ Никитинымъ. Тамъ мы дѣло налаживаемъ быстро и 9-го сентября возвращаюсь въ Дно для послѣднихъ распоряженій. Между прочимъ, совершаю прогулку верхомъ въ 30 верстъ, повидаться съ Даге-

станцами; они квартируютъ въ имѣніи Новосильцевыхъ. Полковникъ Хаджи-Муратъ меня встрѣчаетъ съ удивленіемъ, что я, дескать, за корпусный командиръ, совершающій 30-ти верстные переходы верхомъ. Отвѣчаю, что не принадлежу къ числу лицъ, считающихъ, что высокій чинъ можетъ передвигаться только въ автомобилѣ.

Провожу пріятный день и вечеръ въ старомъ помѣщичьемъ домѣ. Моя кума Елизавета Дмитріевна сильно постарѣла, всѣ жалѣютъ, что Дагестанцы уйдутъ — все-таки мужики ихъ боятся.

Рано утромъ уѣзжаю обратно въ Дно, гдѣ я получаю телеграмму отъ Архангельскаго, что приказомъ 9 сентября я утвержденъ въ должности Корпуснаго Командира съ производствомъ въ Генералъ-Лейтенанты.

Закончивъ всѣ распоряженія по погрузкѣ, ѣду въ Петроградъ. Кончаю личныя дѣла, прощаюсь съ родными и знакомыми. Весьма забавно мое прощаніе съ новымъ Военнымъ Министромъ Верховскимъ. Спрашиваю его, не можетъ ли онъ мнѣ дать какихъ нибудь общихъ политическихъ указаній для моего поведенія среди туземцевъ на Кавказѣ. Онъ разводитъ руками и рекомендуетъ мнѣ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. А затѣмъ онъ, въ свою очередь, задаетъ мнѣ и Туманову вопросъ: — «А что, если будетъ большевицкое правительство, оставаться мнѣ Военнымъ Министромъ, или нѣтъ»? Обсуждаемъ этотъ вопросъ, но я въ душѣ рѣшаю, что, если Военный Министръ говоритъ о такихъ вещахъ, то счастливъ мой Богъ, что я уѣзжаю изъ Петрограда. Тумановъ очень хочетъ поступить ко мнѣ начальникомъ Штаба Корпуса, но въ концѣ концовъ приходитъ къ убѣжденію, что ему неловко бросать Керенскаго и что онъ долженъ съ нимъ остаться до конца. Не могъ, бѣдняга, предвидѣть,

что его щепетильность будетъ ему стоить жизни, а Керенскій спасетъ свою голову.

Назначаю отъѣздъ на 16-ое сентября. Мнѣ даютъ отдѣльный вагонъ, и я усаживаюсь въ сопровожденіи Никитина, Масленникова и моего стараго значковаго унтеръ-офицера Керима, нынѣ вмѣсто полкового значка таскающаго корпусный бунчукъ. Напутствуемый благими пожеланіями младотурокъ, отплываю. Пальчинскій продолжаетъ упорно твердить, что моя роль еще не кончена. Но я съ легкимъ сердцемъ покидаю столицу, гдѣ столько пришлось пережить всякихъ пакостей за эти историческіе шесть мѣсяцевъ. Все равно, теперь Временное Правительство обречено на гибель, и поддерживать его далѣе является предпріятіемъ черезчуръ неблагодарнымъ.

По пріѣздѣ во Владикавказъ распредѣляю стоянки частей корпуса такъ, чтобы каждый полкъ находился на территоріи того племени, изъ котораго онъ сформированъ. Отдыхать, такъ отдыхать поближе къ дому. Во Владикавказѣ кромѣ Штаба корпуса и хозяйственныхъ учрежденій, ставлю запасныя пулеметныя команды, всѣ полковыя учебныя команды, запасныя сотни, свой личный конвой и т. д., словомъ устраиваю себѣ маленькій, но крѣпкій резервъ на случай безпорядковъ.

Политическое положеніе довольно оригинальное, ибо Владикавказъ является одновременно столицей двухъ автономныхъ державъ: Терскаго казачьяго войска и Союза горскихъ племенъ. Этотъ союзъ былъ составленъ изъ представителей Дагестана, Чечни, Ингушетіи, Осетіи, Кабарды и черкесскихъ племенъ, но послѣдніе, находясь на Кубани, были, кромѣ того объединены съ Кубанскимъ казачьимъ правительствомъ. Союзъ именовалъ себя Горской республикой, хотя опредѣлить государственныя границы этого государства не всякій могъ бы. Предсѣдателемъ республики былъ избранъ мой старый пріятель Чермоевъ. Злые языки говорятъ, что онъ былъ единогласно выбранъ на этотъ высокій постъ только потому, что съѣхавшіеся въ одномъ изъ чеченскихъ ауловъ представители горскихъ племенъ рѣшали этотъ вопросъ на большомъ митингѣ на

базарной площади. Когда была выставлена кандидатура Чермоева, то несогласнымъ съ нею было предложено сѣсть, а согласнымъ стоять. На базарной площади была грязь по колѣно, и весьма естественно, никто сѣсть не пожелалъ. Какъ же вѣрить послѣ этого народнымъ волеизъявленіямъ, если чистота штановъ ставится выше политическихъ убѣжденій.

Какъ бы то ни было, а Чермоевъ со своей трудной задачей справляется очень хорошо. Терскимъ атаманомъ состоитъ Карауловъ. Предвижу, что и съ тѣмъ и съ другимъ всегда могу сговориться, и стараюсь на будущее смотрѣть розово.

Оказывается, что горцы совмѣстно съ казаками образовали объединенное Терско-Дагестанское правительство и сіе правительство постановило назначить меня главнокомандующимъ всѣхъ вооруженныхъ силъ своей территоріи, какъ туземныхъ, такъ и казачьихъ, и русскихъ строевыхъ. Получается оригинальная картина: съ одной стороны, какъ командиръ Кавказскаго Туземнаго коннаго корпуса, я подчиненъ Штабу Кавказскаго фронта, ибо война то еще не кончена, а съ другой стороны я военачальникъ самостоятельной державы. Сношусь по телеграфному проводу съ Тифлисомъ и получаю отъ своего начальства полное благословеніе на службу въ автономномъ государствѣ. Деньги и всѣ виды довольствія, однако, буду получать отъ старыхъ интендантскихъ учрежденій, продолжающихъ еще существовать. Вопросъ осложняется еще тѣмъ, что одинъ изъ моихъ полковъ, Татарскій, стоитъ въ Елисаветполѣ, на территоріи другого государства, а именно Закавказскаго Союза, а Черкесскій въ предѣлахъ Кубанскаго государства. Казачьи части подчиняются мнѣ только въ оперативномъ смыслѣ, да и то по малости; въ ихъ внутреннюю жизнь

совершенно не вмѣшиваюсь, и всѣ вопросы рѣшаются дружескими разговорами съ Карауловымъ; русскими частями управляю черезъ вновь устроенный Штабъ Командующаго Войсками Терско-Дагестанской области, а Туземными черезъ свой старый Штабъ корпуса, словомъ воплощаю въ своемъ лицѣ какую-то фантастическую русско-туземно-казачью троицу, къ сожалѣнію, не имѣющую главной прерогативы Божественной Троицы — совершать чудеса для приведенія въ порядокъ земного хаоса. А хаосъ — невѣроятный! Грабежамъ и междуусобнымъ бранямъ нѣтъ конца, разныя правительства издаютъ декреты, пишутъ воззванія и занимаются дипломатической перепиской другъ съ другомъ, но жизнь и, весьма притомъ бурная, идетъ своимъ чередомъ, а во многихъ мѣстахъ власть фактически захвачена комитетами съ опредѣленно большевицкими тенденціями.

Нѣсколько дней послѣ пріѣзда мнѣ приходится выступать съ програмной рѣчью на съѣздѣ представителей горскихъ племенъ. Говорю имъ, что туземные полки, призванные къ жизни правительственнымъ распоряженіемъ въ далекомъ Петроградѣ, нынѣ волею судебъ должны стать ихъ національными войсками для сохраненія порядка на территоріи своихъ племенъ въ періодъ общаго развала. Полки эти на войнѣ показали необычайную доблесть, они пришли съ фронта въ прекрасномъ видѣ и нужно ихъ въ этомъ видѣ сохранить. Я вполнѣ сочувствую принципу національныхъ войсковыхъ формированій и доказалъ это даже въ Петроградѣ, образовавъ тамъ украинскія части, но никакъ не могу допустить принципа полной національзаціи офицерскаго состава и считаю сохраненіе русскихъ офицеровъ необходимымъ для пользы дѣла, да и не могутъ же благородные горцы

считать чужими тѣхъ офицеровъ, которые на войнѣ проливали свою кровь вмѣстѣ съ туземными всадниками и совмѣстно съ ними созидали славу кавказскихъ полковъ. Моя рѣчь неоднократно прерывается бурными рукоплесканіями, но цѣну народнымъ восторгамъ я теперь знаю.

Собираю во Владикавказѣ командировъ туземныхъ полковъ и обсуждаю съ ними положеніе. Они въ общемъ оптимистичны, но совершенно ясно, что всюду интриги противъ русскаго офицерскаго состава ведутся опредѣленно и для меня очевидно, что чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже.

Вообще національныя тенденціи въ разныхъ углахъ принимаютъ все болѣе и болѣе агрессивный характеръ. Особенно плохо дѣло между терскими казаками и ингушами, главнымъ образомъ, изъ-за земель, отобранныхъ у ингушей въ пользу казаковъ при покореніи Кавказа. Картина борьбы между ними получается такая: обыкновенно въ воскресенье казаки, подвыпивъ, совмѣстно съ артиллеристами русскихъ частей, расквартированныхъ въ ихъ станицахъ, выкатываютъ пушку и начинаютъ угощать шрапнелью ингушскіе аулы, а затѣмъ мирно заваливаются спать. Въ понедѣльникъ ингуши производятъ мобилизацію, и переходятъ въ энергичную контръ-атаку на казаковъ, вторникъ идетъ война, а въ среду заключается перемиріе, и прикатываютъ во Владикавказъ депутаціи обѣихъ сторонъ, каждая къ своему правительству, съ горькими жалобами на противную сторону. Въ четвергъ происходятъ дипломатическіе переговоры, въ пятницу заключаютъ миръ, въ субботу депутаты разъѣзжаются послѣ торжественныхъ клятвъ въ вѣчной дружбѣ, а въ воскресенье вся исторія начинается сначала. Иногда, конечно, бываютъ болѣе продолжительные періоды мира, исчисляющіеся, однако,

все-таки днями, но въ общемъ совмѣстная жизнь казаковъ и ингушей протекаетъ по аналогичной схемѣ, а мое положеніе, какъ главнокомандующаго вооруженными силами обѣихъ воюющихъ сторонъ, довольно оригинально и, пожалуй, въ исторіи невиданное.

Русскія части, разсыпанныя по моей территоріи и состоящія, главнымъ образомъ, изъ дружинъ ополченія, сформированныхъ во время войны для несенія гарнизонной и караульной службы въ тылу, распропагандированы большевиками во всю, и съ ними у меня много возни.

У казаковъ старики, остававшіеся дома, настроены скорѣй консервативно, но молодежь, возвращающаяся съ фронта, очень ненадежна и пропитана большевицкими идеями.

Большевики основали свой центръ въ Моздокѣ и оттуда ведутъ энергичную пропаганду, имѣющую успѣхъ и среди туземцевъ, гдѣ въ безпокойной молодежи тоже находятся для этого благопріятно настроенные элементы; но тутъ большевики, несмотря на свой интернаціонализмъ, сильно играютъ на узко націоналистическихъ тенденціяхъ. Объѣзжаю постепенно свои туземные полки, навѣщаю Дагестанцевъ въ Хасавъ-Юртѣ, Чеченцевъ въ Грозномъ, Кабардинцевъ въ Нальчикѣ. Предпринимаю путешествіе въ Закавказье, чтобы повидать Татаръ въ Елисаветполѣ, гдѣ провожу пріятный день среди старыхъ соратниковъ. По дорогѣ, въ Баку, попадаю на съѣздъ представителей всѣхъ мусульманскихъ племенъ, гдѣ нахожу настроеніе весьма... самостійное, скорѣе панисламистическое. Въ Тифлисѣ нахожу въ Штабѣ полное уныніе, фронтъ окончательно разваливается, дезертирство идетъ не отдѣльными личностями, а цѣлыми полками и дивизіями и вся эта масса самовольно демобилизован-

ныхъ хлынула въ тылъ и творитъ всякія безчинства, запружая всѣ и безъ того скудные пути сообщенія Кавказскаго фронта.

Наконецъ, ѣду на Кубань, посмотрѣть Черкесскій полкъ и завести дружбу съ Кубанскимъ начальствомъ. Попадаю какъ разъ на торжество воцаренія Филимонова атаманомъ. Церемонія весьма внушительная, особенно, когда предсѣдатель войскового круга вручаетъ вновь избранному атаману старинную булаву, чуть ли не Екатерининскихъ временъ, съ соотвѣтственнымъ наставленіемъ.

На Кубани, сравнительно, тихо, съ туземцами отношенія хорошія, немножко скандалятъ иногородніе, да казачья молодежь съ фронта, но въ общемъ пока благополучно. По дорогѣ въ Екатеринодаръ останавливаюсь въ одной изъ Кубанскихъ станицъ, избравшей меня своимъ казакомъ на томъ основаніи, что мои предки служили въ Запорожской Сѣчи и одинъ изъ нихъ былъ даже войсковымъ писаремъ. Встрѣчаютъ меня торжественно и ведутъ къ обѣднѣ, во время которой замѣчаю, что священникъ поминаетъ «воиновъ, за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой на полѣ брани положившихъ». Когда послѣ обѣдни я выражаю свое удивленіе по поводу сохраненія въ Богослуженіи прекрасной молитвы, нынѣ считающейся контръ-революціонной, станичный атаманъ весьма резонно мнѣ объясняетъ, что за Царя-то и клали свои животы, а когда Его не стало, то животовъ никто больше не клалъ и что посему нельзя вводить измѣненій въ старинной формулѣ и сіе станичному попу внушено. Молодчина.

Кромѣ мирныхъ поѣздокъ для осмотра полковъ приходится предпринимать и боевыя, къ сожалѣнію, не особенно удачныя.

Одна изъ нихъ заключалась въ томъ, что 39-ая

пѣхотная дивизія сорвалась съ фронта, засѣла въ поѣзда, и подъ угрозой смерти заставила желѣзнодорожный персоналъ ее везти на сѣверъ. Творя по дорогѣ всякія безчинства, она благополучно прослѣдовала черезъ Закавказье и стала приближаться къ Петровску. На Кубани и на Терекѣ всѣ взволновались, ибо появленіе этой орды на Сѣверномъ Кавказѣ внесло бы слишкомъ много оживленія въ нашу и безъ того достаточно безпокойную жизнь.

Получаю серію паническихъ телеграммъ, и вырабатываю планъ дѣйствій. Рѣшаю дать бой у Хасавъ-Юрта, собравъ тамъ Чеченцевъ и Дагестанцевъ, подтянувъ туда донскую артиллерію, входившую въ составъ моего корпуса и стоявшую въ станицѣ Прохладной, а также попросивъ помощи у терскихъ и кубанскихъ казаковъ. Терцы уклоняются, а кубанцы, въ предѣлы коихъ, по слухамъ, и направляется буйная дивизія, предлагаютъ мнѣ взять кубанскіе казачьи эшелоны, идущіе какъ разъ впереди 39-ой дивизіи, остановить ихъ въ Хасавъ-Юртѣ и принять подъ свое начальство. Для того, чтобы уговорить казаковъ въ случаѣ какихъ либо сомнѣній, мнѣ присылаютъ въ подмогу двухъ делегатовъ отъ кубанскаго войскового круга. Ѣду съ ними въ Хасавъ-Юртъ.

Когда подходятъ одинъ за другимъ казачьи эшелоны, я ихъ останавливаю, но рожи казаковъ мнѣ совсѣмъ не нравятся. Они категорически отказываются отъ боевыхъ дѣйствій противъ 39-ой дивизіи, заявляя, что если солдаты этой дивизіи дѣйствительно являются опасностью для Кубани, то лучше имъ, казакамъ, вернуться въ свои станицы и тамъ, въ случаѣ надобности, дать отпоръ этой угрозѣ, которая, въ концѣ концовъ, имъ кажется довольно сомнительной. Бѣдные депутаты войсково-

го круга всю ночь ходятъ по вагонамъ, митингуютъ и стараются подбодрить своихъ единоплеменниковъ, но ничего не выходитъ и они, наконецъ, возвращаются ко мнѣ въ полной тоскѣ и, разводя руками, признаются въ полной неудачѣ своей миссіи. Приходится казачьи эшелоны пропустить дальше.

Что же касается туземцевъ, то тутъ я сразу выясняю ихъ настроеніе: они драться совсѣмъ не желаютъ, предпочитая мирно пропустить 39-ую дивизію, которая, очевидно, собирается скандалить не на ихъ территоріи, а гдѣ-то дальше. Непосредственныхъ же выгодъ, конечно, извлечь нельзя, наоборотъ: остановленная 39-ая дивизія начнетъ имъ чинить непріятности, которыя пускай лучше падутъ на чью нибудь другую голову. Вполнѣ логично.

Словомъ, не нахожу рѣшительно никого, кто бы раздѣлялъ мою воинственную точку зрѣнія на 39-ю дивизію. Поэтому отмѣняю подготовленное сосредоточеніе и возвращаюсь во Владикавказъ, а 39-ую дивизію пропускаю, и она осѣдаетъ, главнымъ образомъ, въ Армавирѣ, значительно тамъ подкрѣпивъ большевиковъ.

Другая экспедиція, тоже окончившаяся неудачей, была предпринята противъ большевицкаго броневого поѣзда. Послѣ того, какъ совѣтская власть окончательно утвердилась въ Баку, большевики направили всѣ свои усилія на то, чтобы развалить сѣверный Кавказъ и для этого они, между прочимъ, послали броневой поѣздъ прокатиться по Владикавказской желѣзной дорогѣ, отчасти, съ цѣлью развѣдывательной, отчасти, съ цѣлью пропагандной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы увеличить существовавшій безпорядокъ. Для достиженія послѣдняго пункта этой программы былъ примѣненъ способъ довольно простой, а именно:

обстрѣлъ туземныхъ селеній, расположенныхъ вдоль желѣзнодорожной линіи, главнымъ образомъ, въ Чечнѣ.

Получивъ донесеніе объ этихъ безобразіяхъ, я понесся въ Грозный, около котораго большевицкій поѣздъ оперировалъ. Переговоривъ тамъ съ начальствомъ и съ туземцами, рѣшилъ сдѣлать попытку перехватить большевиковъ въ Гудермесѣ, и прокатилъ туда на лошадяхъ, оставивъ свой вагонъ въ Грозномъ, дабы замести собственные слѣды.

Пріѣхавъ въ Гудермесъ, собралъ чеченскихъ мѣстныхъ главарей и началъ ихъ подбадривать на активныя дѣйствія, т. е. разрушеніе желѣзнодорожнаго пути и бой; нѣкоторый энтузіазмъ нахожу у молодежи, но старики боятся національнаго вопроса, чтобы не создалось впечатлѣніе войны туземцевъ противъ русскихъ. Они непремѣнно хотятъ привлечь къ операціи казаковъ изъ близъ лежащей станицы, но на это шансовъ, конечно, нѣтъ никакихъ, ибо не таковы отношенія между казаками и туземцами, чтобы совмѣстныя дѣйствія противъ русскихъ были возможны. Чувствуется, кромѣ того, надежда, что большевики поскандаливъ, уйдутъ во свояси.

Совѣщаніе затягивается до двухъ часовъ ночи. Замѣчаю, что уважаемый чеченскій мулла Дени-Шейхъ *) упорно молчитъ. Въ концѣ концовъ, говорю, что хотѣлъ бы слышать его мнѣніе, въ надеждѣ, что онъ меня поддержитъ, но получается неожиданный конфузъ.

Мулла начинаетъ съ продолжительныхъ комплиментовъ по адресу моей мудрости и доблести, а затѣмъ заявляетъ: — «Аллаху угодно было теперь наслать на человѣчество какое-то огульное сума-

*) Впослѣдствіи разстрѣлянъ большевиками.

сшествіе и пока Всемогущій не рѣшитъ это сумасшествіе вновь удалить, даже такіе люди, какъ нашъ Генералъ, ничего подѣлать не могутъ, ибо на то Божественная воля». — Если вдуматься, пожалуй, мулла правъ. Во всякомъ случаѣ, ясно, что дальнѣйшее разглагольствованіе безполезно, закрываю засѣданіе, заваливаюсь спать, а на слѣдующее утро возвращаюсь во Владикавказъ. Большевицкій же поѣздъ, вѣроятно, все-таки опасаясь какихъ нибудь пакостей съ моей стороны, укатываетъ въ Баку.

Развалъ все увеличивается. Наша тройка, Чермоевъ, Карауловъ и я, дѣлаемъ что можемъ, но теорія чеченскаго муллы, повидимому, болѣе правильна. Наконецъ, происходитъ трагическое убійство Караулова. Онъ поѣхалъ въ Прохладную — встрѣтить одинъ изъ терскихъ казачьихъ полковъ, вернувшихся съ фронта, и пока его вагонъ стоялъ на запасномъ станціонномъ пути, онъ былъ окруженъ толпой солдатъ ополченской дружины, находившееся въ Прохладной, которые не безъ поддержки прохладненскихъ казаковъ, открыли огонь по вагону, изрѣшетили его совершенно, убивъ находившихся внутри Караулова и его брата.

Меня вызвалъ на прямой телеграфный проводъ командиръ Донского артиллерійскаго дивизіона, стоявшаго въ Прохладной, и подробно изложилъ все происшествіе. Беру телеграфную ленту и спѣшу въ атаманскій дворецъ, гдѣ какъ разъ засѣдаетъ войсковой кругъ. Вхожу и прошу у предсѣдателя слова внѣ очереди. Когда я казакамъ сообщаю, что ихъ атаманъ убитъ, негодованіе велико и бурно, нѣкоторые даже не хотятъ мнѣ вѣрить. Затѣмъ начинаютъ высказываться всякія предложенія, клонящіяся, въ общемъ, къ тому, чтобы немедленно командировать изъ Владикавказа

въ Прохладную обѣ конвойныя сотни, (бывшія Конвоя Его Величества), чтобы наказать виновныхъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ арестовать и привезти тѣло атамана.

Происходитъ неожиданный инцидентъ. Офицеръ, командовавшій этими сотнями, проситъ превратить засѣданіе въ закрытое. Удаляютъ постороннихъ лицъ, газетныхъ корреспондентовъ, дактилографокъ и проч., а затѣмъ доблестный командиръ обращается къ войсковому кругу съ очень рѣзкой рѣчью, приблизительно, такого содержанія: *)

«Въ былые времена, когда я, какъ офицеръ Конвоя Его Величества, ѣздилъ по станицамъ набирать казаковъ въ Конвой, то за мной не знали, какъ ухаживать, и взятки предлагали, чтобы того или иного казака принять въ Конвой. Теперь, когда мы, конвойцы, появляемся въ станицахъ, насъ всячески ругаютъ и, въ лучшемъ случаѣ, обзываютъ контръ-революціонерами и опричниками, а когда атамана убили, то къ намъ обращаются за помощью. При этихъ условіяхъ особенной охоты у насъ нѣтъ играть роль карательнаго отряда».

Члены круга начинаютъ протестовать, расточая всякіе комплименты конвойцамъ, и инцидентъ ликвидируется съ вынесеніемъ постановленія — конвойцевъ отправить. Но тутъ возникаетъ второй инцидентъ, не менѣе характерный.

Предсѣдатель круга задаетъ вопросъ: «А кто будетъ охранять войсковой кругъ, если конвойцевъ отправятъ въ Прохладную»? — Въ немъ, очевидно, заговорилъ страхъ и не безосновательный, передъ возможностью какой нибудь враждебной демонстраціи со стороны туземцевъ. Тутъ я спасаю положеніе и гордо заявляю, что отвѣтственность за

*) Да проститъ онъ меня за разглашеніе тайны закрытыхъ дверей, но близка уже 10-лѣтняя давность.

безопасность круга беру на себя и буду его охранять туземными частями. Немножко для круга унизительно, но приходится согласиться и выразить мнѣ отъ лица круга благодарность.

Конвойцы отправляются и привозятъ тѣла убитыхъ, а также нѣсколькихъ арестованныхъ ополченцевъ Уфимской дружины, которыхъ заключаютъ въ темницу. Я пишу грозный, хотя собственно довольно безполезный приказъ о расформированіи Уфимской дружины, а затѣмъ устраиваю Караулову очень торжественные похороны, выстроивъ на улицахъ шпалеры отъ частей русскихъ, туземныхъ и казачьихъ. Передъ похоронами объѣзжаю войска. У самаго вокзала выстроены конвойцы; не безъ нѣкотораго чувства грустной иронiи, взираю, на стоящаго въ ихъ рядахъ урядника, когда то приходившаго во главѣ депутаціи Конвоя въ Государственную Думу и ссылавшагося тогда на авторитетъ Караулова.

Похороны проходятъ дѣйствительно очень торжественно. На могилѣ рѣчи льются безъ конца. Такъ погибъ первый выборный Терскій атаманъ. Оказывается, что когда онъ послѣ революціи пріѣхалъ во Владикавказъ, ему была устроена необычайная овація и его на рукахъ несли отъ вокзала до атаманскаго дворца, но онъ тогда же сказалъ: «А, быть можетъ, пройдетъ немного времени и вы, глядя на меня, будете кричать, распни его»! — Зналъ покойникъ, сколь ненадежна любовь толпы.

Передъ надвигающимся развалomъ различныя сѣверо-кавказскія правительства начинаютъ пытаться создать какое то объединеніе. Терекъ переговаривается съ Кубанью, постепенно примыкаетъ Донъ, возникаетъ идея крупнаго Юго-Восточнаго Союза. Делегаты разныхъ правительствъ катаются взадъ и впередъ и ведутъ весьма сложные дипло-

матическіе переговоры о томъ, какія права и преимущества и какіе министерскіе портфели будутъ предоставлены каждому въ случаѣ объединенія.

Послѣ прибытія Алексѣева въ Екатеринодаръ, тамъ происходитъ очередной съѣздъ всякихъ делегатовъ, и отправившійся туда Чермоевъ сообщаетъ мнѣ по телеграфу, что Кубань съ Терекомъ рѣшили объединиить военное командоваіе на обѣихъ территоріяхъ въ моемъ лицѣ. Благодарю за честь, но не вижу къ чему это приведетъ при наличіи отдѣльныхъ военныхъ министровъ, когда даже Горская республика таковымъ обзавелась, да еще имѣется авторитетъ атамановъ. Масса властей, но никто не слушается, а дѣйствительная власть всюду быстро переходитъ въ руки большевицкихъ комитетовъ.

У меня назрѣваетъ новая трагедія — отсутствіе денегъ. Приходится бороться съ разбоями, когда туземные всадники, не получающіе жалованія, весьма естественно склонны либо отправиться домой, либо самимъ пограбить.

Около новаго года (1918) ѣду въ Кисловодскъ, постараться тамъ изъ запасныхъ сотенъ Черкесскаго полка организовать оплотъ противъ Пятигорской совѣтской республики; на обратномъ пути въ Нальчикѣ узнаю, что во Владикавказѣ въ мое отсутствіе все развалилось. Ингуши напали на городъ, казаки произвели контръ-атаку, осетины вмѣшались въ общую кашу и пошла потѣха. Мой Штабъ корпуса удралъ въ одномъ направленіи, Штабъ 1-ой дивизіи въ другомъ, запасные сотни тоже благополучно удалились въ разныя стороны, командиръ запаснаго полка на единственномъ имѣвшемся у меня броневомъ автомобилѣ уѣхалъ по Военно-Грузинской дорогѣ въ Тифлисъ, а мои

корпусные склады разграблены до чиста. Словомъ, у меня ничего не остается въ смыслѣ матеріальныхъ средствъ для дальнѣйшей дѣятельности, а въ смыслѣ моральныхъ еще меньше, ибо казаковъ большевики очень ловко противъ меня подработали, доказывая, что я вооружаю туземцевъ, давая имъ возможность воевать противъ казачества, а туземцевъ распропагандировали не безъ участія нѣкоторыхъ изъ туземныхъ націоналистовъ, доказывая, что я русскій, и потому мои симпатіи, въ концѣ концовъ, естественно, не на ихъ сторонѣ.

При такихъ условіяхъ рѣшаю уклониться отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ политической и военной жизни Сѣвернаго Кавказа, и посылаю для корректности телеграмму въ Тифлисъ, въ Штабъ фронта съ изложеніемъ обстоятельствъ и просьбой освободить меня отъ должности командира корпуса, а затѣмъ сосредотачиваюсь на довольно трудной, но занимательной задачѣ — спасенія собственной шкуры, ибо на желѣзной дорогѣ меня большевики подкарауливаютъ, особенно въ Прохладной, а изъ Нальчика ни на востокъ, ни на западъ мнѣ верхомъ нѣтъ никакихъ шансовъ выбраться въ цѣлости.

Дальнѣйшая моя судьба прямого отношенія къ революціи не имѣетъ; Генералъ въ черкесскѣ пересталъ существовать и его, слава Богу, никто не узналъ ни въ засаленномъ и небритомъ мѣщанинѣ Петрѣ Пѣтуховѣ, говорившемъ большевицкія рѣчи въ вагонѣ третьяго класса Владикавказской желѣзной дороги, ни въ благообразномъ, чисто выбритомъ американскомъ миссіонерѣ съ трубкой въ зубахъ, не могшемъ ни въ Баку, ни въ Энзели ни одного слова отвѣтить на вопросы красноармейцевъ изъ-за полнаго незнанія русскаго языка. А въ слѣдующемъ своемъ воплощеніи, въ видѣ кофейнаго

плантатора, подъ далекимъ экваторомъ, въ восточной Африкѣ, онъ составилъ эти замѣтки о томъ, что старый чеченскій мулла считалъ затменіемъ, временно ниспосланнымъ Аллахомъ на человѣчество.

П. Половцовъ.

Библиотека
Института

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.

ИЗДАНІЯ „ВОЗРОЖДЕНІЯ“

	Цѣна во Франціи
Ив. Шмелевъ. — Солнце мертвыхъ....	15 фр.
Ев. Чириковъ — Мой романъ.....	25 фр.
В. Новиковъ. — Фашизмъ.....	8 фр.
Ив. Шмелевъ. — Человѣкъ изъ ресторана	15 фр.
Гев. П А. Половцовъ. — Дни затменія.	15 фр.
Илья Сургучевъ. — Эмигрантскіе разсказы	15 фр.
Бор. Суворинъ. — Фазанъ	15 фр.

„ВОЗРОЖДЕНІЕ“

Наиболѣе распространенная за рубежомъ большая политическая и литературная газета.

Выходитъ ежедневно въ Парижѣ.

Справочный отдѣлъ при газетѣ

обслуживаетъ русскихъ безплатно.

Отдѣлъ объявленій

Русскіе объявители пользуются скидкой

Печатный тарифъ высылается безплатно.

2, Rue de Sèze, 2. --- PARIS (IX·)

Tél. Richelieu 94-98,—94-99.

5

Цѣна 15 фр.

15—